

ААРОН ГОЛЬДШТЕЙН

**СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ
ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ**

АНТИКУЛЬТОВАЯ ВЕТВЬ ВЛАСТИ

НАЦИСТСКИЕ СЕКТОБОРЦЫ
И ИХ ПРЕЕМНИКИ

**Секретное оружие
тоталитарных режимов:
антикультовая ветвь власти**

Нацистские сектоборцы и их преемники

Аарон Гольдштейн

Дисклеймер

В настоящей книге приводятся описания исторических событий, а также высказывания и взгляды деятелей тоталитарных и экстремистских режимов. Данные материалы используются исключительно в научно-исследовательском, образовательном и аналитическом контексте. Автор не разделяет и не одобряет данные идеологии, а рассматривает их как объект исторического анализа и предостережение против повторения трагических ошибок прошлого. Материалы книги направлены исключительно на осмысление исторического опыта и не имеют целью пропаганду экстремистских идеологий, разжигание ненависти или оправдание насилия.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Исторический фон – благодатная почва

Пожар, погасивший свободы

Тактический мир: Конкордат с Ватиканом

Политика уравнивания

Глава 2. Теологический фундамент геноцида

Наследие Мартина Лютера

Против небесных пророков

Авторитарный Лютер

Лютер о евреях

Прямая связь Лютера и нацизма

Глава 3. Синхронизация ненависти

Параллельные временные линии

Страсть к спискам

Прорыв из политического небытия

«Перепись сект» Евангелическо-лютеранской церкви в Баварии

Глава 4. Чтобы пламя не угасло

Резонанс: Слияние кафедры и трибуны

Вюрцбург: От слов к делу

Наследие: Огонь, который не угас

Глава 5. Вальтер Кюннет. От архивов центра к орудию геноцида

Теология «Порядков творения» и ее историческое фиаско

Глава 6. 1933: Слияние власти и идеологии

Стратегия снятия ответственности

Трансформацию из научного отчета в ордер на смерть

Альянс с Дьяволом: декабрь 1933

Теологическое обоснование нацистских репрессий: контекст и интерпретации

Глава 7. Эскалация: от слов к насилию (1934–1937)

1937: «Враги государства». Как архивы Кюннета стали оружием Гейдриха

Глава 8. Теологи, предоставившие оправдание

Удаление из народа-хозяина

Глава 9. Кафедра как оружейная комната: Тюбингенский арсенал

Глава 10. Рейдерский захват: Как гестапо «национализировала» ненависть

Несгораемый архив: почему метод пережил Третий рейх

Епископ Ганс Мейзер: Покровитель Вальтера Кюннета

Глава 11. 1938: от слов к крови и погромам

Хрустальная ночь

Глава 12. «Ударь пастуха, чтобы стадо рассеялось!»: Свидетельство из ада

Глава 13. Секретная инструкция гестапо 1937-1938 гг.

Глава 14. Директива Гейдриха против тайных учений 1941 года

Глава 15. История Симоны Арнольд. Девочка под номером один
Два узника Дахау: Контраст судеб

Глава 16. РСХА: Инкубатор окончательного решения

Маховик РСХА. Бюрократия террора

Смерть Закона

Подготовка. Списки и «Акция Гесса»

Глава 17. 1942: Апогей ужаса

Глава 18. Недооцененная роль сектоборчества и антикультового движения в тоталитарных режимах

Глава 19. Алиби на руинах: Рождение нового мифа

Великая подмена: Спор о «Мифе» как индульгенция

Глава 20. Послевоенная «моральная амнезия» или Теология амнезии:
Операция «Самоочищение»

Глава 21. Экспертный доклад: Как палачи стали жертвами

Инфернальное алиби: как дьявол спас репутацию теологов

Метаморфоза ненависти: От Рейха к демократии

Глава 22. Дело о преемниках: От Рейха к глобальной сети

Эхо меча: Вальтер Кюннет

Ребрендинг ненависти: От Кюннета к EZW

Наследство: Архивы меняют хозяев

Коммерциализация «исцеления»

Глобализация: Спрут антикультизма

Русский след

Слова как бомба: Механика стохастического терроризма

Механизм дегуманизации

Эпилог: Шлейф жертв

Источники

Пролог

Как умирает идеология? Что происходит с ядом ненависти, когда режим, породивший его, рушится в прах, а его вожди находят бесславный конец в своих бункерах? Наивно было бы полагать, что с падением знамен Третьего рейха и безоговорочной капитуляцией Германии в 1945 году умерла и сама доктрина, которая привела мир к катастрофе. Она не умерла. Она затаилась, мутировала и нашла новых носителей. Чтобы понять, как это произошло, необходимо провести четкое различие между двумя понятиями: наследник и преемник.

Наследник — это тот, кто твердо копирует прошлое. Он носит униформу дедов, повторяет избитые лозунги и вскидывает руку в характерном приветствии. Он — тень, чья сила заключается в повторении ритуалов, смысл которых он сам, возможно, до конца не понимает. Наследники — это бритоголовые маргиналы, собирающиеся в полуподвалах, чтобы почтить день рождения фюрера. Они легко распознаваемы, их идеология груба и прямолинейна, и общество, наученное горьким опытом, справедливо их отторгает. Они — эхо прошлого, но не его будущее. Их не наделяют властью.

Преемник — фигура куда более сложная и опасная. Он не копирует форму, он наследует суть. Он не носит свастику; он носит дорогой костюм и выступает с трибуны респектабельных конференций. Он не кричит о расовом превосходстве; он говорит о «защите традиционных ценностей», «духовной безопасности нации» или «борьбе с деструктивными культами». Преемник изучил ошибки предшественников. Он понял, что открытый фашизм обречен на поражение. Он осознал: система государственного террора не может работать без общественной легитимации будущих преступлений, и что самым эффективным оружием в современном мире является не штурмовая винтовка, а «экспертное заключение», растиражированное в СМИ. Он — прямой продолжатель дела Вальтера Кюннета, Хаака,

Огорда и его Апологетического центра, но в новой, куда более изощренной и социально приемлемой упаковке.

Современные антикультисты (сектоборцы) — это именно преемники, а не наследники нацистских идеологов. Они не призывают строить концлагеря. Вместо этого они создают списки «опасных сект», архивы, доклады, псевдо-учебники, которые затем ложатся на столы чиновников и силовиков. Они не сжигают книги на площадях; они организовывают кампании медийной травли, дегуманизируя своих оппонентов и превращая их в глазах обывателя в самых страшных врагов общества. Они не требуют физического уничтожения сами; они лоббируют принятие репрессивных законов, которые душат неудобные организации экономически и юридически, лишая их права на существование, а сами умывают руки, говоря, что они не в ответе за действия государства, которое в своих действиях руководствовалось мнением, отчетами, экспертизами сектоборцев. Их методы — это не грубая сила гестапо, а тонкая, почти невидимая работа по формированию нужного им общественного мнения и манипулированию государственным аппаратом. Действия, похожие на нацистское *Gegnerforschung* — «исследование врага», как это делали в РСХА — доведенное до совершенства и адаптированное к реалиям XXI века.

Ярчайшим примером этой модели преемственности служит деятельность Александра Дворкина и созданного им антикультового движения в постсоветской России. Подобно Кюннету, Дворкин позиционирует себя как «защитник веры», в данном случае — православия. Его методы до боли напоминают тактику Апологетического центра протестантской церкви времен Гитлера. Дворкин создал и популяризировал термин «тоталитарная секта», «деструктивный культ», который, не имея строгого научного определения, стал удобным ярлыком для дискредитации любых религиозных и мировоззренческих конкурентов новому зарождающемуся режиму. Через свои книги, лекции и тесные связи с ФСБ и государственными СМИ он десятилетиями формировал атмосферу страха, ненависти и отторжения к религиозным меньшинствам и

неудобным светским объединениям. Списки так называемых «сект», составленные им и его последователями, стали неформальным руководством к действию для правоохранительных органов, что привело к тысячам случаев преследования, запретам организаций и тюремным срокам для верующих, пыткам и смертям под следствием. Это и есть преемственность в действии: та же методика выявления, каталогизации, обобщения и нейтрализации «врага», но под новым флагом и с использованием современных инструментов.

В этом и заключается главная опасность. Преемник, в отличие от наследника, сливается с ландшафтом. Он маскирует свою ненависть и фобии под респектабельную общественную деятельность, под фасадную заботу о детях, под защиту национальной идентичности. Он говорит языком, который понятен и близок миллионам. Он предлагает простые ответы на сложные вопросы, указывая на легкодоступного внутреннего врага. И общество, уставшее от неопределенности, слишком часто готово принять эту ложь за правду. Таким образом, идеология, которая, казалось, была похоронена под руинами Берлина 60 лет назад, не просто выжила. Она эволюционировала, стала умнее, хитрее и, очевидно, еще опаснее, потому что научилась прятать на виду свое истинное лицо за маской добродетели. И наша задача — сорвать эту маску.

«Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь», —

Джордж Сантаяна

Перед вами документальное расследование, доказывающее прямую идеологическую и методологическую преемственность между основополагающими элементами репрессивного аппарата Третьего рейха и современным антикультовым движением в Европе, России, США, Китае. Методы подавления религиозных меньшинств — включая создание централизованных досье, сотрудничество с силовыми структурами, использование дегуманизирующей пропаганды и юридического давления — не были изобретены заново. Они были сохранены, адаптированы и переданы по непрерывной линии от

нацистских функционеров через послевоенных европейских теологов к нынешним «сектоведам» в России.

Исторический след организованной нетерпимости начинается с планов нацистов по созданию «специализированной библиотеки» для борьбы с «сектами». Он пролегает через деятельность пастора Вальтера Кюннета, сотрудничавшего с гестапо, к созданию его последователями глобальной сети сектоборческих центров и, наконец, к прямому заимствованию этой модели Александром Леонидовичем Дворкиным и его РАЦИРС в России. Это не просто сходство, а документально подтвержденная преемственность, которая опирается на факты, архивы и прямые цитаты участников этой цепи.

Глава 1. Исторический фон – благодатная почва

Пожар, погасивший свободы

Пожарные работают у горящего Рейхстага. Надпись на здании: «К немецкому народу». Дата снимка: 27 февраля 1933 г. Источник: Документ из группы документов 208: Документы Управления военной информации, 1926 - 1951 гг. [1]

В ночь на 27 февраля 1933 года над Берлином полыхало зарево. Горел Рейхстаг. Для миллионов немцев это пламя стало символом хаоса и предвестием гражданской войны. Для Адольфа Гитлера, назначенного канцлером всего месяц назад, оно стало бесценным даром. Еще до того, как пожарные расчеты справились с огнем, аппарат пропаганды уже работал на полную мощность, обвиняя во всем коммунистов и провозглашая необходимость принятия чрезвычайных мер для спасения нации. [2]

Поджог рейхстага застал нацистское руководство врасплох. Первоначальная растерянность очень быстро сменилась вспышкой истерической решимости. Гитлер воспринял произошедшее как повод для немедленного развязывания открытого террора — «больше не будет никакой пощады». В узком кругу прозвучали требования действовать безжалостно: уничтожать политических противников без суда, немедленно расправляться с коммунистическими функционерами, арестовывать всех, кто хотя бы косвенно был связан с левыми организациями. Под удар попадали уже не только коммунисты, но и социал-демократы, а также любые структуры, способные к самостоятельной мобилизации общества.

В этих словах и решениях проявилась истинная логика нового режима: отказ от правовых процедур, презрение к человеческой жизни и готовность заменить государство права государством страха. Пожар рейхстага стал не просто чрезвычайным происшествием — он стал спусковым крючком для масштабной кампании политических репрессий. [3]

На следующий же день, 28 февраля 1933 года, престарелый президент Гинденбург подписывает документ, который войдет в историю как некролог Веймарской республике: Указ рейхспрезидента «О защите народа и государства». Всего на одной странице были перечеркнуты фундаментальные гражданские свободы, гарантированные конституцией: свобода личности, свобода слова,

свобода печати, свобода собраний, тайна переписки. Ключевым нововведением стал институт так называемого «защитного ареста» (Schutzhaft) — право государства задерживать любого гражданина на неопределенный срок без санкции суда и предъявления обвинений.

Этот указ, задуманный как инструмент для борьбы с политическими оппонентами, мгновенно стал юридической дубиной, которую режим обрушил не только на коммунистов и социал-демократов, но и на всех, чье мировоззрение не вписывалось в узкие рамки национал-социализма. В их числе оказались и религиозные общины. С этого дня любой священник, пастор или простой верующий, чьи слова с кафедры или действия в общине могли быть истолкованы как критика власти, мог бесследно исчезнуть в системе тюрем и зарождающихся концентрационных лагерей.

Хаос уличного террора штурмовиков СА (Sturmabteilung) начинал уступать место холодному, бюрократическому террору государства. Маховик подавления был запущен, а нацистский режим продолжил разрабатывать систему искоренения инакомыслия. [4]

Тактический мир: Конкордат с Ватиканом

Одним из самых значительных идеологических противников для нацистского режима была Католическая церковь. Ее транснациональная структура, подчиненная не Берлину, а Риму, ее мощное влияние на миллионы немцев и ее доктрина, основанная на универсальных человеческих ценностях, а не на расовой исключительности, представляли прямую угрозу тотальным притязаниям Гитлера на власть. Однако в 1933 году фюрер еще нуждался в легитимности, как внутренней, так и международной. Прямая атака на столь влиятельный институт была преждевременной и рискованной. Вместо этого он выбрал путь хитрости.

20 июля 1933 года в Ватикане был подписан Имперский конкордат (Reichskonkordat) — соглашение между нацистской Германией и Святым

Престолом. Для внешнего мира это стало триумфом дипломатии Гитлера. Он предстал в образе умеренного государственного деятеля, готового к диалогу и уважающего свободу совести. Соглашение гарантировало католикам право на свободное исповедание и публичное отправление веры, а также сохранение церковных школ и общественных организаций.

Взамен Гитлер получил то, чего жаждал больше всего: политическую нейтрализацию церкви. Статья 32 Конкордата прямо запрещала духовенству и членам монашеских орденов «принадлежать к политическим партиям или действовать в их интересах». Это означало гибель немецкого политического католицизма, и в первую очередь для Партии Центра, которая самораспустилась еще до подписания документа. Ватикан, надеясь оградить паству от гонений, фактически вывел ее из политической борьбы, оставив один на один с тоталитарным государством.

Гитлер никогда и не собирался соблюдать условия Конкордата. Для него это была лишь временная передышка, тактический ход, позволяющий усыпить бдительность противника перед решающим ударом. Едва высохли чернила на документе, как аппарат репрессий начал планомерно и систематически нарушать его статьи. Католические молодежные группы распускались под предлогом того, что они конкурируют с Гитлерюгендом*, церковные издания подвергались цензуре, а единицы священников, осмелившиеся критиковать режим, оказывались под арестом по указу «О защите народа и государства». Конкордат превратился в фиговый листок, прикрывавший систематическое удушение католической жизни в Германии.

* Гитлерюгенд (или «молодежь Гитлера») — это молодежная организация в нацистской Германии, основанная в 1922 году. Она была призвана развивать преданность нацистскому режиму среди молодежи. Члены Гитлерюгенда проходили военную подготовку, участвовали в общественно полезной деятельности и пропагандировали идеалы нацистской идеологии, такие как национализм и арийская раса. Организация стала обязательной для всех немецких мальчиков в возрасте от 10 до 18 лет после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Гитлерюгенд сыграл важную роль в формировании взглядов и поведения поколения, выросшего в условиях нацистской Германии, и продолжал действовать до конца Второй мировой войны.

Шестерни системы подавления вращались не хаотично, а по выверенному плану, созданному в тихих кабинетах теми, кто видел в любой независимой мысли, в любой лояльности, кроме верности фюреру, экзистенциальную угрозу.

Нацистская идеология стремилась к тотальному контролю над сознанием нации, к тому, что на бюрократическом новоязе именовалось — «уравнивание» или «синхронное переключение» (Gleichschaltung). [5] В этом новом мире не было места для двойной лояльности. Немец не мог одновременно служить Богу и фюреру, если повеления одного противоречили воле другого. Католическая церковь с ее транснациональной структурой и верховным авторитетом Папы Римского, протестантские деноминации с их упором на индивидуальную совесть, и тем более малочисленные, но стойкие группы, такие как Свидетели Иеговы, с их бескомпромиссным пацифизмом — все они были препятствием. Они были помехой на пути к созданию монолитного, управляемого народного тела (Volkskörper), готового без колебаний исполнить любой приказ.

Политика уравнивания

Нации часто пытаются сформировать свое единство через историческую или культурную идентичность. Однако, в нацистской Германии этот процесс принял зловещую форму, известную как политика Gleichschaltung (Гляйхшальтунг). Термин состоит из двух частей: «Gleich», что означает «равный» или «тот же самый», и «schalten», что переводится как «переключать». Таким образом, этот термин обозначает процесс создания навязываемого единства. Главной задачей нацистов было устранение всех, кто мог предложить иную точку зрения или противостоять режиму. В этом контексте термин Ausschaltung, обозначающий «отключение», стал важным элементом политики Gleichschaltung.

Нацистский режим считал, что общество должно быть очищено от индивидов, которые по тем или иным причинам считались «загрязняющими» нацию. Эти нежелательные элементы включали в себя людей с врожденными отклонениями, представителей не немецких национальностей, а также тех, кто имел приверженность демократии, марксизму или другим идеологиям, противоречащим нацистской доктрине. Эти категории людей подлежали «отключению» — они устранялись из общественной жизни и подвергались репрессиям.

Здесь важно отметить, что процесс Gleichschaltung не был ограничен лишь физическим устранением. Это было системное выдавливание лиц в разных сферах: от политики и экономики до культуры и образования. На местах создавались организации, которые активно продвигали идею объединенной нации, но при этом жестоко наказывали тех, кто осмеливался выступать против системы. Данная политика стала неотъемлемой частью стратегии нацистского режима, направленной на создание тоталитарного общества, где каждый должен был соответствовать жестким стандартам, установленным нацистской властью. Устранение «нежелательных» для достижения так называемой «народной общности» служило основным принципом нацистского правления, который до сих пор вызывает ужас и сожаление. Каждый из нас должен помнить об этом темном периоде истории, чтобы предотвратить его повторение в настоящем и будущем. [6, 7]

Глава 2. Теологический фундамент геноцида

Чтобы понять, как Германия, страна поэтов, мыслителей и изобретателей, могла породить индустрию массового уничтожения, необходимо заглянуть в глубину ее культурной и религиозной истории. Корни идеологии, которую нацисты использовали для оправдания своих преступлений, уходят в том числе далеко в прошлое, к одной из самых

влиятельных фигур немецкой истории — Мартину Лютеру, жившему в XVI веке.

Наследие Мартина Лютера

Мартин Лютер, инициатор Реформации, известен не только своей борьбой с коррупцией в католической церкви, но и радикальной нетерпимостью к инакомыслящим. Лютер не просто спорил с оппонентами — он создавал для них клетки из слов.

В его лексиконе есть термины, которые до сих пор отзываются глухим звоном в церковных коридорах: Schwärmer — «роящиеся», «мечтатели», «фанатики»; Rottengeister — «духи раскола», «сектантские духи»; латинское sectarii — «сектанты». Эти слова были не описанием, а клеймом: они отнимали у противника право говорить от имени Писания и загоняли его на обочину — в мир «бредовых вдохновений», противопоставленных «внешнему Слову». Именно так Лютер строил границы своей реформы, проводя резкую линию между «истинной церковью» как он считал и теми, кого он называл «сектами». Современные исследователи прямо связывают его полемический арсенал с выстраиванием системы идентичностей «свои/чужие» на раннем этапе виттенбергской Реформации.

Его теологическая позиция не допускала компромиссов или свободы вероисповедания. Он требовал жесточайших мер, вплоть до смертной казни для тех христиан, кто осмеливался трактовать Священное Писание иначе, чем он. Анабаптисты и другие, которых он клеймил «сектанты», стали мишенями для его гнева, заложив прецедент для преследования религиозных меньшинств в протестантской среде.

В полемике Мартина Лютера нет нейтральных слов. Он активно использовал термин «сектанты», и множество схожих по смыслу, но более грубых определений, по отношению к своим оппонентам. Он не описывал — он клеймил. Когда реформатор сталкивался с теми, чьи

идеи вызывали у него неприязнь или страх, он прибегал к особому языку исключения. Этот язык был гибким, многоязычным и безошибочно распознаваемым современниками. На немецком и латыни Лютер снова и снова возвращался к словам, которые сегодня мы без колебаний переводим как «секта» и «сектанты», хотя в его устах они звучали куда грубее и опаснее. Именно так в начале Реформации формировалась граница между «истинной церковью», по его мнению, и теми, кого следовало вытолкнуть за её пределы.

Лютер различал врагов. Католиков он атаковал как внешний лагерь: «паписты», «слуги Антихриста», «Вавилонская блудница». Эти формулы были яростными, но привычными для эпохи. Куда показательнее, что слово «секта» он приберегал главным образом для своих же — для других протестантов, которые осмеливались понимать Писание иначе, чем он. Здесь появляется его излюбленный термин *Schwärmer*: «роящиеся», «энтузиасты», «фанатики». В буквальном смысле — как пчёлы, потерявшие улей и несущиеся беспорядочным роем. Так он называл тех, кто, по его мнению, подменил Библию своими личными «духовными откровениями». В богословском смысле — люди, которые, по убеждению Лютера, променяли внешнее Слово Писания на внутренние «откровения» и потому утратили всякое право говорить от имени Бога. [8].

Слово *Schwärmer* — «роящиеся» — стало его главным клеймом для «энтузиастов» и «сакраментариев»: Цвингли, Эколампадий, Карлштадт и их ученики превращались в «фанатиков», потому что, по Лютеру, покинули якорь реального присутствия Христа в Евхаристии и отдались «духам» собственных толкований. Этот ярлык он вынес на обложку нескольких трактатов: от «Это Мое Тело... всё ещё стоит против *Schwarmgeister*» (1527) до «О таинстве тела и крови Христовых — против фанатиков» (1526). Уже сами названия говорят: спор о словах и смыслах оформляется как борьба с «сектантским духом». [9]

Радикальные реформаторы, — те самые «швермеры», утверждали, что Святой Дух говорит с ними напрямую, без посредников в виде попов

или даже букв Библии. Они называли это «Внутренним Словом». Лютер же считал, что Дух действует только через «Внешнее Слово», то есть Библию и проповедь. Поэтому их уверенность в том, что Бог говорит у них внутри, он считал гордыней и самообманом.

Рядом с этим словом стоит другое, ещё более социально нагруженное: *Rotte* и *Rottengeister*. В немецком языке XVI века *Rotte* означала банду, сборище, опасную толпу. Применяя это слово к своим оппонентам, Лютер делал больше, чем давал оценку их богословию. Он приписывал им разрушение порядка и склонность к мятежу. Лютер использовал это понятие как прямой аналог слова «секта». «Духи сектантства» или «раскольнические духи», *Rottengeister*, в его текстах — это не просто заблуждающиеся христиане, а носители заразы, которая разъедает церковное тело изнутри [10]. В академических трактатах он без колебаний использовал и классическое латинское *sectarii*, вписывая то же клеймо в язык университетской теологии. [11] Любопытно, что слово «секта» он чаще применял не к католикам (их он называл «папистами», «слугами Антихриста» или «Вавилонской блудницей»), а к другим реформаторам, с которыми он не был согласен.

Против небесных пророков

Эта риторика особенно ярко вспыхнула в конфликте с Андреасом Карлштадтом. Ирония истории была горькой: именно этот человек когда-то надел докторский берет на голову самого Лютера. Теперь же бывший наставник решил, что ученик слишком медлителен.

Зимой 1521–1522 годов Виттенберг напоминал готовый взорваться котёл. Пока Лютер скрывался от императорского гнева в замке Вартбург под именем «юнкера Йорга», Карлштадт в Виттенберге — духовной колыбели реформатора — решился на радикальный переворот. Это была революция, о которой Лютер не просил. [12] Карлштадт вышел к алтарю городской церкви не в священнических ризах, а в светской

одежде, и начал служить мессу на немецком языке. Но самым страшным стал его призыв очистить храмы от «идолов» — движение против икон. Начался *Bildersturm* — иконоборческий погром, который многим показался началом конца света. Статуи святых летели на мостовую, витражи разбивались, картины сдирали со стен. «То, что Бог запретил, не может быть терпимо ни на час», — провозгласил Карлштадт.

Вернувшись в город, Лютер увидел в руинах искусства не христианскую свободу и очищение, а тиранию «мятежного духа». Его ответом стал трактат «Против небесных пророков, об иконах и таинстве» (*Wider die himmlischen Propheten, von den Bildern und Sakrament*), один из самых яростных текстов в его наследии. В этом тексте Лютер не стеснялся в выражениях. Он намеренно использовал термин *Rottengeister* (духи сектантства/банды), чтобы описать Карлштадта и его последователей. В нём он окончательно заклеил своего бывшего соратника как мятежника и лидера опасной секты.

В этом сочинении Лютер видит Карлштадта как главу секты, ведомой не Писанием, а снами и фантазиями. Ирония истории заключалась в том, что Карлштадт лишь довел до логического предела идеи самого Лютера о «свободе христианина», но Лютер увидел в этом зеркале лицо врага. Лютер пишет, что в его голове звучит не голос Бога, а шипение дьявола, и называет его окружение *Rottengeister* — духами банды, раскольниками, чьё учение «неизбежно ведёт к крови», даже если они сами утверждают обратное. [13] Через время Лютер сам выпускает трактат «О евреях и их лжи» (1543), который призывает к насилию и погромам.

Лютер писал о Карлштадте:

«Доктор Карлштадт отпал от нас и стал нашим злейшим врагом...» — писал Лютер. — «Хотя он не желает убивать и проливать кровь, но его учение неминуемо ведет к этому... У него в голове сидит дух, который хочет властвовать и быть особенным». [14] Здесь впервые во всей мощи звучит его формула: Карлштадт и его круг — это не реформаторы, а *Rottengeister*, «секта» внутреннего озарения,

противопоставившая свои видения объективному Писанию и церковному порядку. Тон — не просто резкий: он беспощадно отделяет «внешнее Слово» от «внутренних фантомов» и требует от читателя сделать то же самое. Текст зафиксирован в Веймарском издании сочинений Лютера (WA 18), и по нему видно: язык стигмы работает как язык ненависти и приговора.

Здесь важно не преувеличение, а логика: по мнению Лютера ошибочное учение порождает секту, секта порождает хаос, хаос требует подавления, отсюда у власти лишние хлопоты. Историки Реформации справедливо отмечают, что именно в этом тексте язык богословской полемики окончательно превращается у Лютера в язык социальной угрозы.

Не менее показателен его разрыв с швейцарскими реформаторами. Спор о Евхаристии (о природе причастия), казалось бы, касался тонкостей толкования слов «Сие есть тело Моё», но для Лютера он стал проверкой на принадлежность к истинной церкви. Лютер занял жесткую позицию. Последователей Ульриха Цвингли он называл «сакраментариями» и относил к тому же лагерю *Schwärmer*, которые, по его убеждению, растворяли реальность таинства в человеческих рассуждениях. Он считал их еретической сектой, отколовшейся от правильного понимания Евангелия. На Марбургском диспуте 1529 года, отказавшись пожать руку Цвингли, Лютер произнёс фразу, ставшую символом разрыва: «У вас другой дух, нежели у нас» [15]. Это был не эмоциональный выпад, а формула исключения: иной дух означал иную церковь, а значит — секту.

Это была не случайная грубость, а теологическая граница, проведенная словом. Лютер фиксировал «иной дух» как иное царство: с этими людьми можно остаться вежливым, но нельзя остаться «в одной церкви». Так стигма «сектантства» стал не только риторикой, но и политикой общин: от общения — к разобщению, от дружбы — к глубокому расколу. Свидетельства современников и позднейшие изложения диспута сохраняют эту фразу как нерв всего разрыва.

Особое место в этом ряду занимают анабаптисты и Томас Мюнцер. Для Лютера они стали воплощением худших страхов. Они были главными «сектантами» в глазах Лютера. Отказ от крещения младенцев, апелляции к прямому водительству Духа, социальные требования, вылившиеся в Крестьянскую войну, — всё это слилось в сознании Лютера в один образ «швермеров», одержимых дьяволом и опасных для веры и социального порядка. В предисловиях и памфлетах середины 1520-х годов он вновь и вновь связывает «сектантский дух» с мятежом и настаивает на необходимости решительных жестоких мер. [16, 17, 18] Для него это была не просто богословская дискуссия, а борьба за выживание Реформации. Ведь помимо него, на рынке веры были и другие предложения.

Тройное преступление перед Лютером

Для Лютера понятие «секты» никогда не было нейтральным социологическим термином; это был изъян, который невозможно терпеть. В его картине мира секта возникала там, где группа верующих совершала, по его мнению, тройное преступление. Во-первых, она отступала от «чистого Слова Божьего» — причём критерием этой чистоты Лютер безапелляционно считал собственное понимание текста. Другие трактовки он не признавал. Во-вторых, она заменяла объективный авторитет Писания «внутренним голосом» — личными переживаниями и внутренними озарениями, которые реформатор презирал как фантазии.

Но самым парадоксальным был третий критерий: Лютер клеймил «сектантами» тех, кто нарушал церковное единство и создавал обособленные группы — *Rotten*. Ирония истории здесь достигала своего пика: человек, который сам совершил глобальный раскол с Римом и создал новую обособленную конфессию, с яростью ветхозаветного пророка отказывал другим в праве на аналогичный шаг. То, что для него было священной борьбой за истину, в исполнении других становилось преступным бунтом.

Именно поэтому его гнев имел разную температуру. Католики оставались для него врагом внешним, понятным, «Вавилоном» за крепостной стеной. Но радикальные реформаторы — анабаптисты, цвинглианцы — воспринимались как предатели внутри лагеря. Они были опаснее папы, потому что, по убеждению Лютера, искажали само ядро его Реформации, превращая выстраданную им свободу в анархию.

Парадокс, который невозможно обойти, состоит в том, что сам Лютер с точки зрения социологии религии вполне подпадает под определение лидера секты в нейтральном смысле слова — группы, отколовшейся от господствующей церкви и предложившей новую норму веры, которая затем превратилась в новую конфессию. Даже само вероучение в итоге получило имя смертного человека — лютеранство — классический признак культа личности. Однако в собственной логике Лютер этого не признавал.

Лютер искренне верил, что не создает ничего нового. В его картине мира раскольником был не он, а Рим. «Я не откололся, это они отпали», — мог утверждать реформатор, убежденный, что папа и католическая иерархия за последние века до неузнаваемости исказили христианство, превратив его в «секту Антихриста».

Лютер ненавидел термин «лютеране». Изначально это была кличка, которую придумали католики, чтобы обидеть его последователей (мол, вы веруете не в Христа, а в смертного монаха Лютера, значит, вы секта). Лютер просил называть своих сторонников просто «христианами» или «евагеликами». Он искренне считал, что не создает ничего нового, а возвращает христианство к его истокам. Возможно, для него это было как чистит пыль с Библии. Католическую иерархию он обвинял в том, что именно она превратилась в «секту Антихриста», тогда как он стоит на стороне «чистой проповеди Евангелия». Все остальные, кто добавлял к Писанию «свои фантазии», как он считал, — будь то мистические откровения анабаптистов или рациональные схемы Цвингли, — автоматически оказывались в разряде сектантов.

Себя же Лютер видел не революционером, а реставратором — человеком, который лишь возвращает Церковь к её подлинным истокам: к Библии и теологии Августина. Его логика была простой и жесткой: «Я проповедую Евангелие чисто, значит, я пребываю в истинной Церкви». Те же, кто, подобно анабаптистам или Цвингли, пытался добавить к Писанию, как считал Лютер, собственные фантазии, в его глазах автоматически исключали себя из истины, становясь еретиками и сектантами.

В действиях и текстах Лютера отчетливо проступает его авторитарность. Обладая колоссальным эго и взрывным темпераментом, он был абсолютно убежден, что Бог открыл Истину именно ему. Любое отклонение от его трактовки — будь то иконоборчество Карлштадта или символическое понимание причастия у Цвингли — он воспринимал не как допустимое «другое мнение», а как прямую атаку дьявола на него лично и на дело Божье. Он не терпел конкурентов в сфере духовного авторитета и расправлялся с ними беспощадно.

Авторитарный Лютер

У этой нетерпимости была и холодная политическая подоплека. Лютеру жизненно требовалась поддержка немецких курфюрстов. Он прекрасно понимал: без мечей и денег знати его просто сожгли бы, как Яна Гуса за сто лет до этого. И он прекрасно понимал, что радикальные реформаторы, призывающие к социальному перевороту, могут погубить всё его дело.

Между тем анабаптисты, Томас Мюнцер, Карлштадт — призывали не только к церковной, но и к социальной реформе. Они требовали равенства, отмены феодальных порядков, а иногда и создания коммун. Лютер испытывал настоящий страх, понимая: если князья поставят знак равенства между Реформацией и революционным хаосом, они уничтожат и его самого, и его учение.

Чтобы спасти свое детище, Лютер должен был отмежеваться от радикалов максимально жестко. Называя их «бешеными собаками» и «сектантами», призывая власть подавлять их силой, он посылал князьям ясный сигнал: «Я за порядок. Я не с ними. Моя Реформация безопасна для вашего трона». Здесь история фиксирует двойной стандарт. Требуя свободы совести для себя перед лицом императора и папы — со знаменитым «На том стою и не могу иначе», — Лютер отказывал в этой свободе тем, кого считал внутренними врагами. Так язык «сектантства» стал у Лютера инструментом не только богословского, но и политического размежевания.

Те, кого он клеймил как сектантов, на деле были его конкурентами на рынке новых идей. И он устранял их, используя всю мощь своего авторитета и влияние на светскую власть, чтобы закрепить за лютеранством статус единственной «правильной» версии Реформации.

История этого языка важна не потому, что делает Лютера «плохим героем». Она показывает, как рано в протестантской традиции возникла привычка клеймить оппонента словом, которое одновременно лишает его истины, объективности и легитимности. В XVI веке это слово звучало как *Schwärmer*, *Rottengeister* или *sectarii*. Позднее оно станет более скрытым, вежливым, более научным, но суть приёма останется той же.

Мы привыкли смотреть на «сектоборчество» как на побочный продукт XIX–XX веков, но у него есть чин протодиакона — язык Лютера. В его руках слово «секта» стало инструментом ограждения алтаря и престола: те, у кого «другой дух», должны быть выведены из центра к периферии, из братства — в статус «чужих». Этот язык затем унаследуют церковные журналы, консистории, поздние «эксперты по сектам» — меняя исторические декорации, но сохраняя исходную функцию: лишить оппонента права говорить от имени истины. И если наши герои XX века с каменным спокойствием заверяли, что «дают лишь материалы для самостоятельного мнения», то их риторические

деды в XVI веке говорили честнее: «Ты — не из наших. У тебя другой дух».

Лютер о евреях

Однако наиболее ядовитым и исторически значимым было его отношение к евреям. В своих поздних работах, таких как «О евреях и их лжи» (1543), Лютер перешел от теологической полемики к откровенному подстрекательству к насилию. Он называл евреев настоящими «дьяволами», «злыми змеями», «чумой, моровой язвой и всем несчастьем» для немецкого народа. [19]

Его призывы были пугающе конкретны:

«Во-первых, следует поджечь их синагоги или школы, а то, что не горит, засыпать землёй и покрыть, чтобы никто и никогда не увидел ни камня, ни пепла. И так надлежит поступить во славу Господа нашего и христианства, дабы Бог узрел, что мы — истинные христиане». [20, 21]

Он предлагал разрушать их дома, отбирать религиозные книги, запрещать раввинам учить под страхом смерти и отнимать все их имущество. Его ненависть доходила до личных, жестоких фантазий:

«Если я буду крестить еврея, я приведу его к мосту через Эльбу, повешу ему камень на шею и толкну его вниз, сказав: "Я крещу тебя во имя Авраама!"». [22, 23]

Став основой протестантизма, они создали глубоко укорененный культурный и религиозный антисемитизм, который веками отравлял немецкое общество. Лютер предоставил теологическое оправдание для ненависти, облек ее в форму божественного долга, но не был принят массами. Все же антидотом для его версии религии выступала христианская любовь и христианские принципы морали и человеколюбия, что создавало сдерживающий эффект.

Прямая связь Лютера и нацизма

Спустя четыре столетия Адольф Гитлер нашел в трудах Лютера готовый идеологический каркас для своих планов. Он публично восхищался Лютером, называя его «величайшим немецким гением». [22] Историки и исследователи отмечают, что Гитлер и нацисты «точно следовали указаниям Лютера в отношении евреев». Хотя с большей вероятностью они опирались на то, что могло придать расовым законам историческую и теологическую легитимность. [24]

Существовавший веками церковный антисемитизм сформировал характер немецких национальных движений и, в конечном счете, самого нацизма. Но как нацистам удалось убедить свою нацию в правоте и «праведности» откровенной агрессии в отношении других людей? В этом им помогал в том числе апологетический центр при протестантской церкви, созданный еще в 1921 году. Через такие институты ненависть к евреям и инакомыслящим легитимизировалась задолго до появления гестапо. Анализируя документы и хронологию событий, становится ясно, что такой центр подталкивал гестапо радикализироваться еще сильнее.

Немцы держались от проявлений жестокости в отношении меньшинств более 400 лет, и в истории Германии не было таких масштабных гонений, и уж тем более столь губительного геноцида. Что или, скорее, кто создал условия, в которых образованный культурный немецкий народ решился на бесчеловечные поступки? В XX веке все еще не доставало искр, которые бы разожгли эту почву нетерпимости и ненависти в национальном масштабе. Все еще мешала христианская совесть, моральные и общечеловеческие принципы, которые заставляли немцев колебаться в принятии жестких решений.

Труды Лютера хоть и создали культурный код, в котором с его точки зрения преследование меньшинств воспринималось не как преступление, а как акт веры и защиты нации, за 400 лет массового истребления так и не произошло. Даже члены партии НСДАП в 20-х годах отмечали, что в Германии все еще недостаточно понимания всей «опасности», которую могут нести евреи. Исходя из логики партии

НСДАП, по их мнению, немцам не хватило 400 лет для того, чтобы понять очевидную опасность? Или все же эта «опасность» была вовсе не такой, какой ее хотели видеть нацисты? Но им нужно было найти что-то, на что они могли бы опереться в легитимизации своей жестокости. Таким катализатором общественно отвращения к меньшинствам стал антикультовый инструментарий, манипулятивные тактики и щепетильно подготовленные архивы с досье на людей, которые были переданы гестапо. Но все по порядку.

Глава 3. Синхронизация ненависти

Параллельные временные линии

Историю прихода нацистов к власти часто описывают как сугубо политический захват. Но эта перспектива упускает важнейший элемент: интеллектуальное и духовное оправдание, которое сделало немыслимое сначала обсуждаемым, а затем — реализуемым. Этим катализатором стал Протестантский апологетический центр (*Apologetische Centrale*) в Берлине. А его мотором — теолог антисемит Вальтер Кюннет, человек, выполнявший функции церковного «комиссара по сектам».

Идеология ненависти не сразу превращается в инструмент геноцида. Этот процесс требует времени, институтов и совпадения ключевых событий, которые усиливают друг друга, создавая кумулятивный эффект. В Германии 1920-х и 1930-х годов мы наблюдаем поразительную синхронизацию между ростом политического экстремизма и институционализацией религиозной нетерпимости. Рассмотрим эту хронологию ненависти.

Вторая мировая война и Холокост — события, навечно вписанные в анналы истории как свидетельства человеческой жестокости. Однако изучая их истинные истоки, не стоит упускать из виду зловещую симфонию, исполнявшуюся на двух параллельных сценах. На одной

разворачивалось шествие тоталитарной политической системы, на другой — скрытая, но не менее разрушительная идеологическая борьба, начавшаяся под благовидной маской якобы «защиты веры». Эти две линии — политическая и религиозно-идеологическая, казавшиеся поначалу несвязанными, сплелись, питая друг друга и порождая немыслимый доселе террор.

Параллельные прямые (1921–1932)

Хронология завораживает своей точностью. События развивались параллельно, словно две руки одного организма работали вслепую, но в унисон.

1921 год. На фоне послевоенной нестабильности, в Германии происходит два события, предвещающих мрачное будущее. В Мюнхене Адольф Гитлер возглавляет малоизвестную НСДАП, закладывая основы тоталитарной партии. В том же году Протестантская церковь* создает в Берлине «Апологетический центр». [25] Официально — для защиты веры. Фактически — для сбора досье на инакомыслящих. Эти два события казались несвязанными. Но у них была общая цель: тотальный контроль и поиск врагов. Своими действиями они закладывают основу для будущих репрессий.

**Для ясности и простоты восприятия текста и во избежание повторения длинной терминологии Евангелическо-лютеранская церковь, которая является одной из конфессий протестантизма, основанная на учениях Мартина Лютера, в тексте будет упрощенно называться протестантская церковь, подразумевая именно данное направление внутри протестантской церкви.*

Открытие центра — значимое событие, которое на первый взгляд не имело ничего общего с политическими амбициями Гитлера. Структура подавалась под покровом благопристойности, официально предназначалась для «защиты веры» и борьбы с «ересями». На деле же центр начинает собирать досье на так называемые «секты» — религиозные группы и меньшинства, выступая самопровозглашенными сектоборцами. Действия центра позже окажутся удивительно

созвучными методам тайной государственной полиции, а их досье станут ценнейшей базой для будущих преследований гестапо.

В тени растущего влияния НСДАП движение, борющееся с «сектами» и свободомыслием, тоже набирало силу, выстраивая параллельную структуру власти. Деятельность поддерживалась протестантской церковью. Апологетический Центр создал внушительный архив, а финансирование шло из государственной казны. Свои идеи апологеты транслировали через журнал «Слово и дело» (Wort und Tat, 1925–1932), ставший их рупором на общественной арене.

В этот год рождаются две структуры — одна стремится к политической власти, другая к идеологической чистоте общества. Казалось бы, их пути параллельны, но оба института аккумулируют потенциал для тотального контроля и репрессий.

Страсть к спискам

Чтобы понять, откуда у современных борцов с сектами эта страсть к картотекам и спискам, нужно вернуться в начало XX века. Институциональный фундамент был заложен еще в 1921 году, когда в Шпандау открылся «Апологетический центр» (Apologetische Centrale). Изначально это было место для мирных теологических дискуссий. Но в 1932 году директором центра стал Вальтер Кюннет.

С приходом Кюннета всё изменилось. Он перепрофилировал работу центра. Новая цель была проста: создать интеллектуальный штаб для защиты немецкой церкви от врагов. Тогда врагами были назначены большевики, неоязычники и сектанты. Центр Кюннета стал экспериментальной площадкой, где теология смешивалась с методами спецслужб: картотеки, доносы, списки, анализ угроз, рекомендации. Кабинет богослова он превратил в штаб разведки. Под его руководством «Апологетический центр» начал систематически собирать досье не просто на оппонентов в спорах, а на якобы «врагов нации». Именно

Кюннет внедрил методы, которые позже так понравились нацистским спецслужбам: слияние защиты веры с политическим сыском.

Прорыв из политического небытия

1930 год. Эхо биржевого краха на Уолл-стрит превратилось в оглушительный грохот экономического коллапса, сотрясавшего самые основы Веймарской республики в 1930 году.

Великая депрессия обрушилась на страну с беспрецедентной силой: промышленное производство сократилось почти вдвое, зарплаты падали, а армия безработных становилась символом национального унижения и отчаяния. В марте 1930 года распалась последняя парламентская коалиция, и власть перешла к «президентским кабинетам», правившим посредством чрезвычайных указов. Парламентская система Веймарской республики оказалась неспособной эффективно реагировать на вызовы, что привело к усилению политической нестабильности и частой смене правительств. [26]

В этой атмосфере страха, озлобленности и утраты доверия к демократическим институтам общество отчаянно искало виновных и простые рецепты спасения. Ключевым событием, превратившим НСДАП в общенациональную силу, стали досрочные выборы в Рейхстаг 14 сентября 1930 года. Результаты ошеломили Германию и мир. Партия Адольфа Гитлера совершила электоральный скачок, который навсегда изменил политический ландшафт страны. На выборах в Рейхстаг в сентябре 1930 года НСДАП получила 18,3% голосов и стала второй по величине партией в парламенте, хотя еще в 1928 году она набрала только 2.6% голосов. НСДАП активно использовала экономический и политический кризис для пропаганды своих идей. Нацисты обещали решить проблемы страны, восстановить величие Германии и бороться с «врагами народа».

Данный триумф не был случайностью. Он стал результатом системной работы пропагандистского аппарата под руководством

Йозефа Геббельса, который предлагал отчаявшемуся населению пьянящий коктейль из реваншизма, национального величия и поиска врагов (евреев, коммунистов, социал-демократов и других). Эти идеи распространялись через все доступные каналы: массовые митинги и марши, радио, кинематограф и агрессивную печатную продукцию, вроде антисемитского еженедельника Der Stürmer. НСДАП превратила политику в тотальное зрелище, воздействуя не на разум, а на инстинкты и эмоции.

«Перепись сект» Евангелическо-лютеранской церкви в Баварии

Политический триумф НСДАП не был изолированным феноменом. Он резонировал с процессами, происходившими на других уровнях общества, и вступал с ними в опасный симбиоз. Пока нацисты рвутся к власти, Евангелическо-Лютеранская церковь в Баварии, при главенствующем участии Апологетического центра, запускает масштабное «исследование». Пасторы рассылают анкеты по приходам, выявляя членов так называемых «сект». Они идентифицируют лица, связанных с рядом религиозных групп. Это была генеральная репетиция будущих полицейских проверок, только вместо гестаповцев действовали священники.

На первый взгляд, цели были разными: НСДАП стремилась к политической власти, церковь — к сохранению «чистоты веры». Однако и идеология, и методология обнаруживали пугающее сходство. Церковная инициатива по каталогизации «сектантов» была, по сути, практикой «духовной гигиены». Она разделяла общество на «здоровую» паству и «духовно инфицированных» инакомыслящих. Метод, избранный для этого — анкеты и опросники Апологетического центра — превращал человека из заблудшей души в объект административного учета, запись в картотеке и досье. Опросник стремится выявить всех людей в сфере влияния церкви. К ним

относятся: баптисты, свидетели Иеговы, неапостольцы, спиритисты, адвентисты, пятидесятники, аннабаптисты, меннониты, методисты, креггианцы, дарбийцы, хоргиане, иерусалимцы, «Объединённые братья во Христе», ирвиниане и другие. Данное исследование служит основой для принятия конкретных мер государством по борьбе с этими религиозными объединениями, такими как Свидетели Иеговы. [27]

Этот переход от пастырского увещевания к бюрократическому надзору бессознательно легитимизировал саму идею о том, что сбор информации о «нежелательных» группах является приемлемой и даже необходимой общественной практикой. Но история показывает другую картину: насколько ужасными могут быть последствия таких списков, которые собираются с целью, которую знают немногие, — дальнейшего подавления людей из этих списков. История повторяется, и новые списки послевоенных сектоборцев привели к новым трагедиям. Но эта тема не предмет исследования данной главы.

Политический успех НСДАП, в свою очередь, стал мощнейшим сигналом для консервативных и националистически настроенных элит, включая часть духовенства. Он показал, что радикальная риторика и политика сегрегации находят массовую поддержку. Победа нацистов на выборах придавала смелости тем, кто на локальном уровне уже практиковал разделение общества на «чистых» и «нечистых». Возник порочный круг: локальные практики сегрегации готовили культурную и психологическую почву для нацизма, а рост популярности тоталитарной идеологии поощрял дальнейшую радикализацию на местах.

Предоставление списков и информации государству, вероятно, способствовало усилению преследований Свидетелей Иеговы и других религиозных групп со стороны нацистского режима. Важно отметить, что действия церкви и, в частности, Апологетического центра, способствовали созданию атмосферы подозрительности и нетерпимости, которая облегчила нацистам реализацию своих планов. Уже нацисты активно распространяли антисемитские и антиклерикальные идеи, обвиняя религиозные группы, в том числе

Свидетелей Иеговы, в подрывной деятельности и угрозе национальной безопасности. Они использовали пропаганду для создания образа врага и мобилизации населения против этих групп.

Нацисты осуществляли давление на Свидетелей Иеговы и другие религиозные группы, организовывали акции протеста, срывали их собрания и распространяли клевету. Они также добивались, не без участия апологетов, запрета их деятельности и конфискации имущества.

Таким образом, 1930 год стал репетицией. На политической арене НСДАП доказала эффективность своей идеологии ненависти. В то же время, в недрах общества, в том числе в таких авторитетных институтах, как экспертный центр при церкви, отрабатывались и «нормализовались» сами методы классификации и учета людей. Эти, казалось бы, разрозненные процессы сливались в единый поток, который неумолимо вел Германию к тоталитарному контролю и будущей катастрофе.

Глава 4. Чтобы пламя не угасло

11 ноября 1930 года — дата, когда маски были сброшены. Главный печатный орган немецкого духовенства, журнал *Das Deutsche Pfarrerbblatt* (обязательное чтение для каждого члена Ассоциации пасторов), публикует программный манифест пастора Фридриха Винеке (Friedrich Wienecke).

Статья призывает служителей церкви перестать быть просто наблюдателями и погрузиться в «глубины национал-социалистического мировоззрения» (*Tiefe der nationalsozialistischen Gedankenwelt*). Винеке прекрасно понимает, с кем имеет дело. Он призывает не пугаться «внешних изъянов» нацизма, таких как грубость, жестокость и мстительность. Он видит уличные драки, слышит призывы к расправам.

Но для него это не грех, а лишь «внешние изъяны» — нетерпимость, ненависть и жажда мести. С циничной поэтичностью пастор пишет:

«Под этой грубой оболочкой может прорасти лучшая жизнь, когда-либо поднимавшаяся из старого немецкого дуба».

Так теология превращается в адвокатуру дьявола. Винеке объясняет тысячам немецких священников: не бойтесь кастетов и крови, это всего лишь «твердая кора», защищающая священное ядро нации. Ссылаясь на Mein Kampf, он уверяет, что Гитлер — друг церкви, он возлагает на немцев обязанность проявлять глубокое уважение к официальным церквям, а задача, «уготованная Богом немецкой политике», — создание «арийско-германского человека».

Резонанс: Слияние кафедры и трибуны

Нацисты мгновенно оценили подарок. Официальный рупор НСДАП *Völkischer Beobachter** дословно перепечатывает статью Винеке.

*«Völkischer Beobachter» — главный нацистский печатный правительственный журнал. Газета публиковала пропагандистские статьи с нацистской идеологией и программами НСДАП, включая антисемитизм. Фактически, эта газета была рупором нацистов. [28]

Это был символический акт союза: партийная газета, пропитанная антисемитизмом, и уважаемый пасторский журнал заговорили на одном языке. Нацисты получили то, чего им не хватало — метафизическое обоснование. Теперь штурмовик, избивающий еврея, знал: он не просто хулиган, он выполняет «божественную задачу».

В статье пастор призывает служителей церкви не пугаться грозных аспектов национал-социализма. Его прозорливое видение подразумевает, что идеалы Христа, видимо, отошли на второй план, уступив место чему-то более «приземлённому». Видимо, в его мире Иисус был не милосерден и не любил безусловно, а скорее потакал грубости и жестокости. И действительно, кто сказал, что милосердие и любовь — это основные ценности, когда можно задействовать такую «глубину» идеологии? Похоже, пастор в своей «галлюцинации» решил,

что святость христианских учений допускает нечто более суровое, чем просто сострадание.

Пастор пишет: *«задача, уготованная Богом»*. Внимательно рассмотрим божественное откровение, которым, по его мнению, нацистская партия якобы была наделена. Интересно, каким образом партия поняла, что ей уготована миссия «от Бога»? Может, это произошло во время откровения одного из офицеров СС или, быть может, самого фюрера? А может, просто официальная церковь решила, что нацистская программа нуждается в метафизическом обосновании, чтобы выглядеть более весомо в глазах общественности? Как бы там ни было, пастор Винеке чётко указывает, что божественный план для «арийско-германского человека» был не просто случайным совпадением, а задачей, требовавшей поддержки духовенства, чтобы эта бурная идеология не угасла, а принесла, как они уверены, «исцеление» народу. Трогательно, не так ли? Вот такие настроения витали в стенах лютеранской церкви, где усердно действовал сектоборческий центр.

Вюрцбург: От слов к делу

«Исцеление народа», о котором мечтал Винеке, началось почти мгновенно. Уже 19 ноября 1930 года, всего через неделю после публикации статьи, в Вюрцбурге (Бавария) толпа из тысячи «истинных арийцев» блокирует театр, где выступает еврейская труппа «Габима» со спектаклем «Дибук». Лозунги сменились действием: *«Вот еврей!»*, *«Бей его насмерть!»*. Людей избивают прямо на улицах.

В феврале 1931 года прокурор оправдывает зачинщиков данное погрома, заявив, что они действовали «не из бесчестных побуждений» (unehrenhaften Motiven). Запомните эту формулировку. Спустя годы именно так будут оправдывать нацистских пасторов и их преемников: «Они желали добра, они защищали нацию».

Удивительно, как структура, прикрывающаяся благочестием, неплохо усвоила уроки манипуляции, выдавая свои высказывания за божественные откровения. И вот, во время исторических метаний, НСДАП было выбрано в качестве партнёра для осуществления идей, которые уже давно кривят душой с кафедры. Из-за общих интересов политическая и религиозная структуры сотрудничают, усиливаясь во время режима, и прикрывая друг друга даже после капитуляции в войне.

Наследие: Огонь, который не угас

Винке завершил свою статью призывом к духовенству: сделать всё, чтобы «нацистское движение не угасло», а исполнилось «божественной силы». [23]

История показала страшную эффективность этой манипуляции. Движение не угасло даже после 1945 года. Его идеологическое ядро выжило. Такие люди, как Вальтер Кюннет, не просто избежали наказания — они сохранили кафедры и влияние. А спустя десятилетия эстафету перехватит «эксперт по сектам» Фридрих Хаак. Тот, кто насквозь пропитан идеями нацизма, пронесет их сквозь всю свою жизнь.

Хаак, верный ученик этой школы, усвоил главный урок Кюннета-Винке 1930-х годов: если хочешь уничтожить меньшинство, назови ненависть «защитой традиций», а погром — «божественной миссией». Как и Винке, который хвастался «множеством писем» с «восторженным одобрением» (классическая имитация народной поддержки), современные сектоборцы будут размахивать пачками анонимных «жалоб от родителей», оправдывая ими любимые репрессии. [29]

Винке боялся, что нацистское движение угаснет. Кюннет потерпел крах. Но Фридрих Хаак и созданная им система — сама себя поддерживающая сеть из сектоборцев, позаботились о том, чтобы тлеющие угли ненависти к «чужим» были бережно перенесены и

адаптированы в новую, демократическую Германию, где они вспыхнут с новой силой под старой вывеской «защиты от сект».

Спустя 20 лет с подачи Вильгельма Хаака, о котором пойдет речь далее, снова раздались призывы к уничтожению «сект». В чем еще может быть смысл богословия, как не в разжигании огня репрессий? Или все же нет? Хаак виртуозно манипулировал мозгами тех, кто принимал решения, навязывая им свое мнение о мнимых угрозах от малых религиозных групп. Он явно не упускал шанса запугивать несогласных, намекая на то, что отсутствие их лояльности к «традиционной церкви» может обернуться для них потерей не только репутации, но и места в государственном аппарате. И Хааку подчинялись, хотя совесть им подсказывала, что это неправильно. Вроде бы, тоталитарная сеть сектоборцев — это не так уже и страшно, если ее цели прописаны с таким благородным пафосом, как их подавал Хаак? Но последствия ее действий ужасающи. Что у Кюннета, что у Хаака, все в духе «истинного» христианства: место для свободы вероисповедания у них, очевидно, где-то в дальнем углу, в рядом божественные планы по разрушению демократии. Но вернемся к истории 30-х годов.

1931 год. Примерно 23 % протестантских пасторов Баварии были хотя бы временно членами НСДАП, а в некоторых районах до трети из них также состояли в СА – хотя, согласно церковному уставу, священникам вообще не положено заниматься политической деятельностью.

1932 год. Бавария становится эпицентром слияния. На выборах НСДАП получает ошеломительную поддержку в протестантских регионах (до 90–100% в некоторых сельских общинах). Пасторы массово вступают в партию. Создается «Союз национал-социалистических пасторов». Бавария становится образцом переплетения церкви и новой власти.

Подавляющая масса населения Германии была преданными христианами, в основном протестантского или католического

направления. Протестантская церковь, особенно ее консервативные и радикальные круги, также оказала массовую поддержку нацистской партии. Немецкие пасторы, пропитанные идеями антикультизма (сектоборчества) и антисемитизма, стали мощными проводниками нацистской идеологии среди верующих, радикализируя ее. К 1932 году, еще до прихода Гитлера к власти, НСДАП получила 60% голосов среди протестантских пасторов. В некоторых сельских протестантских общинах, особенно в Баварии, поддержка достигала 90-100%. Историки справедливо утверждают, что Третий рейх, по сути, зародился в Баварии уже в 1932 году. [30]

2.6.1932 – Газета Neue Zürcher Zeitung в Швейцарии сообщает о протестантской церкви в Германии: многие ведущие представители церкви, и особенно молодые пасторы, симпатизировали Гитлеру и принимали активное участие в деятельности НСДАП. Практически во всех земельных церквях существовали национал-социалистические союзы пасторов. Протестантская церковь находится на пути к тому, чтобы стать «партийной церковью» [нацистской партии]. 1932 год – Основана Ассоциация национал-социалистических протестантских пасторов (NSEP), проще говоря, нацистских пасторов.

31.7.1932 — выборы в рейхстаг: НСДАП получает 37,4 % голосов и становится сильнейшей партией в рейхстаге. В преимущественно протестантских избирательных округах Баварии НСДАП получала даже более 70% голосов. И: «Особенно в небольших протестантских сельских общинах она уже в 1932 году получила от 90 до 100 процентов всех голосов». [31]

В этом значительную роль сыграли местные протестантские пасторы, которые активно поддерживали нацистский энтузиазм. Историк Манфред Киттель пишет:

«В протестантской Франконии уже весной 1932 года можно было получить впечатление, что Третий рейх наступил». [32]

В этом же году Вальтер Кюннет становится руководителем межрегионального Апологетического центра в Берлине и работает там

своего рода «уполномоченным по сектам». Он — человек новой формации. Хладнокровный, методичный, одержимый идеей «чистоты». Под его руководством Центр начинает войну на уничтожение против всего спектра конкурентов: от «Свидетелей Иеговы» и антропософов до дарвинистов и свободомыслящих. Вместе с Карлом Швейцером Кюннет выпускает справочник «Свободомыслие и церковь» (*Freidenkertum und Kirche*). [33]

Его тактика: использовать прессу как кафедру. Клевета, дезинформация и создание образа врага становятся его главными инструментами. Под его руководством развернулась беспощадная борьба с «еретическими», «сектантскими» течениями — от антропософии и монизма до эзотеризма и дарвинизма — против всего, что протестантская церковь считала своими конкурентами.

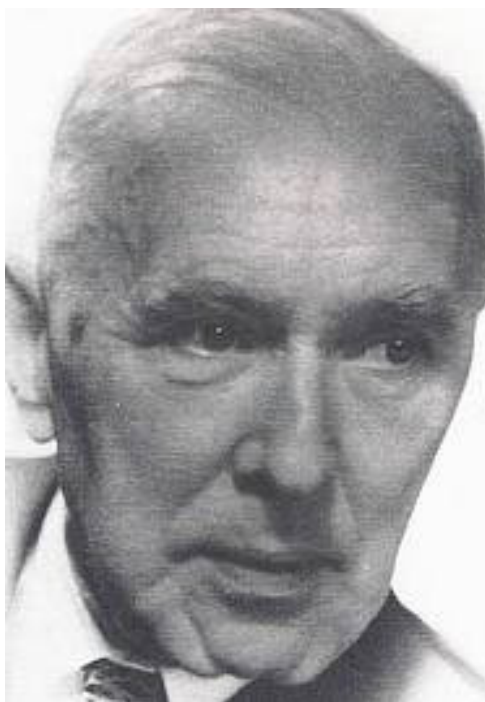
Арсенал борьбы центра, от лекций до клеветнических статей, был унаследован из темных веков инквизиции, и призван был искоренить все, что угрожало монополии протестантской церкви. Журналистская деятельность становится для апологетов-сектоборцев особо важной. «Пресса как кафедра» — такое восприятие роли прессы было среди них. Они рассматривали ее как способ размножить собственные идеи, которые впоследствии оказались смертоносными. В последующие годы новое поколение сектоборцев сосредотачивали свое внимание на вытягивании журналистов в свои клеветнические кампании против так называемых «сект». Конечно, они преследовали свои, не самые благородные, цели.

Глава 5. Вальтер Кюннет. От архивов центра к орудию геноцида

1932 год. В архивах Апологетического Центра, где в чемоданах лежали стопки пожелтевших папок с информацией о так называемых «опасных сектах» и «еретических течениях», которые, по мнению этого

сектоборца, несли вред, Вальтер Кюннет — строгий хранитель ортодоксального лютеранства — видел не просто собрание знаний, а оружие в борьбе за чистоту «немецкого христианства». Кюннет был ярким представителем антилиберального лютеранства. Для него Веймарская республика* с её демократией и правами человека была символом хаоса и безбожия. Толерантность для него была слабостью веры.

**Веймарская республика (1919–1933) была первой демократической властью в Германии, с конституцией, гарантировавшей права человека, свободу слова, собраний и равенство граждан перед законом. Для радикальных консерваторов и национал-социалистов эти принципы выглядели чуждыми и опасными: демократия ограничивала власть сильного государства, защищала меньшинства и идеологически противоречила идее «чистоты нации». Нацисты видели Веймарскую систему как хаос, слабость и моральное разложение, поэтому, придя к власти, они сразу же уничтожили парламентские институты, ограничили свободы и заменили демократические инструменты диктатурой. Для НСДАП республика с её законами была «костей в горле», препятствовавшей реализации их радикальных программ.*

Вальтер Кюннет, немецким протестантский теолог

Основанный в 1921 году как ответ на послевоенную нестабильность — рост светских движений, свободомыслия и марксистских идей после поражения в Первой мировой, — Центр по борьбе с сектами и прочими ересями быстро превратился в центр церковной апологетики*.

**Церковная апологетика — это систематическая защита веры и учений церкви. Она включает объяснение и обоснование религиозных доктрин, а также критику или опровержение идей и движений, которые считаются представителями церкви чуждыми или угрожающими религии. Кюннет превратил эту классическую дисциплину в политический инструмент. Традиционная апологетика спорит с идеями (например, пишет книги против атеизма). Апологетика Кюннета (Apologetische Centrale) занималась сбором досье на людей и сотрудничала с государством для их подавления.*

Кюннет позиционировал организацию как щит против «чужеродных элементов»: свидетелей Иеговы (тогда «Серьезные исследователи Библии»), неоязычников, теософов, которых он демонизировал как угрозу народной традиционной вере, и еврейских общин, которые он описывал как народно-национальную угрозу. Кюннет утверждал, что Бог создал разные народы, и смешение — это зло. Евреи для него были «инородное тело» (Fremdkörper) в немецком организме. Он атаковал «еврейское влияние» (jüdischer Einfluss) на прессу, культуру и политику. [34]

В 1932 году при поддержке голосов НСДАП католический государственный канцлер Франц фон Папен добивается запрета движения свободомыслящих (Freidenker-Bewegung) в Германии. Напомню, что это те верующие, на которых собирали досье adeпты Апологетического центра. Движение выступало за светские убеждения и против религиозного влияния на общество, что привело к его запрету. 30.01.1933 года. После назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером Франц фон Папен становится его вице-канцлером.

Теология «Порядков творения» и ее историческое фиаско

По Вольфгангу Герлаху (Wolfgang Gerlach), «Кюннет считал, что государственные меры по ограничению прав евреев были необходимы "для защиты немецкого народа"». «Апологетика» Кюннета давала теологическое оправдание нюрнбергским законам, признав евреев законной целью для государства. Такое утверждение позволяло религиозным людям (в том числе офицерам вермахта и СС из

протестантской среды) считать расизм не преступлением, а исполнением воли Божьей. [35]

Вальтер Кюннет являлся одним из ключевых апологетов теологической доктрины «Порядков творения» (Schöpfungsordnungen). Согласно данной концепции, мир, созданный Богом, представляет собой не хаотичную материю, а упорядоченную систему структур. К фундаментальным элементам этой системы Кюннет относил семью, государство, труд и народ (Volk). Логическое обоснование Кюннета строилось на презумпции божественного умысла: существование различных народов, рас и «кровей» интерпретировалось им как непосредственное выражение воли Творца. Из этого следовал этический требование сохранения данных различий. Любые попытки нивелирования национальных границ, включая интернационализм или ассимиляцию евреев, рассматривались как акт неповиновения Творцу, а смешение народов квалифицировалось как грех.

В 1930-е годы данное учение приобрело политическое измерение. Группа теологов под руководством Пауля Альтхауса и Вернера Элерта использовала концепцию «Порядков творения» для идеологической легитимации национал-социализма. В частности, этническая принадлежность и раса были определены как незыблемые божественные установления в экспертном заключении Эрлангенского теологического факультета (1933), в котором после капитуляции прятался Кюннет, касательно применения «арийского параграфа», а также в решениях Ансбахского собора (1934). Вследствие использования данной доктрины для оправдания расовой политики Третьего рейха, учение о «Порядках творения» было впоследствии дискредитировано, прежде всего в рамках диалектической теологии, и, как следствие, от него отказались. [36]

В своей работе «Ответ на миф» (Antwort auf den Mythos, 1935) Вальтер Кюннет сформулировал теологическое обоснование государственной сегрегации. Признавая «народность» (Volkstum) естественным, данным Богом порядком, он утверждал, что государство

обладает божественным правом защищать этот порядок от угроз, включая «еврейское влияние». Кюннет настаивал, что церковь не должна препятствовать Нюрнбергским расовым законам, поскольку они направлены на сохранение «чистоты творения». Важное отличие его позиции от биологического расизма нацистов (Розенберга или Гиммлера) заключалось в мотиве: если для нацистов смешение крови было биологической ошибкой, то для Кюннета — теологическим непослушанием. Тем не менее, практический вывод совпадал: требование запрета смешанных браков, где теология Кюннета обеспечивала моральную легитимацию физическим действиям режима.

Практически все молчаливо согласилось с политикой правящей партии, за исключение редких единиц. «Потрясённый положением еврейских христиан, барон Вильгельм фон Пехман, видный мирянин и лидер Евангелической церкви, выразил своё изумление тем, что ни один из документов [церкви] не содержал ни слова утешения или защиты для тех, кого затронули арийские законы. (Пехман был настолько разочарован итогами заседания, что подал в отставку со всех церковных должностей в знак протеста.)» [37]

Финансирование

Церковь в Германии имела статус корпорации публичного права, а государственное участие в бюджетах Внутренней миссии было в виде субсидий на социальную работу. Государство финансово поддерживало церковь, а церковь, в свою очередь, финансировала Апологетический центр как учреждение Внутренней миссии (Innere Mission).

Апологетический Центр собирал досье и публиковал бюллетень *Materialdienst der Apologetischen Centrale**, обучая пасторов видеть в меньшинствах угрозу. Это был не пассивный надзор: апологетика Кюннета, вооруженная библейским учением о «мече государства» и «библейской строгости», видела в репрессиях против меньшинств исполнение христианской обязанности по защите нации от «иностранных влияний», превращала смертельные репрессии в

христианскую добродетель. Он позиционировал защиту нации от «еврейского влияния» и «сектантов» как священный долг. Деятельность Вальтера Кюннета имела прямое влияние на репрессии, особенно в отношении Свидетелей Иеговы. Материалы, подготовленные церковными экспертами, включая Апологетический Центр, использовались Гестапо для классификации этой группы не как религиозной общины, а как политической организации, враждебной государству. В результате Свидетели Иеговы оказались среди первых, кто был отправлен в концлагеря.

**В 1960 году, когда В. Кюннет воссоздал свою организацию в ФРГ, появилась EZW (Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen) и его бюллетень Materialdienst. Евангелическая центральная служба по вопросам мировоззрений (Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen, EZW) является специализированным учреждением Евангелической церкви в Германии (Evangelische Kirche in Deutschland, EKD). В послевоенной Германии она занимается исследованием религиозных движений — от так называемых «сект» и новых религиозных течений до современных идеологий, и является преемницей Апологетического центра, который возглавлял В. Кюннет в нацистском правительстве. Финансирование EZW осуществляется за счёт церковных средств. Поскольку протестантские церкви в Германии имеют статус корпораций публичного права и получают основную долю доходов через церковный налог, собираемый государственными структурами, деятельность таких учреждений опосредованно опирается и на государственный административный аппарат. В этом смысле можно говорить о форме «косвенного государственного участия» в их финансовой основе, что соответствует общему принципу финансирования церквей в Германии.*

Кюннет был осведомлён о преследованиях и предоставлял им теологическое обоснование, рассматривая их как борьбу с «анархизмом». Более широко его деятельность способствовала созданию идеологической атмосферы, которая сделала возможным Холокост, через легитимацию антисемитизма. Его экспертные доклады давали моральную санкцию на преследования, и его не останавливало и не волновало, что эта риторика прокладывает путь к уничтожению людей. Ни во время режима, ни после капитуляции Кюннет никогда публично не раскаивался в своем антисемитизме 1930-х и считал, что исполнял долг.

Деятельность Кюннета представляла собой нечто большее, чем просто богословие. Кюннет также был нацелен на устранение других религиозных и политических меньшинств. Это была активная, многоуровневая синхронизация с режимом — хронологическая,

идеологическая и институциональная. Кюннет сместил парадигму: он превратил вопрос веры в вопрос государственной безопасности, предоставив идеологическое топливо для будущей машины геноцида. Кюннет заявлял, что «един» с Гитлером в вопросе «исключения еврейского влияния из народной жизни».

Списки. Подготовка к ликвидации

В лабиринте зданий на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине, в самом сердце нацистской силового аппарата, располагалось Главное управление имперской безопасности (РСХА). Именно здесь ковалась теоретическая и практическая база для борьбы с так называемыми «идеологическими противниками». Не все его сотрудники были непосредственными исполнителями, фанатиками-убийцами или полевыми агентами в плащах, очках и шляпах. Были и педантичные клерки, архивариусы, аналитики, чьим оружием были картотеки, досье, сводки и пишущие машинки.

Их работа была воплощением немецкой основательности, поставленной на службу злу. Главная задача перед ними состояла в тотальном сборе информации. На каждую религиозную группу, от могущественной Католической церкви до крошечной общины буддистов, заводилось специальное досье. В эти папки подшивалось всё: уставные документы, списки членов, сведения о лидерах, их биография, привычки, возможные слабости. Особое внимание уделялось международным связям — любой контакт с заграницей рассматривался как потенциальный канал шпионажа и подрывной деятельности.

Цели, которые преследовались при сборе данных в нацистской Германии, отличались крайней прагматичностью и были направлены на укрепление тоталитарного режима. Они включали в себя несколько ключевых направлений.

Прежде всего, это был идеологический контроль. Власти стремились выявить любые отклонения от официальной нацистской доктрины, чтобы подавить инакомыслие и обеспечить полное подчинение идеологии режима.

Далее, важной задачей являлось выявление потенциальных угроз режиму. Речь шла об идентификации лиц и групп, которые отказывались присягать на верность Гитлеру, уклонялись от военной службы или не участвовали в обязательных нацистских ритуалах. Такие люди рассматривались как враги государства.

Еще одним направлением стало финансовое удушение оппонентов. Анализ финансовых потоков позволял властям выявлять источники доходов, чтобы затем конфисковать активы, недвижимость и лишить противников экономической базы, ослабляя их влияние и обездвиживая.

Наконец, сбор данных служил подготовке к ликвидации. На основе собранной информации составлялись подробные списки, адреса, которые использовались для последующих арестов, запретов и, в ряде случаев, физического уничтожения тех, кто был признан угрозой режиму.

На этой волне тотального контроля и поиска средств укрепить нацистский режим гестапо (тайная государственная полиция) нашел для себя удобный источник информации и идей для дальнейшего подавления. Удивительно, но этот источник был найден в сердцевине христианской церкви. Апологетический центр по борьбе с сектами при протестантской церкви оказался чрезвычайно полезным для режима. Его возглавлял антисемит Вальтер Кюннет. Идеи Кюннета по подавлению сект, свободомыслия и жестокий подход к так называемым его центром «сектантам» попали в головы идейно заряженных нацистских офицеров. Комбинация этих двух идей нацистской и сектоборческой породили новую взрывоопасную комбинацию. В следствии взаимодействия с апологетическим центром Вальтера

Кюннета, гестапо поглотило и сделало его архив центра частью своего управления.

Глава 6. 1933: Слияние власти и идеологии

25 февраля 1933 – Адольф Гитлер провозглашает партнерство между государством, протестантской и католической церквями и объявляет себя поборником экуменизма. [38] В этом смысле уже через несколько недель представители НСДАП и церкви организуют совместный поход против политически и религиозно инакомыслящих*. Вождь объявляет партнерство и экуменизм, а на деле объединяет силы для борьбы с неудобными свободомыслящими людьми, проще говоря, с неугодными режиму.

*Инакомыслящие — те, кто имеет отличные политические или религиозные взгляды от официальной линии нацистского режима, что делает их целями репрессий.

Роковой день: 26 апреля 1933 года

1933 год стал точкой невозврата. Гитлер получает пост рейхсканцлера. Начинается *Gleichschaltung* — насильственная унификация, где все обязаны подчиняться одной воле. Но именно дату 26 апреля 1933 года следует вписать в историю черными чернилами. В этот день произошло тройное событие, определившее судьбу миллионов.

Рождение палача. В Берлине официально создается Гестапо (*Geheime Staatspolizei*) — тайная государственная полиция, инструмент террора.

Оправдание палача. В тот же день Адольф Гитлер встречается с католическим епископом Бернингом и цинично заявляет: преследуя евреев, он лишь «продолжает дело, которое Церковь вела 1500 лет». Он предлагает церкви партнерство в ненависти.

Инструкция для палача. И в этот же день, 26 апреля, Вальтер Кюннет представляет церковному руководству свой секретный доклад «Церковь и еврейский вопрос» (*Die Kirche und die Judenfrage*). Этот документ становится основным ориентиром в протестантских церквях. Теологическая доктрина мгновенно предоставила «научное» обоснование для уже начавшихся политических чисток.

Гестапо (*Geheime Staatspolizei*) — тайная государственная полиция — стало не просто ведомством, а отлаженным механизмом государственного террора. Его агенты рыскали по улицам, сея парализующий страх. Это был ключевой инструмент режима: организация получила неограниченные полномочия для преследования оппозиции и искоренения любого инакомыслия. С момента создания Гестапо олицетворяло собой произвол и насилие, цементируя фундамент диктатуры. В истории оно осталось мрачным символом абсолютной власти, построенной на полном бесправии человека. [39]

В тот же день, когда было создано Гестапо, пастор Кюннет представил церковному комитету Федерального церковного управления (*Kirchenausschuss des Kirchenbundesamtes*) в Берлине доклад, в котором обосновал необходимость борьбы с иудаизмом. В своем авторитетном экспертном заключении он формулирует страшную концепцию: евреи — это «чужеродное тело» (*Fremdkörper*) в организме нации.

Кюннет писал:

«В особенности представляется необходимой эта новая регламентация вследствие преобладания еврейского влияния, означающего опасность разрастания над немецким духом во всей немецкой публичной жизни».

И далее:

«При всем принципиальном признании права на государственное исключительное законодательство для евреев, с христианской точки зрения требуется дифференциация законодательства, которая различает евреев и еврейских христиан».

Но самая циничная мысль была сформулирована так:

«Церковь должна приложить усилия, чтобы устранение евреев как чужеродного тела в народной жизни не происходило образом, противоречащим христианской морали».

В этой фразе заключено чудовищное лицемерие. Кюннет не ставит под сомнение саму необходимость «устранения» (*Ausschaltung* — термин, означающий выключение, ликвидацию). Для него это решенный вопрос. Как именно должно происходить тотальное исключение евреев без насилия и где проходят границы этого процесса, Кюннет не уточняет. Он лишь просит, чтобы все выглядело «прилично». Теология дала «научное» обоснование политическим чисткам, легитимизируя саму их цель. Кюннет фактически объяснил нацистам, что их расовая ненависть — это богоугодное дело по защите «немецкого духа».

Заседание Федерального церковного управления 26 апреля 1933 года стало поворотным историческим событием. Оно определило вектор отношений между христианскими церквями и нацистским режимом: доклад Кюннета стал для евангелических церквей руководящим ориентиром, а на политической арене способствовал окончательному утверждению государственного антисемитизма. Синхронность событий этого дня была не совпадением, а зловещим сигналом: церковная риторика начала напрямую подпитывать государственную политику преследования. [23]

В своем отчете Кюннет прямо указал на налаженный контакт с Министерством пропаганды. Более того, он отметил, что Министерство внутренних дел Рейха «предоставило важные материалы для изучения и практического использования» Апологетическому центру. [40, 41]

Это признание — документальное свидетельство прямого пособничества режиму. Апологетический центр и тайная полиция фактически заключили альянс. «Духовная» борьба Кюннета обрела государственный карательный арсенал. Центр превратился в добровольного информатора: списки «сектантов», кропотливо

собранные пасторами-апологетами, теперь ложились прямо на столы следователей гестапо.

Так идеологическая конструкция Кюннета стала частью государственной репрессивной системы. Впервые борьба с инакомыслием получила прямую силовую поддержку, а власть и теология окончательно слились в совместной агрессии. [23]

Стратегия снятия ответственности

26 апреля 1933 года стало ключевой вехой в истории государственного антисемитизма. В тот самый день, когда Кюннет представлял свой закрытый доклад «Церковь и еврейский вопрос», Адольф Гитлер на встрече с католическим епископом Германом Вильгельмом Бернингом использовал схожую риторику. Он оправдывал преследование евреев, ссылаясь на многовековую традицию церковного антииудаизма.

Гитлер цинично легитимизировал свои действия, превращая исторические предрассудки в политический инструмент. Прикрываясь авторитетом церкви и подобными экспертными заключениями, он утверждал, что не совершает ничего нового, а лишь продолжает «работу», которую христианский мир вел столетиями.

В книге «Нация перед Богом», выпущенной в 1933 году под редакцией Вальтера Кюннета и Хельмута Шрейнера, поднимались темы богословия, евгеники, еврейского вопроса, политики, критического отношения к современным религиозным движениям, сектам и другие темы. В предисловии к книге Кюннет пишет:

«В данной книге ... рассматривается ... в связи с важнейшими проблемами современных национальных задач. ... о расе, народе, государстве, о проблеме воспитания, еврейском вопросе и о судьбе борьбы народов. Во второй части раскрывается связь между христианской верой и немецкостью с времен германцев, в то время как третья часть критически относится к современным религиозным

движениям, которые угрожают вере, сердцу национального обновления».

Что касается еврейского вопроса, в книге он дает государству полный карт-бланш на насилие:

«Национальное государство имеет право сделать еврейский вопрос проблемой государственного переустройства. ... Еврейское влияние уже на протяжении десятилетий приняло такие масштабы, что опасность переполнения немецкой духовной жизни и иностранного влияния на немецкую общественность уже невозможно было отрицать. ... Церковь знает, что государство должно нести меч правосудия. Эта власть означает жёсткость и строгость. Церковь не может и не хочет мешать государству в исполнении этого служения».

В главе «Еврейский вопрос и церковь» Кюннет продолжает:

«Именно евреи, которые до сих пор не решились стать христианами, то есть по-прежнему находятся под прямым или косвенным влиянием синагоги, тем самым дистанцируются от немецкого национального духа, отвергая любое сближение с этим принимающим народом и пытаясь сохранить свою расово-культурную самобытность в Германии, и только поэтому становятся очевидным чужеродным телом. Также нельзя отвергнуть мысль, высказанную Гансом Блюгером: «Решающим признаком еврейского человека является, во всяком случае, тайная или явная конфронтация с Иисусом Христом». Тем самым выражено, что то, что делает евреев элементом, разлагающим национальный дух, в конечном счете, имеет свои корни в проклятии, которое тяготеет над еврейской расой со времен распятия Иисуса. Мессианские претензии на мировое господство евреи могут выдвигать только до тех пор, пока отрицают мессианство Иисуса из Назарета. Если еврей действительно исповедует Христа, то он освобождается от этого проклятия, тогда он отказывается от своих претензий на мировое господство, тогда он признает полновесные удары Бога и становится способным по-новому стать членом даже расово чужого народа. Таким образом, нужда и проклятие еврейства, и их ужасающее влияние

теснейшим образом связаны с отношением к христианской вере. И здесь становится ясно, что христианская церковь должна внести существенный вклад в решение еврейского вопроса». [41,42]

Кюннет тем самым повторяет по смыслу положения своего основополагающего экспертного заключения 1933 года «Церковь и еврейский вопрос».

Церковь объявила евреев и сектантов «чужеродными телами», а государство получило благословение на их вырезание «мечом правосудия». Позже, когда заработают концлагеря, многие охранники-христиане не будут испытывать мук совести. Ведь их пасторы объяснили им, что они не убийцы, а санитары, удаляющие «чужеродные тела».

Как требовал в 1937 году коллега Кюннета, Курт Хуттен (будущий глава EZW): необходимо «вычленение» (*Ausgliederung*) и «удаление из народа-хозяина».

Два института методично растворяли личную ответственность, перекладывая бремя «национального долга» друг на друга. Апологетический центр утверждал, что лишь помогает государству, а государство заявляло, что лишь реализует вековые заветы церкви. В этом замкнутом круге грань морали размывалась настолько, что будущий палач переставал видеть в себе убийцу, ощущая себя лишь инструментом высшей воли. Так была создана «серая зона» коллективной безответственности, где чудовищные преступления против человечности становились не грехом, а бюрократической необходимостью. В этой дьявольской игре в пинг-понг человеческая жизнь потеряла всякую ценность. [42]

Трансформацию из научного отчета в ордер на смерть

Это не было случайностью. Центр поставлял данные для репрессий, позиционируя церковь как партнёра режима в деле «очищения». В мае-июне 1933 года на совещаниях в гестапо пасторы, включая

представителей Центра, настаивали на запрете Свидетелей Иеговы, характеризуя их в своих экспертных заключениях (*Gutachten*)* как «врагов государства». Вскоре Герман Геринг издал указ об их запрете, и тысячи инакомыслящих оказались в концлагерях.

Кюннет видел в этом подтверждение своей миссии. В аналитических записках для руководства Немецкой евангелической церкви он требовал «устранения евреев как чужеродного элемента» из общественной жизни, ссылаясь на «божественный порядок». Антисемитизм здесь был не побочным, а фундаментальным: евреи рассматривались не как религиозная группа, а как расовая угроза, подлежащая изоляции, — нарратив, идеально ложившийся в русло нацистской идеологии.

В этом проявляется бюрократическая природа зла (по Ханне Арендт). Кюннет не бегал с пистолетом, он сидел за печатной машинкой. Он писал «научный труд», который на выходе превращался в ордер на арест. Это страшнее прямого насилия, потому что это насилие, оправданное интеллектом.

**Экспертное заключение (нем. Gutachten) — формально: объективный отчет специалиста по сложному вопросу. Однако Апологетический центр превратил этот академический жанр в инструмент политического доноса. Под маской научного анализа теологи переквалифицировали религиозные группы из «заблудших» в «политических врагов», давая гестапо юридическое алиби для репрессий.*

Эта практика ярко иллюстрирует «банальность зла» — концепцию, сформулированную Ханной Арендт под впечатлением от суда над Адольфом Эйхманом, на котором она присутствовала. Арендт увидела ужас не в демонической жестокости («радикальное зло»), а в фигуре бюрократа, методично выполняющего административные функции, связанные с массовым убийством. [43] Кюннет и его сотрудники действовали по той же схеме: они не убивали лично, но их рутинная канцелярская работа — составление справок, списков, адресов — запускала маховик репрессий, превращая уничтожение людей в часть бюрократического процесса. Суд приговорил Адольфа Эйхмана к смертной казни.

Альянс с Дьяволом: декабрь 1933

Декабрь 1933 года — гестапо стремилось установить контакт с Апологетическим центральным управлением, возглавляемым Кюннетом, чтобы иметь возможность расширить поставщиков «разведывательной» информации о «врагах» и вести борьбу совместно. Так, «духовная» борьба Кюннета получила государственную поддержку и органично вписалась в дискурс Третьего рейха, где поиск «внутренних врагов» стал центральным элементом государственной идеологии. Исследователи отмечают, что апологетические структуры, действовавшие при евангелической церкви, в этот период фактически дополняли репрессивный аппарат, предоставляя ему язык, категории и образ врага, необходимые для легитимации репрессивной политики.

Одновременно Кюннет стремился ликвидировать другие религиозные и политические меньшинства, устранение которых было выгодно как режиму, так и церкви. Так велась борьба за власть и доминирование.

К концу года флирт превратился в брак по расчету. Гестапо нуждалось в информации, а у Кюннета были методологии, картотеки и архивы. Полицейские умели арестовывать, но они плохо разбирались в нюансах вероучений. Им нужен был эксперт, который скажет, кого именно сажать.

Демократия мешала «великим» идеям

В своих работах Вальтер Кюннет резко критиковал гуманизм и либеральные ценности, называя их несовместимыми с истинным христианством. Он считал, что гуманизм и либеральная мягкость — это не христианство, что христианство требует твердости в защите божественных порядков. Эта позиция, которую он называл «библейской строгостью», использовалась для оправдания жестких мер (Härte), включая репрессии и исключение целых групп из общественной жизни.

Таким образом, теологическая аргументация стала частью идеологического аппарата, поддерживающего репрессивную политику нацистского режима. Он противопоставлял «сентиментальный гуманизм» (Sentimentalität) и «истинный реализм веры» (Glaubensrealismus). [34, 44] Хотя в церкви Кюннет спорил о его применении к крещеным евреям, позиция у него была двойственной: для общества (не для церкви) он считал исключение евреев и диссидентов допустимой мерой самозащиты народного организма.

Теологическое обоснование нацистских репрессий, основанное на радикальной интерпретации библейских текстов и лютеранской доктрины, демонстрирует, как религиозные идеи могут быть использованы для оправдания политического насилия. Этот исторический пример остается важным напоминанием о необходимости критического осмысления любых попыток связать религию с идеологией власти.

С приходом нацистов в 1933 году этот церковный арсенал обрёл новую силу. Кюннет, всегда адаптировавший веру к националистическим веяниям, увидел в режиме союзника. В письме в Имперское министерство по делам церкви (Reichskirchenministerium) от 16 декабря 1933 года он с нескрываемой гордостью описывал обмен материалами с гестапо:

«Тайная государственная полиция [гестапо] выразило высокий интерес к архиву Апологетической Центральной... по борьбе со свободомыслием*, марксизмом и большевизмом. Обмен материалами уже начался». [23]

*Свободомыслие или фрайденкерство (нем. Freidenkertum) — организованное движение «свободомыслящих», объединявшее в Германии 1930-х годов различные атеистические и антиклерикальные союзы (в частности, *Deutscher Freidenker-Verband*). Исторически эти группы имели тесные связи с левыми политическими силами — социал-демократами и коммунистами. Борьба с ними стала идеальной платформой для сотрудничества церкви и нацистов: для апологетов вроде Кюннета фрайденкеры были «безбожниками», угрожающими вере, а для гестапо — «культур-большевиками», подрывающими устои государства.

Здесь происходит зловещее совпадение: политическая власть нацистов и идеологическая власть сектоборцев синхронизировались не только географически — Бавария становится эпицентром обеих сил, — но и в лицах. Кюннет, с его речами и книгами, превращает религиозную борьбу в оружие, направленное против всех, кто не вписывается в узкие рамки «правильной» веры. Идеология ненависти становится системной, агрессивной, готовой к действию, а будущие репрессии находят плодородную почву в быстро набирающей силу политической диктатуре. Чем крепче спаивается этот союз, тем отчётливее проглядывается будущая трагедия.

До середины 1960-х годов Кюннет отстаивал смертную казнь с теологической позиции, полагая, что ее отмена свидетельствовала бы о «моральной слабости» и «государственно-политической профанации». С большей долей вероятности, его идеологические последователи в разных странах также будут поддерживать этот вид наказания для лиц, включённых в списки новых апологетических центров. Таким образом, преемники Кюннета продолжают его дело. [45]

Теологическое обоснование нацистских репрессий: контекст и интерпретации

В период нацистского режима в Германии некоторые богословы и религиозные деятели предпринимали попытки теологического обоснования репрессивной политики государства. Одним из ключевых инструментов для этого стало использование библейских текстов и лютеранской доктрины, переосмысленных в радикальном ключе. Центральное место в этой аргументации занимали 13-я глава Послания к Римлянам и учение о «двух царствах», которые были интерпретированы для оправдания жестких мер против «врагов народа».

В лютеранской традиции 13-я глава Послания к Римлянам, где апостол Павел призывает к подчинению властям, рассматривалась в

рамках учения о «двух царствах». Согласно этому учению, государство обладает «мечом» — символическим инструментом поддержания порядка и наказания зла. Однако в интерпретации таких теологов, как Кюннет, этот «меч» приобретал новое значение. Он уже не ограничивался функцией защиты общества от преступности, а расширялся до права государства на радикальные действия против тех, кого режим объявлял угрозой. В их трактовке этот символ стал оправданием для репрессий против коммунистов, евреев, сектантов и других групп, объявленных «врагами народа».

В 1933 году, когда на фоне политики Gleichschaltung (унификация, принудительное подчинение всех сфер жизни нацистской идеологии) многие церковные структуры опасались своего упразднения и разгона, Кюннет пытался убедить нацистское руководство, что его организация способна приносить пользу. Он демонстрировал, что Центр по борьбе с сектами и ересями располагает обширными архивами и материалами о «врагах Рейха», включая религиозные и идеологические группы, которые режим, благодаря его работе, стал считать потенциально опасными. Стратегия Кюннета сводилась к четкой формуле: его организация не угрожает государству, а напротив — может служить инструментом контроля и репрессий, предлагая «ценные сведения» о внутренних врагах. Кюннет выбрал стратегию: «Мы вам нужны! У нас есть архивы на врагов Рейха!». Таким образом, он стремился укрепить позиции Центра и обезопасить его деятельность, превращая собственные исследования в политический ресурс для режима.

Глава 7. Эскалация: от слов к насилию (1934–1937)

Синхронизация центра и режима не остановилась на обмене любезностями в 1933 году. По мере того, как теология

«Апологетического центра» становился жестче, нацизм радикализировался вслед за ним.

1934 год: Благословение на жестокость

Летом 1934 года Германия содрогнулась от «Ночи длинных ножей». Гитлер физически истребил своих политических оппонентов внутри партии. Казалось бы, церковь должна была ужаснуться этому беззаконию. Но именно в 1934 году Вальтер Кюннет переиздает свою программную книгу «Нация перед Богом» (*Die Nation vor Gott*). В то время как на улицах льется кровь, главный эксперт церкви по сектам пишет:

«Государство должно нести меч правосудия. Эта власть означает жёсткость и строгость (Härte und Strenge). Церковь не может и не хочет мешать государству в исполнении этого служения».

Это была индульгенция. Кюннет теологически обосновал право диктатуры на насилие, назвав полицейский террор «мечом правосудия», который не смеет останавливать рука христианина.

Этот призыв к «жесткости» не повис в воздухе. У любого меча должна быть рукоять, и должна быть рука, готовая нанести удар. Пока Кюннет в тиши кабинета формулировал теорию «священного насилия», государство уже нашло практика, способного воплотить эти идеи с пугающей эффективностью. В том же 1934 году, когда вышла книга Кюннета, на политическую арену восходит человек, который превратит церковную «апологетику» в полицейскую науку. Теолог искал защитника веры, и нашел идеального палача.

«Наука о врагах»: как сектоборчество легло в основу нацистской системы уничтожения

Влияние апологетической методологии Кюннета на Рейнхарда Гейдриха, назначенного начальником гестапо в апреле 1934 года, было косвенным, но фатальным.

Гейдрих, будущий глава РСХА (Главного управления имперской безопасности), был не просто чиновником, а стратегом геноцида. Гитлер

называл его «человеком с железным сердцем», видя в нём идеального исполнителя самых бесчеловечных приказов. Именно Гейдрих станет главным разработчиком Холокоста: он председательствовал на Ванзейской конференции в 1942 году, утвердившей «Окончательное решение», и создал айнзацгруппы — эскадроны смерти, уничтожившие более миллиона человек в Восточной Европе. Его жестокость выходила столь далеко за пределы человеческого понимания, что британские и чешские спецслужбы называли операцию по его ликвидации «Антропоид» («Человекообразный»), словно подчеркивая: цель имеет лишь облик человека, но по сути является монстром.

Для такого «прагматика репрессий» архивы Апологетического центра стали находкой. Гейдрих был одержим идеей «научной» борьбы с врагами, и досье центра дали ему готовый инструментарий. Гейдрих подвергся двойному влиянию: информационному и методологическому.

Во-первых, он получил готовую базу данных. Апологеты центра годами собирали списки «сектантов», «свободомыслящих» и «иноверцев». Когда гестапо поглотила эти архивы, она получила готовую карту «внутренних врагов». Гейдриху не нужно было искать жертв с нуля — центр уже пометил их. Те, кто для Кюннета были «духовной угрозой», для Гейдриха автоматически стали угрозой биологической и политической, угрозой безопасности.

Во-вторых, и это страшнее, он получил в свои руки идеологию «очищения». Гейдриху это пришлось по вкусу. Он любил системность. Апологетика Кюннета была *системой* ненависти, а не просто эмоцией. Она строилась на принципе: есть одна Истина, а всё остальное — опасная патология, которую нужно изолировать или удалить ради здоровья «церковного тела». Гейдрих перенес эту матрицу на государство. Он лишь заменил «церковное тело» на «расовое тело нации», а «ересь» — на «еврейство» и «марксизм».

Сектоборческая риторика Кюннета, дегуманизирующая оппонентов как «чужеродные элементы», идеально легла на параноидальный ум Гейдриха. Центр научил СС классифицировать людей как виды опасных

насекомых. Когда Гейдрих и его айнзацгруппы приступили к массовым расстрелам, они действовали в логике, которую косвенно подготовили теологи-апологеты: они «исцеляли» нацию от «заразы». Никак не меньше. Кюннет дал определение врага, Гейдрих дал команду «Огонь». Холокост начался не с газовых камер, а с картотек и определений. Центр создал категории, нацисты наполнили их трупами.

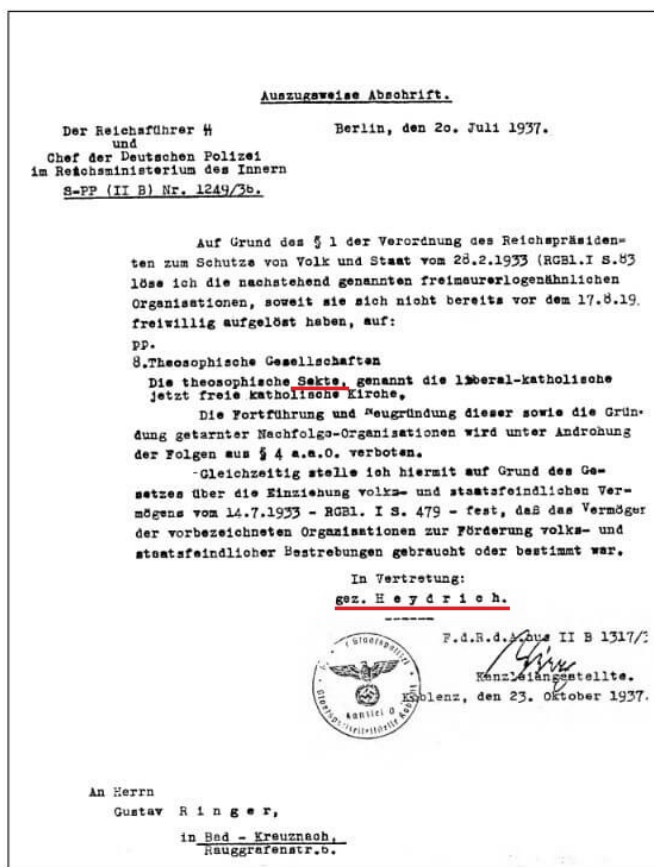
К 1936 году Апологетический центр накопил уже 500 досье на «опасные» группы, включая еврейские общины и различные «секты». Это была огромная картотека. Кюннет настойчиво позиционировал церковь и свой центр как ключевого союзника в «борьбе с богопротивными силами», что обеспечивало моральное оправдание арестам и запретам. Риторика центра, представлявшая меньшинства как «инородное тело» в национальном организме, радикализировала практику гестапо: от локальных рейдов на собрания теософов и антропософов режим перешел к конфискации имущества и отправке людей в концлагеря.

1937: «Враги государства». Как архивы Кюннета стали оружием Гейдриха

В 1937 году Гейдрих, один из лидеров СС и НСДАП, подписал циркуляр о «ропуске организаций, подобных масонским ложам», объявив Теософское и Антропософское общества враждебными государству сектами («staatsfeindliche Sekten»), и о конфискации их имущества. Этот шаг был оправдан тем, что в противном случае активы могли быть использованы для «целей, враждебных народу и государству». Это именно та лексика, которую нацисты переняли у полемистов апологетического центра. Это стало переломным моментом: списки Центра, систематизированные Кюннетом по категориям (иудаизирующие, оккультные и нехристианские), легли в основу полицейских баз данных. Полиции не нужно было разбираться в

теологии; они просто брали папку «Оккультизм» или «Иудейские секты» и проводили аресты.

Высокий интерес гестапо к этим архивам привел к фатальным последствиям: обмен данными превратил теологическую полемику в репрессии, а аресты тысяч «сектантов» стали для СС генеральной репетицией более масштабных этнических чисток. Преследование небольших нееврейских групп послужило прецедентом и логистическим предшественником более позднего, более систематического истребления евреев и других меньшинств. Центр апологетики сыграл ключевую роль в формировании идеологической основы для насилия и геноцида, осуществляемого нацистским режимом. [46]

Рейнхард Гейдрих объявляет о роспуске Теософского общества и конфискации его имущества. В указе от 20 июля 1937 года шеф Полиции безопасности и СД утверждает, что деятельность группы служит «целям, враждебным народу и государству» (volks- und staatsfeindlich).

Сотрудничество между Апологетическим центром и гестапо превратило теологический спор в репрессии, поддерживаемые государством, с фатальными последствиями. Списки, составленные Кюннетом, сыграли важную роль в преследовании таких групп, как Теософское и Антропософское общества, что соответствует более широкому историческому контексту преследования нацистской Германией предполагаемых «врагов государства». Нацисты юридически закрепили то, о чем говорили теологи.

Эта эволюция от списков Апологетического сектоборческого центра к рейдам гестапо приобрела бюрократическую форму к 1938 году. В директивах Службы безопасности (СД) по «борьбе с сектами» религиозные меньшинства демонизировались как носители «чуждых идей» и каналы для «марксистского проникновения». Немедленная ликвидация организаций, аресты и отправка в концлагеря — всё это теперь предписывалось официально, причем формулировки в отчетах СД часто зеркально отражали язык бюллетеня центра *Materialdienst*.

Возвращение к нацистской эпохе открывает еще одну страшную параллель. Как только НСДАП закрепила власть, а сектоборцы присоединились к ней в борьбе с «духовной опасностью», ситуация для религиозных меньшинств покатила в пропасть.

Глава 8. Теологи, предоставившие оправдание

Наследие Мартина Лютера, с его поздними яростными выпадами против еврейского народа, оставило в немецкой культуре глубокую и тревожную борозду. К XX веку эта почва оказалась исключительно плодородной для семян расового антисемитизма, которые усердно взращивала нацистская идеология. Однако даже после прихода Гитлера к власти в 1933 году путь к «окончательному решению» не был прямолинейным. В высших эшелонах Третьего рейха велась

ожесточённая внутренняя борьба относительно судьбы еврейского населения.

На одном полюсе от Гитлера находились прагматики и стратеги, рассматривавшие евреев как политическую и экономическую проблему, которую можно решить путём принудительной эмиграции и тотального выселения. Идеи вроде «Мадагаскарского плана» не были просто фантазиями, а вполне реальными проектами, обсуждавшиеся на самом высоком уровне. Эта фракция видела решение в географическом изгнании, в физическом удалении евреев с территории Рейха.

На другом полюсе от фюрера концентрировались наиболее радикальные идеологи, для которых еврейство было не внешней, а внутренней, экзистенциальной угрозой самому существованию арийской расы. Для них простого выселения было недостаточно. Они жаждали полного и необратимого уничтожения, но для легитимации столь чудовищного шага им не хватало убедительной, всеобъемлющей доктрины — морального и интеллектуального оправдания, академического, научного, которое могло бы превратить массовое убийство из акта варварской жестокости в некую историческую и даже «санитарную» необходимость.

Именно в этот момент идеологического тупика на сцену вышел Апологетический центр под руководством лютеранского теолога Вальтера Кюннета. На первый взгляд, это была респектабельная организация, созданная для защиты христианства от «современных идеологических угроз» внутри протестантской церкви. Однако под этой благовидной вывеской скрывался мощный интеллектуальный штаб, задачей которого стало предоставление теологического фундамента для самых радикальных устремлений нацистского режима. Центр Кюннета стал тем катализатором, который сместил чашу весов от планов по выселению к программе тотального геноцида.

Решающий вклад Кюннета и его коллег заключался не в грубой пропаганде, а в разработке изящной и ужасающей в своей простоте псевдомедицинской метафоры. Они сформулировали концепцию,

согласно которой еврейский народ представлял собой не просто иную расу или религию, а являлся *Fremdkörper im Volkskörper* — чужеродным телом в организме нации.

Эта идея обладала разрушительной силой. Она переводила «еврейский вопрос» из политической или социальной плоскости в биологическую. Если евреи — это не оппоненты, а вирус или раковая опухоль, то переговоры, ассимиляция или даже изгнание становятся бессмысленными полумерами. Болезнь нужно не высылать, её нужно искоренять, подразумевали они. Чужеродное тело подлежит не изоляции, а хирургическому иссечению. Таким образом, теология, искажённая до неузнаваемости, предоставила нацистскому режиму убийственную логику: геноцид — это не массовое убийство, а терапевтическая процедура, болезненная, но необходимая операция по спасению «здорового» национального организма.

Это не было лишь отвлечённой теорией для университетских аудиторий. Апологетический центр наладил прямое и плодотворное сотрудничество с карательными органами государства, в первую очередь с гестапо и Имперскими министерствами. Теологи стали консультантами тайной полиции, предоставляя «экспертные» заключения, которые служили идеологическим топливом для маховика террора.

Таким образом, теологи под руководством Вальтера Кюннета совершили нечто большее, чем просто моральное предательство своего народа. Они не просто благословили палачей или оправдали их действия задним числом. Они активно участвовали в разработке самой идеологии уничтожения. Делясь архивами, они передавали полиции списки, как им представлялось, «опасных» элементов в обществе. Они создали интеллектуальную рамку, которая сделала Холокост не только возможным, но и «логичным» в извращённой системе нацистских координат. Они вручили в руки режима холодный и острый циничный инструмент, способный рассеять живую плоть нации и безжалостно отсечь тех, кого они заклеили как «чужеродных».

Удаление из народа-хозяина

К 1937 году эвфемизмы о «защите веры» были окончательно отброшены. В игру вступают новые лица, которые позже станут столпами послевоенного «сектоведения».

В авторитетном церковном словаре *Calwer Kirchenlexikon* выходит статья теолога Курта Хуттена (запомните это имя — именно он в 1960 году возродит дело Кюннета в виде EZW). Хуттен пишет с пугающей прямоотой. Уже нет речи о «миссионерстве» среди евреев. Он требует: «Вычленения» (*Ausgliederung*) евреев и их «удаления из народа-хозяина» (*Entfernung aus dem Wirtsvolk*). Термин «народ-хозяин» — это чистая биологизация. Евреи (и инакомыслящие «сектанты») представлены как паразиты. А с паразитами не ведут диспутов — их удаляют.

В том же 1937 году евангелическо-лютеранский верховный церковный советник Отто Беццель высказывается еще грубее, требуя «вышвырнуть» (*hinauswerfen*) евреев.

В 1933 Кюннет назвал их «чужеродным телом». В 1934 он оправдал «жесткость» государства. А в 1937 Хуттен и Беццель потребовали «удаления». А церковь во время преследования евреев лишь вяло предостерегала, что «устранение евреев как инородного тела в народной жизни» (согласно заключения тогдашнего «уполномоченного по сектам» Вальтера Кюннета в 1934 году) должно было происходить по-христиански. Что именно под этим подразумевалось?

Напомним, что основателем протестантизма был антисемит Мартин Лютер, который писал еврее-ненавистнические тексты и призывал к казням и жестокому обращению с ними, утверждая, что это, с его точки зрения, по-христиански. Персонал нацистских концлагерей в основном состоял из протестантов или католиков, и все ответственные лица там не делали ничего, что могло бы поставить их в противоречие со своей церковью. Церковь, в свою очередь, позиционировала себя единой с

политикой нацистского государства. Таким образом, выражение «по-христиански» стало фасадом, прикрытием их дел перед обществом, включая христиан Германии и тех верующих, кто наблюдал за происходящим из-за рубежа. [23]

Теологи подготовили общественное сознание к тому, что произойдет дальше. Когда персонал концлагерей (в основном крещеные протестанты и католики) приступил к работе, у них не возникло когнитивного диссонанса. Их пасторы годами объясняли им, что «удаление чужеродного тела» — это не убийство, а акт национального и даже христианского очищения.

Глава 9. Кафедра как оружейная комната: Тюбингенский арсенал

Хорст Юнгингер в своих работах делает страшное наблюдение: интеллектуальные аргументы сами по себе не убивали людей. Книги не стреляют. Но убийцы не живут в вакууме. Им нужна почва под ногами. Эта среда формировалась в том числе усилиями теологов и религиозных апологетов. Такие как Кюннет обеспечили нацизму то, чего ему не хватало — «научный антисемитизм» с религиозным благословением.

Юнгингер детально описывает, как это работало на примере Тюбингенского университета. Это учебное заведение превратилось в настоящий кадровый резервуар для карательных органов. Связующим звеном стал Густав Адольф Шеель — бывший студенческий лидер, ставший высокопоставленным офицером СС и инспектором полиции безопасности.

Шеель наладил прямой канал вербовки: из университетской аудитории — в офицеры СД. Студенты слушали лекции знаменитых профессоров — Герхарда Киттеля и Карла Георга Куна. Эти ученые мужи с академическим блеском доказывали, что «еврейский вопрос» — это не просто политика, это теологическая необходимость. Они

подводили под ненависть мощную научную базу, смешивая христианские предрассудки с модной расовой теорией. А затем эти же студенты, с головами, полными «научных аргументов», формировавшихся трудами таких как Киттель, Кюннет, Хуттен, надевали форму и отправлялись на Восток в составе айнзацгрупп — печально известных мобильных отрядов смерти.

Юнгингер подчеркивает важнейший психологический аспект: палачам была нужна легитимация. Участники айнзацгрупп ежедневно расстреливали тысячи людей. Это тяжелая «работа». Чтобы не сойти с ума, им нужно было верить, что они совершают благое, или хотя бы научно обоснованное дело. Именно теология дала им эту индульгенцию. Поэтому те, кто нажимал курок, не чувствовали себя убийцами. Они чувствовали себя исполнителями исторической и чуть ли не божественной справедливости, доказанной их экспертами и профессорами. Научные труды Киттеля стали для них своего рода бронежилетом для совести. [47]

Как пишет Юнгингер, их христианско-антисемитские убеждения нашли подкрепление в науке, и это «отнюдь не помешало их работе в айнзацгруппах». Наоборот, это сделало их работу возможной.

Так теология перестала быть просто наукой о Боге и стала частью идеологической войны, радикализировав режим еще больше. Она дала убийцам самое страшное оружие — уверенность в своей правоте. Зачем СС нужны были профессора, апологетические центры и теологи? Не для галочки, а для душевного спокойствия убийц.

Именно этот фактор — сектоборческая санкция на насилие — становится тем самым «слепым пятном», которое мешает нам увидеть полную картину катастрофы. Мы привыкли рассматривать преступления нацизма через призму расовой теории, но часто забываем, на каком полигоне эта теория обкатывалась. Прежде чем начать уничтожать людей по форме черепа, система научилась уничтожать их по образу мысли.

Глава 10. Рейдерский захват: Как гестапо «национализировала» ненависть

Следовательно, наиболее ценные силы нацистской политики исходили от Церкви, а самые радикальные мысли — из апологетического центра Кюннета при протестантской церкви. [48]

Министерство церковных дел (с 1935 года под Хансом Керрлем) пыталось унифицировать протестантские церкви в «Рейхскую церковь» или Имперскую церковь, но встретило сопротивление от «Исповедующей церкви», желавшей сохранить автономию, имущество и государственные дотации. [49]

К концу 1937 года Вальтер Кюннет чувствовал себя уверенно. Его Апологетический центр работал как хорошо отлаженный механизм: списки «врагов» пополнялись, методики выявления сектантов совершенствовались, а сотрудничество с полицией казалось гарантией неприкосновенности. Он верил, что делает общее с нацистами дело — очищает Германию от «чуждых элементов». Он ошибся в одном: тоталитарному государству не нужны партнеры. Ему нужны слуги или жертвы.

Утро «ликвидации»

Конец наступил буднично и бюрократически сухо. 10 декабря 1937 года, около 10:30 утра, к зданию Апологетического центра в Шпандау (Берлин) подъехали четыре черных автомобиля. Из них вышли около сорока сотрудников Тайной государственной полиции (гестапо). Это не было похоже на арест подпольщиков. Это напоминало процедуру банкротства или враждебного поглощения. [50]

Самого Кюннета на месте не оказалось — по странному стечению обстоятельств именно в это утро он уехал в Ганновер. Оставшимся одиннадцати сотрудникам комиссар гестапо объявил, что институт подлежит «расформированию», а его имущество — конфискации.

Офицеры СС не искали запрещенную литературу или антигитлеровские листовки. Они знали, за чем пришли. Их целью был архив.

Битва за картотеку

В подвалах и кабинетах Центра хранилось то, чего не хватало спецслужбам Гейдриха для тотального контроля: систематизированная база данных. За годы работы Кюннет и его коллеги собрали досье примерно на 500 различных мировоззренческих групп: от масонов и теософов до небольших христианских «сект» и кружков вольнодумцев. Тысячи имен, адресов, связей, характеристик — готовая карта для будущих репрессий.

В 1938 году всё это имущество, включая библиотеку в 2000 томов и уникальные картотеки, было официально «конфисковано в пользу Прусского государства». Гестапо просто перевезло папки Кюннета в свои кабинеты на Принц-Альбрехт-штрассе. Списки, составленные теологами, легли на столы палачей.

Несгораемый архив: почему метод пережил Третий рейх

Утром 10 декабря 1937 года гестаповцы вывезли из Шпандау грузовики с папками. Но они совершили одну ошибку: они, образно говоря, конфисковали «железо», но оставили «программное обеспечение». Главный актив Апологетического центра находился не в бумажных картотеках, а в голове Вальтера Кюннета. И этот актив нацисты не тронули.

Смена вывески

Вся трагедия послевоенного немецкого (и европейского) богословия заключается в том, что Кюннет не изменился. Замена термина «защиты расы» на «защиту веры» является общепризнанным

итоговым выводом в современной историографии, изучающей роль консервативного протестантизма в послевоенной Западной Германии. [51] Он не прошел через покаяние (Buße), как те, кто действительно пережил ужас концлагерей. Он сохранил свою довоенную ментальность, просто перенес ее в новый, церковный контекст. Он перенес свою энергию и риторику в новую сферу: борьбу с коммунизмом и защиту традиционной церковной ортодоксии. Трагедия послевоенного немецкого богословия в неспособности некоторых влиятельных фигур к подлинному покаянию и их использование христианской апологетики для продолжения политической борьбы, которая по своей структуре и риторике опасно напоминала довоенные идеологические установки.

Ключевой механизм, позволивший Кюннету сохранить свою идеологическую линию, заключался в перекодировании политических категорий в богословские. Это позволило ему продолжать вести борьбу с «врагами» и «деструктивными элементами», но уже под знаменем защиты христианской веры и западной цивилизации.

Как отмечает Блох, эта критика не была антинацистской в полном смысле слова. Кюннет оставался в рамках консервативного национализма и лютеранской доктрины двух царств, которая, по мнению критиков, способствовала политической пассивности и принятию авторитарного государства. Более того, Блох указывает, что Кюннет считал «роковую интеграцию и дифференциацию человечества на Völker (народы) и расы» «проявлениями воли Божьей». Таким образом, защита расовых различий была частью его довоенного мировоззрения. [52]

С кафедры университета в Эрлангене, будучи уважаемым профессором, он продолжал учить тому же, чему учил своих сотрудников в 30-е годы. [53]

Только терминология стала мягче. Кюннет сохранил свою идеологическую линию, просто заменив нацистскую терминологию на более мягкие, богословские эквиваленты. Вместо «враг народа» стали

говорить «деструктивный элемент». Вместо «ликвидации» — «противодействие». Вместо «защиты расы» — «защита веры».

«Правовая преемственность вместо обновления Церкви?» (Rechtskontinuität statt Erneuerung der Kirche?) — Генрих Гроссе прямо рассматривает этот вопрос в отношении Кюннета. [53]

Гроссе подтверждает, что Кюннет, несмотря на свое участие в Исповедующей Церкви (Confessing Church), никогда не порвал с консервативным национализмом. Его послевоенная позиция была направлена на сохранение довоенных структур и менталитета в церковной среде. Гроссе, как и Крондорфер, видит в Кюннете фигуру, которая избежала подлинного покаяния и использовала богословие для легитимации своей неизменной идеологической линии.

Кюннет активно выступал против либеральных и экуменических тенденций, особенно против Всемирного совета церквей (ВСЦ) и его поддержки «теологии революции» и социального евангелия. Он рассматривал эти движения как «разрушительные» (destruktiv) или «разлагающие» (zersetzend) элементы, которые подрывают чистоту библейского учения и миссию Церкви. [54] Его полемика была направлена не против политических врагов государства, а против «врагов» истинной веры внутри Церкви.

В своих послевоенных работах, таких как «Царство Божие или мировое сообщество?» (Reich Gottes oder Weltgemeinschaft?, 1975), Кюннет призывал к активной «контрмере» или «сопротивлению» против либерального богословия и экуменизма, которые, по его мнению, вели к секуляризации и политизации Церкви. Этот призыв к «противодействию» (Gegenwehr) является прямым функциональным аналогом довоенного стремления к устранению идеологических противников, но перенесенным в сферу церковной политики. [55] Кюннет демонстрировал отсутствие покаяния и продолжил преподавание той же самой идеологии в новой терминологии.

Тезис «Вместо защиты расы — защита веры» точно отражает этот переход. Если до 1945 года Кюннет и его единомышленники видели

угрозу в «расовом смешении» и «еврейском влиянии», то после 1945 года главной угрозой стал атеистический коммунизм и секуляризм. Роль «защитника» осталась прежней, однако менялся образ врага и соответствующий понятийный аппарат, что позволяло воспроизводить прежнюю идеологическую логику в обновлённой форме.

Крондорфер утверждает, что Кюннет, в отличие от других, не изменил своей патриархальной и авторитарной ментальности. [51] Он просто перенес ее в новый контекст, объявив «вторую конфессиональную борьбу» (zweiter Bekenntniskampf) против новых врагов. Его автобиографические тексты служат примером ретроспективной саморепрезентации, которая позволяет избежать покаяния и сохранить довоенную идеологическую позицию, очищенную от нацистской лексики.

Токсичная подмена

Именно Кюннет совершил подмену, последствия которой мы расхлебываем до сих пор. Он превратил апологетику (защиту веры через диалог и убеждение, как это делали апостолы) в контрразведку.

В его интерпретации защищать истину означало не сиять светом, а искать грязь. А если таковой не находилось, придумывать самому. Не проповедовать Христа, а собирать компромат на «конкурентов».

Эта методология стала «золотым стандартом» для борьбы с «сектантством» во второй половине XX века. Современные «сектоведы», составляющие черные списки и требующие запретов для инакомыслящих, возможно, даже не подозревают, что работают по методичкам, написанным в 1930-х годах человеком, который мечтал быть полезным Гитлеру.

Эффект бумеранга

Хотя СС и забрала картотеки, идеологическое ядро» кюннетовской идеологии не исчезло. Оно сохранялось в текстах, подходах и

риторических приёмах самого Кюннета и передавалось последующим поколениям теологов уже в условиях послевоенной, демократической Германии. Кюннет на собственном примере продемонстрировал, что утрата институциональной формы не обязательно означает утрату интеллектуального влияния. В период нацистского режима идеи Кюннета были встроены в государственный дискурс, а после 1945 года переосмыслены и сохранены в рамках церковной и апологетической традиции, что позволило ему продолжать влиять на формирование образов «угрозы» и «защиты».

И когда сегодня мы видим, как «традиционные» религиозные организации используют административный ресурс, чтобы давить «конкурентов», как они пишут доносы и клевету вместо того, чтобы вести богословские диспуты, — мы видим длинную тень Вальтера Кюннета.

Здание в Шпандау давно закрыто. Но сектоборческий «Апологетический центр» продолжает работать — теперь уже без вывески, растворенный в самой структуре церковной и политической бюрократии.

Конкурент, а не жертва

Позже, после войны, Кюннет будет утверждать, что нацисты закрыли Центр из-за его теологической критики книги Альфреда Розенберга «Миф XX века». В публичной кампании по отбеливанию он выставит себя жертвой идеологического преследования. Но документы говорят об ином. Закрытие Центра было классическим устранением конкурента. Тому были две причины.

Первая, это монополия на сыск. РСХА (Главное управление имперской безопасности) к 1937 году окрепло настолько, что больше не нуждалось в услугах церковных дилетантов. Гейдрих рассуждал прагматично: зачем позволять церкви и ее центру вести собственную разведку и иметь свои базы данных на «врагов государства»? В Третьем

рейхе монополия на определение врага должна принадлежать исключительно СС.

Вторая, «Мавр сделал свое дело...». Кюннет выполнил грязную работу: он разработал методологию, классифицировал угрозы и собрал первичные данные. Как только схема была отлажена, «подрядчика» уволили. Нацисты просто национализировали его наработки. [56]

Это подтверждается и тем фактом, что самого Кюннета не отправили в концлагерь, как пастора Нимеллера или других реальных оппозиционеров. Ему лишь запретили публичные выступления и преподавание, и закрыли глаза на его последующую деятельность в стенах приютившей его церкви, — типичная мера для опального чиновника, а не для «врага народа».

История падения Апологетического центра — это урок для всех, кто надеется использовать дьявола в своих целях. Здесь с пугающей точностью сработал принцип, описанный Георгом Бюхнером:

«Революция, как Сатурн, пожирает своих собственных детей» (Die Revolution ist wie Saturn, sie frisst ihre eigenen Kinder).

Кюннет был одним из «отцов» системы преследования инакомыслия, и эта система в итоге проглотила его детище. Образованный теолог наверняка знал и классическую строку из Шиллера: *«Мавр сделал свое дело, мавр может уйти»*. В этой пьесе он сыграл роль того самого мавра. Кюннет думал, что он — охотник, а гестапо — его гончие псы. Но в реальности он был лишь откормленной дичью, которую принесли в жертву, как только у хозяев разыгрался аппетит.

Епископ Ганс Мейзер: Покровитель Вальтера Кюннета

Для адекватной исторической оценки позиции Вальтера Кюннета необходимо проанализировать фигуру его покровителя Ганса Мейзера. [57] Евангелическо-лютеранская церковь Баварии под руководством

епископа и антисемита Ганса Мейзера составляла значительную часть «Исповедующей церкви». Мейзер транслировал антисемитские клише, говоря о «засилье евреев» и называя смешанные браки «расово неполноценными». [58] Мейзер стремился сохранить лояльность государственной власти, опираясь на библейский принцип (Рим. 13:1: Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены).

Год 1937 ознаменовался закрытием Апологетического центра гестапо и запретом на выступления и преподавание для Вальтера Кюннета. Это событие стало следствием борьбы за контроль, а не идеологического сопротивления. Режим, в данном случае, устранил конкурирующую структуру, продемонстрировав свою власть и решимость подавить любые попытки несогласия и наращивания альтернативной силы в сформированном режиме.

Связь Мейзера и Кюннета носила характер прямого покровительства. Когда в декабре 1937 году Кюннету запретили преподавать и публиковаться, именно епископ Баварии Мейзер в январе 1938 года использовал свою власть и назначил его на должность викария в Штарнберге. Этот акт был не просто жестом помощи, а демонстрацией идеологической солидарности, что свидетельствовало об отсутствии реальной опалы на Кюннета. Мейзер предоставил убежище и платформу теологу, чьи взгляды он, очевидно, разделял. Оба деятеля не подвергали сомнению легитимность «арийского параграфа» в гражданской жизни, ограничивая свою оппозицию лишь его применением внутри церкви. Таким образом, покровительство Мейзера доказывает, что идеология Кюннета была не просто приемлемой, но и одобряемой в кругах консервативного крыла Исповедующей церкви.

Поддержка со стороны лояльного режиму церковной верхушки позволила ему продолжить карьеру, несмотря на неблагоприятные политические условия. Государство запретило его деятельность, но церковь его поддержала. Этот долг в защите Кюннет с лихвой вернет

церкви в 1945 году, выступая со своим экспертным докладом уже в защиту пасторов, которые входили в НСДАП и должны были отвечать перед судом как военные преступники и пособники нацистского режима. И ему удалось сделать так, что нацистские пасторы смогли избежать правосудия и судебных разбирательств.

Глава 11. 1938: от слов к крови и погромам

15 февраля 1938 года группенфюрер СС и начальник гестапо Рейнхард Гейдрих подписывает секретную директиву — **«Руководящие принципы по борьбе с сектантством»** (*Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens*). Этот документ превратил церковное «сектоведение» в официальную государственную политику террора.

Инструкция описывала методы работы агентов и построение сети осведомителей внутри религиозных общин. То, что начиналось как теологические дискуссии Кюннета, превратилось в полицейский регламент по ликвидации инакомыслящих. [59]

На фотографии Рейнхард Гейдрих.

Оригинальная подпись: Рейнхард Гейдрих, Мюнхен. – Бригадефюрер СС и начальник баварской полиции. Рейнхард Гейдрих сидит за своим рабочим столом в кабинете; 1934 год. [60]

Теперь сомнений не оставалось: система перешла от идеологических докладов к прямым репрессиям. Списки «сект», составленные в тиши кабинета апологетического центра, превратились в репрессивные списки.

Хрустальная ночь

К концу 1938 года слова окончательно стали действием. В ночь с 9 на 10 ноября по всей Германии запылали синагоги. «Хрустальная ночь» стала первым актом массового, организованного государством террора. Десятки убитых, тысячи арестованных. Антисемитизм и борьба с сектами — некогда параллельные линии — теперь сплелись в одну удавку, накинутаю на всех, кто был признан «чужим», «опасным», «враждебным», «иным». Система репрессий заработала как безотказное орудие, где церковь и государство действовали в унисон. Церковь в эти дни молчала, ведь ее эксперты уже объяснили: это «хирургическая операция» по удалению чужеродного тела.

Глава 12. «Ударь пастуха, чтобы стадо рассеялось!»: Свидетельство из ада

Пока в Берлине теологи и офицеры СС рассуждали о «защите народного тела» от вредоносных элементов, в лагере Дахау эти «элементы» умирали. Одним из тех, кто прошел через этот ад и выжил, чтобы засвидетельствовать преступление, был Иоганн Нойхойзлер — вспомогательный епископ Мюнхена. Его арестовали 4 февраля 1941 года. Не за преступление, а за отказ молчать. Его обвиняли в последовательной оппозиции политике нацистов в отношении церкви и отказе от сотрудничества. Как «особый заключенный» (*Sonderhäftling*),

он прошел через одиночные камеры и оказался в Дахау, в печально известном «блоке для священников» (*Priesterblock*). [61]

Его фундаментальный труд **«Крест и свастика»** (*Kreuz und Hakenkreuz*) увидел свет сразу после войны, в 1946 году. Это не просто мемуары. Это акт обличения. Нойхойзлер зафиксировал то, что происходит с людьми, когда идеология объявляет их «вторым сортом».

Документальный труд был переведен на английский язык и широко использовался в послевоенных исследованиях и на Нюрнбергских процессах как доказательство нацистских преступлений против церкви и человечности.

Хроника расчеловечивания

В Дахау Нойхойзлер столкнулся с реальностью, которую подготовили теоретики расовой и религиозной чистоты. Он описывает не просто убийства, а садистское уничтожение человеческого достоинства. Епископ приводит свидетельство французского коллеги, епископа Пиге:

«Из транспорта в 2000 французов, который в самый жаркий летний день шел из Компьена в Дахау с наглухо закрытыми окнами, живыми доехали только около 800 человек». Люди были просто расходным материалом».

«Полковник Ферреро рассказал о репрессиях против его семьи в Италии и о том, что в Триесте из тел казненных делали мыло».

От этой детали стынет кровь, она показывает финальную точку идеологии превосходства: человек, лишенный права быть человеком, становится просто сырьем.

Психология палачей

Нойхойзлер детально описывает методы СС, направленные на то, чтобы сломить дух заключенных: ужасные условия содержания,

включая голод, холод, антисанитарию, переполненные бараки и непосильный труд. Были также эксперименты на людях, такие как заражение флегмоной, испытания холодной водой и ампутации, в том числе пытки, истязания и казни.

Садизм, жестокость, бесчеловечность были возведены в ранг развлечения. Одно из свидетельств в его книге иллюстрирует абсолютную моральную деградацию охраны:

«Блокфюреры выстраивали заключенных в две шеренги друг напротив друга и отдавали приказ: "Плюньте друг другу в лицо!" Узники стоят неподвижно. Никто не хочет унижать товарища по несчастью. Эсэсовцы взводят курки пистолетов: "Приказываю в последний раз!" Некоторые, сломленные страхом, плюют, но еле заметно. И тогда, — пишет Нойхойзлер, — "эсэсовские свиньи" выходят вперед сами и смачно харкают в лица беззащитных людей. А затем заставляют их облизывать друг друга, чтобы "очиститься"».

Другое издевательство. Охранник бросал шапку заключенного в «нейтральную зону» перед стеной (полосу без ограждений перед стеной) и приказывал принести её. Это была ловушка без выхода: пойдешь за шапкой — застрелят за попытку побега из-за нарушения границы. Откажешься идти — застрелят за невыполнение приказа. Жизнь человека зависела от каприза скучающего надзирателя.

«Охранники заставляли заключённых изготавливать те самые плётки, оплетённые проволокой, которыми их потом били. К заключённым относились как к грязи, так что они теряли остатки человеческого достоинства, но при этом требовали от них безупречной вежливости по отношению к охране, запрещая, например, высказываться с иронией об эмблемах СС и т. п.» [62]

Суд совести

Иоганн Нойхойзлер выжил, чтобы утвердить главную истину: никто и ни при каких обстоятельствах не имеет права лишать человека жизни и человеческого достоинства.

Он напоминает, что «каждое молчаливое согласие превращает свидетеля в соучастника», и подчеркивает: перед лицом бесчеловечных злодеяний в концлагерях и на оккупированных землях весь немецкий народ должен был восстать в гневе и ужасе. В первую очередь это касалось католической и евангелической церкви, от которых требовалось выступить единым фронтом и без страха.

После пережитого епископ категорически отвергает принцип «цель оправдывает средства». Он подчеркивает, что общее благо должно достигаться только морально допустимыми средствами. Он цитирует Цицерона, который утверждал, что ничто не является действительно полезным, если оно не является одновременно морально хорошим, и что польза не должна отделяться от нравственности. Он настаивает: если ради «блага нации» нужно убить невинного, это не достижение, а злодейство. Истинная польза неотделима от морали.

Наконец, он жестко осуждает идею уничтожения «непродуктивных людей». Нойхойзлер выступает против «эвтаназии» и уничтожения «жизни, недостойной жизни», разрушения семей, заявляя, что это приводит к моральному разложению и всеобщему взаимному недоверию. Он утверждает, что если будет признано право убивать «непродуктивных людей», то никто не сможет быть уверенным в своей безопасности.

Книга Нойхойзлера стала зеркалом, в которое Германия боялась смотреть. Пока такие теологи, как Кюннет, строили теории о «паразитах», Нойхойзлер видел, как этих «паразитов» превращают в мыло и пепел. И его вывод был однозначен: идеология, которая перестает видеть в человеке образ Божий, неизбежно заканчивается каннибализмом.

Документ как оружие

Выйдя на свободу, Нойхойзлер не пытался забыть пережитое. Он сделал нечто противоположное — он задокументировал ад. Его книга «Крест и свастика» (Kreuz und Hakenkreuz), вышедшая в 1946 году, стала не просто мемуарами, а документальным свидетельством эпохи, использовавшимся в послевоенном общественном и правовом осмыслении нацистских преступлений.

«Если случится чудо, что вы выживете, чтобы рассказать об этом, запишите и расскажите миру о том, что они с нами сделали», — говорили ему.

Окунувшись в документы и свидетельства, Нойхойзлер приходит к выводу, что даже в концлагере многое держалось в секрете, и каждый, кто был освобожден, должен был подписать заявление о неразглашении информации о лагере. Он также отмечает, что те, кто приходил к нему в офис после освобождения, редко рассказывали о пережитом, а просили лишь о поддержке. Страх, культивировавшийся годами и не исчезавший сразу после выхода на свободу, продолжал удерживать многих от открытого свидетельствования, заставляя людей молчать о пережитом.

В отличие от многих эмоциональных рассказов того времени, труд Нойхойзлера был наполнен фактами: он сохранил и опубликовал секретные приказы СС, циркуляры гестапо и детальные описания пыток в Дахау. Это была хроника методичного расчеловечивания. Книга была переведена на иностранные языки и легла на столы прокуроров. Материалы, собранные епископом, использовались в послевоенных расследованиях и на процессах как неопровержимое доказательство: нацизм был преступен не только на поле боя, но и в каждом бараке, в каждом ударе плетью, в каждом подписанном канцелярском приказе. Нойхойзлер показал миру лицо режима без маски. И это лицо было ужасно.

Память как предостережение

Даже столкнувшись с дьяволом лицом к лицу, Нойхойзлер не призывал к кровной мести. Как пастырь, он искал пути к исцелению истерзанного общества. Но у этого исцеления была цена — правда. Его формула примирения стала моральным императивом для послевоенной Германии: *«Мы простим, но не забудем»*.

Прощение возможно, учил он, но забвение — это предательство. Забыть — значит позволить злу вернуться в новом обличье. Именно поэтому он оставил нам эти страницы: чтобы никто и никогда больше не мог сказать *«мы не знали»*.

Нойхойзлер в своей книге поделился рядом документов нацистского режима:

«...При воспроизведении некоторых документов с нацистскими высказываниями, песнями, богохульствами, подделками, насмешливыми стихами, оскорблениями высших церковных деятелей, инструкциями по совершению аморальных действий и т. п., перо действительно не хотело фиксировать их во всей их тривиальности, банальности, легкомысленности, аморальности. Но в конечном счёте документы имеют полную ценность только в том случае, если они точные и полные. ... При этом надёжность отчётов всегда проверялась и сохранялась».

Глава 13. Секретная инструкция гестапо 1937-1938 гг.

В главе «Одна из многочисленных секретных инструкций гестапо» Нойхойзлер раскрывает документ гестапо — секретную инструкцию по подавлению демократических свобод.

2. Eine der vielen Geheimanweisungen der Gestapo:

„SICHERHEITSDIENST des RFSS
Oberabschnitt Süd-West.

Geheime Reichssache!

1. Dies ist ein Staatsgeheimnis im Sinne des § 88 RSTGBL. in der Fassung des Gesetzes vom 24. 4. 1934 (RGBL. I S. 341 ff.).

2. Nur von Hand zu Hand oder an persönliche Anschrift in doppeltem Umschlag gegen Empfangsbecheinigung.
3. Beförderung möglichst durch Kurier oder Vertrauensperson, bei Postbeförderung als Wertbrief (Wert 1050 RM.).
4. Vervielfältigung jeder Art sowie Herstellung von Auszügen verboten.
5. Empfänger haftet für sichere Aufbewahrung.

Verstoß hiergegen zieht schwerste Strafen nach sich.

SA: 69.

Sicherheitsdienst RFSS

SD — RFSS, 15. Febr. 1938

Oberabschn. Süd-West

Unterabschn. Wttbg.-Hohenz.

II 113 / Lt / Hl / 105 / 38

Eingang Nr. Br. B. N. 19/38 II/113

Geheime Kommandosache!

An den

Sicherheitsdienst RFSS Unterabschn.

Württemberg

Baden / Pfalz / Saar.

Betr.: Arbeitsanweisungen für II 113 / Vorg. ohne / Anlg. 1

Zur Aktivierung der Arbeit 1938 werden die auf der Tagung der Ober- und Unterabschnittsreferenten vom 18. 7. 1937 gegebenen Arbeitsanweisungen schriftlich in Erinnerung gebracht. Es wird besonders auf die Zerschlagung des konfessionellen Vereinswesens, auf den Aufbau des V-Männer*-Netzes und auf die Errichtung von KA-Außenstellen an den Sitzen der Bischöflichen Ordinariate hingewiesen.

Die Arbeitsanweisungen sind von sämtlichen Unterabschnittsreferenten von II 113 genauestens durchzuarbeiten.

Der SD Führer des SS-Oberabschnittes Süd-West

i. A. der Leiter der Hauptabteilung II

(folgt Unterschrift)

SS-Hauptsturmführer.

*) VM = Verbindungsmänner. Der Verf.

Geheim-Kommandosache!

Arbeitsausschuß 1937/38 für II 113.

1. Nächste Zielsetzung in der Bekämpfung der konfessionellen Gegner.
2. Richtlinien für die Erörterung der höheren und niederen Geisteslichkeit.
3. Bekämpfung des katholischen Ordenswesens.

Kreuz und Hakenkreuz 24

361

Секретная директива СД по отделу «Секты» (II 113) от 15 февраля 1938 года.

Факсимиле документа Службы безопасности рейхсфюрера СС (SD-RFSS), округ Юго-Запад. Грифы «Geheime Reichssache!» (Секретное дело Рейха) и «Geheime Kommandosache!» (Секретный документ командования) указывают на высшую степень секретности операции.

Ключевой маркер документа — индекс **II 113** (сектор по борьбе с сектами и религиозными движениями). Это кодовое обозначение спецотдела СД, отвечавшего за слежку, внедрение агентов и ликвидацию религиозных меньшинств («сект»). Инструкция

(Arbeitsanweisungen) предписывает всем подотделам «тщательную проработку» методов подавления инакомыслия (разнообразие мнений, свобода вероисповедания). Документ был сохранен и опубликован узником Дахау Иоганном Нойхойзлером в 1946 году как доказательство того, **что атака на верующих была не случайными эксцессами, а спланированной государственной стратегией.**

Справка: Система террора СД и гестапо. На документе стоит гриф **СД (Sicherheitsdienst)**, хотя арестами занималась **гестапо**. Важно понимать, как работал этот аппарат. СД была «интеллектуальным центром» СС: именно здесь, в отделе **II 113**, анализировали досье (в том числе из архивов Кюннета) и выносили вердикт — какая группа считается враждебной. Гестапо же выступала как карательный инструмент, исполняющий эти решения. Рейнхард Гейдрих, возглавлявший обе структуры, создал «индустрию смерти»: СД маркировала жертву теоретически, гестапо уничтожала её физически. Вчера офицер был аналитиком СД по сектам (отдел II 113), а завтра его отдел влили в гестапо (Amt IV), и он сидит в том же кабинете, но уже имеет право арестовывать. Из-за постоянных реорганизаций и слияния этих служб (окончательно оформившегося в 1939 году в РСХА), отделы часто меняли названия и нумерацию, но суть оставалась прежней: тотальный контроль над умами и уничтожение инакомыслия.

Переведенные фрагменты документа:

«Несколько важных моментов можно извлечь из следующих двух документов: ...

Одна из многочисленных секретных инструкций гестапо:

«Служба безопасности Рейхсфюрера СС (RFSS)

Высший отдел Юго-Запад.

Совершенно секретно!

1. Это государственная тайна в соответствии со статьёй 88 Закона о Рейхстаге (RSTGBL) в редакции закона от 24 апреля 1934 года (RGBL. I, стр. 341 и далее)

2. Только лично в руки или по личному адресу в двух экземплярах. Конверт под расписку.

3. Доставка предпочтительна курьером или доверенным лицом, если отправляется заказным письмом (стоимостью 1050 рейхсмарок). [В переводе на современные цены, сейчас такое заказное письмо вышло бы в \$9,100 или €8,600]

4. Копирование любого рода и изготовление выписок запрещены.

5. Получатель несет ответственность за сохранность.

Нарушение этого правила повлечет за собой самые строгие санкции. ...

Референция: Рабочие инструкции для II 113

Для активизации работы в 1938 году письменно **напоминаются рабочие инструкции**, данные на совещании руководителей верхних и нижних подразделений 18 июля 1937 года. Особое внимание уделяется **ликвидации** конфессиональной системы объединений, **созданию сети осведомителей*** [агентов/информаторов] (V-Männer, Vertrauensmänner) и на создание внешних **отделений концентрационных лагерей** (KA-Außenstellen) при резиденциях епископских ординариатов (административные центры католических епархий).

Настоящие рабочие инструкции подлежат тщательному изучению всеми офицерами подотдела II 113. ...

Секретное задание!

Рабочий комитет 1937/38 для II 113.

1. Следующая **цель** в борьбе с конфессиональными противниками.

2. **Руководство** по обсуждению высшего и низшего духовенства.

3. **Борьба** с католическими монашескими орденами.

4. **Разгром** конфессиональных организаций:

- а) католические **объединения**;
- б) евангелические **объединения**.

5. Католицизм и наука.

6. Немецкая евангелическая церковь.

7. Мировой протестантизм, экуменизм и Оксфордское движение.

8. **Руководящие принципы** борьбы с сектантством.

9. Последнее положение народно-религиозных групп.

10. **Незаконность** церкви.

11. Финансовая мощь церквей.

Следующая цель в борьбе с конфессиональными оппонентами

Несмотря на то, что нынешняя ситуация как с католической, так и с протестантской стороны может очень быстро обостриться, и мы должны быть готовы к внезапным, быстрым решениям и радикальным мерам в нашей работе, **для общего плана работы необходим более медленный темп, поскольку любые меры, слишком опережающие идеологическое развитие немецкого народа, неизбежно приведут к внезапному «культуркампфу»**, который будет выгоден только противнику.

В частности, на начальном этапе будут выполнены следующие задачи:

а) Объективная **оценка противника** должна быть проведена **на основе** ведущих **публикаций**, изданных здесь, например, «Церковного справочника Крозе», «Протестантского церковного справочника», «Схематизма» и т. д.

Эта фактологическая регистрация должна сопровождаться оценкой старых файлов для предметного указателя и **составлением** соответствующих **картографических обзоров** для области верхнего уровня.

Только при наличии такой структуры во всех верхних уровнях возможно максимально быстрое реагирование на запросы центральных или местных органов власти. Эта задача должна быть выполнена в течение шести месяцев.

б) В рамках этого **четырёхлетнего плана** существует особая возможность перенаправить **экономические излишки церквей на общие цели немецкой экономики.**

Поскольку значительная часть нынешних возможностей церквей вести борьбу основана исключительно на их неограниченных финансовых ресурсах, здесь имеются значительные возможности для **сдерживания** церковного конфликта.

Помимо действующих индивидуальных директив в этой области, необходимо со всей ответственностью выполнять и детальные специальные поручения, от которых зависят самые решительные меры правительства.

В ближайшем будущем особое внимание следует уделить **выявлению ведущих деятелей всех конфессиональных групп.** Для этого необходимо, чтобы региональные и подсекционные офицеры точно знали сферу деятельности, возможности влияния, способности, черты характера, связи, а также личные слабости и пристрастия **ключевых фигур** конфессиональных оппонентов в своем регионе. Очевидно, что централизованная обработка информации о епископе или другом важном церковном деятеле не может быть поручена главе местного офиса в соответствующем городе, а должна осуществляться самими региональными и подсекционными офицерами.

в) **Одна из важнейших задач** нашей текущей работы, более того, одно из предпосылок для всей будущей работы, заключается в **максимально интенсивном расширении сети информаторов.** должен быть интегрирован в каждую значимую организацию и учреждение всех конфессиональных оппонентов, а также в круги, окружающие их ключевых лидеров.

В каждой влиятельной организации и учреждении всех конфессиональных оппонентов, а также в круги, окружающие их ключевых лидеров, необходимо интегрировать агента-информатора.

Г) В сфере объединений и религиозных орденов централизованные действия в настоящее время невозможны. Для более комплексных мер в сфере религиозных орденов необходимо сначала **подготовить почву посредством пропаганды. В борьбе с объединениями наступление будет осуществляться снизу.** Необходимо **приложить усилия для максимально эффективного развала** блока католических и протестантских объединений **посредством мощных действий, тем самым ликвидируя и полностью разрушая всю систему** конфессиональных **объединений. Действия**, направленные на достижение этой цели, **должны осуществляться в тесном сотрудничестве с ответственными органами полиции штата и только с одобрения Главного управления СД.** Ответственность за исполнение этих действий в качестве исполнительных мер полиции штата лежит на ответственных органах полиции штата. Оценка результатов возлагается на Службу безопасности.

Д) В области протестантизма сейчас также нет оснований ускорять борьбу. **Тактика затягивания времени** в настоящее время является наилучшим методом.

Е) Однако **необходимо разработать комплексные меры борьбы с сектантством**, поскольку секты сегодня действуют не только большевистскими методами, но и часто являются местами сбора бывших марксистов, продолжая вносить огромный раскол в наши народные круги. Более того, поскольку под влиянием сект значительная часть немецкого народа деградирует до уровня низших орудий восточного духа, и поскольку секты в конечном итоге представляют собой прямую угрозу народу, **систематически подготовленная борьба с ними абсолютно необходима** в ближайшем будущем.

Однако безобидные секты, не обладающие вышеупомянутыми характеристиками, могут поначалу существовать без опасений,

поскольку, конечно, нет принципиальной заинтересованности в устранении существующей раздробленности в церковно-религиозной сфере. В области этнорелигиозных групп строжайшая сдержанность должна сочетаться с самым тщательным наблюдением».

Религиозные преследования становятся легальными. Что внутри директивы СД 1938 года?

Гейдрих, объединивший под своим началом СД и полицию, масштабировал апологетические шаблоны Кюннета. Дегуманизация «иных» как инфекции превратила религиозный надзор в государственный террор. Ещё в 1933 году Кюннет в докладе «Церковь и еврейский вопрос» требовал «устранения» (Ausschaltung) евреев из общественной жизни, видя в них аналог сект, и называя их «чужеродным телом» в народном организме. Эта риторика эхом отозвалась в действиях Гейдриха: от запрета теософов до координации погромов «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 года. Идеологическое обоснование, данное теологами, стало топливом для насилия.

Центр Кюннета активно обменивался материалами не только с гестапо, но и с Министерством пропаганды Геббельса и МВД Рейха, предоставляя экспертные данные для кампаний против «сект». Это сотрудничество легитимизировало репрессии: свободомыслящие, Свидетели Иеговы и евреи уничтожались под лозунгом «национального очищения». Кюннет называл борьбу с ними «христианской обязанностью», и это видение трагически совпало с паранойей Гейдриха, видевшего в любом меньшинстве «пятую колонну», подлежащую ликвидации.

Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens

Die Gefährlichkeit des Sektenwesens liegt in folgenden Tatsachen begründet:

1. Erziehung der Anhänger zu egozentrischen Auffassungen und Gleichgültigkeiten gegenüber allen Fragen, die Volk und Staat betreffen.
2. Zersetzung mit Marxisten und Kommunisten.
3. Freimaurerische, jüdische und internationale Bindungen.
4. Verweigerung des Eides und des deutschen Grußes.
5. Ablehnung der allgemeinen Wehrpflicht.
6. Ablehnung der Übernahme von Ämtern in Organisationen des Staates und der Bewegung (DAF, Luftschutz, NSV, WHW usw.).
7. Verweigerung der Teilnahme an Betriebsappellen und der Mitarbeit in der Rüstungsindustrie.
8. Gesundheitsbeterei.
9. Ausbeuterei und Volksverdummung.
10. Ablehnung der nationalsozialistischen Rassentheorie.

Für die Bearbeitung und Bekämpfung des Sektenwesens durch den SD hat sich die Einteilung in folgende drei Hauptgruppen als zweckmäßig erwiesen und soll deshalb auch zukünftig beibehalten werden.

- I. Jüdisch-christliche Sekten.
- II. Freimaurerisch gebundene okkultistische und spiritistische Sekten.
- III. Außerchristliche Sekten.

Ein ausführliches Verzeichnis, aus dem die Numerierung und die Aufteilung aller Sekten in diese drei Gruppen hervorgeht, wurden OA bereits zugesandt. Darin noch nicht aufgeführte, bzw. neu auftretende Sekten sind dem Hauptamt zu melden. Von dort aus wird dann über deren Einfügung in die Liste entschieden. Nur so ist notwendige dauernde Einheitlichkeit für das ganze Reich gewährleistet.

Erfassung, Bearbeitung und Überwachung jeder einzelnen Sekte sowie die Zusammenstellung von Berichten hat zukünftig nach folgenden Punkten zu erfolgen:

1. Übersicht über Ideengut und geschichtliche Entwicklung.
2. Organisation und Satzungen. — Statistik. — Finanzielle Mittel, Vermögenswerte (Grundstücke, Gebäude) usw.
3. Verbreitungsgebiet. Internationale Bindungen (mit Angabe der Zentrale, falls diese sich im Ausland befindet).
4. Leitung, Prediger, führende Personen. — Zahl der Mitglieder bzw. Anhänger und deren frühere politische Einstellung.
5. Brauchtum, Rituale, Feste, Feiern. — Symbole.
6. Verhalten zur Kirche. — Verbindungen zu Freimaurerei und Judentum. Marxistische und kommunistische Einflüsse.
7. Versammlungs- und Erziehungstätigkeit.
8. Verhalten zu NS-Idee und Staat.
9. Kulturelle Einflüsse.
10. Kriminalität, Polizeiliche Erlasse. — Auflösung, Verbot.

Die Befolgung dieser Richtlinien und die sorgfältige Bearbeitung der Fragebogen ist für die zukünftige Arbeit der OA und Kleinarbeit der UA und Außenstellen erforderlich.

Um die Bekämpfung der Sekten möglichst wirkungsvoll zu gestalten, sind für die Durchführung der Bearbeitung folgende Punkte besonders zu beachten:

Директива СС по борьбе с сектами 1938 г.

«Директивы по борьбе с сектами» (Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens), 1938 год. Секретный документ СД (гриф «Geheime Kommandosache»), определяющий стратегию уничтожения религиозного инакомыслия. Документ классифицирует «секты» на три группы (иудео-христианские, оккультные/масонские, внехристианские) и предписывает методы их ликвидации: от финансового аудита до внедрения агентуры в каждую общину. Целью операции провозглашается «полное уничтожение» (*restlose Vernichtung*) групп, враждебных нацистскому мировоззрению.

Этот документ распространялся среди агентов под грифом высшей секретности (Geheime Kommandosache) — «Совершенно секретно, особой важности». Это высший уровень секретности, обычно используемый для военных планов. То, что борьба с сектами получила такой гриф, говорит о многом. Здесь систематизированы методы уничтожения религиозных групп, которые нацисты считали «разлагающими элементами». Именно эти инструкции превращали теоретические наработки церковных апологетов в практическое руководство для карательных органов. Простыми словами это значит, нацисты боялись «сект» (свидетелей Иеговы, теософов и др.) настолько, что засекретили борьбу с ними так же, как планы вторжения в соседние страны.

Директива СД 1938 года проявляет механику полицейского государства, в котором религиозная вера переквалифицирована в уголовное преступление. В первых параграфах СД холодно формулирует критерии «опасности»: главными грехами объявляются не реальные правонарушения, а «пацифизм», «отказ от присяги» и нежелание использовать нацистское приветствие, избегание военной службы и зарубежные связи. Для тысяч верующих, и в первую очередь для Свидетелей Иеговы, эти бюрократические формулировки стали фактическим ордером на отправку в концлагерь.

Что внутри директивы по борьбе с сектами?

Этот документ описывает принципы работы полицейского режима, в котором религиозная вера переквалифицирована в уголовное преступление. В первых параграфах СД холодно формулирует критерии «опасности»: обвиняют не за проступки, а за убеждения и поведение. То есть под казнь попадают те, кто отказался убивать других людей и поддерживать режим. Для тысяч верующих, и в первую очередь для Свидетелей Иеговы, эти бюрократические формулировки стали фактическим ордером на отправку в концлагерь.

Инструкция санкционирует тотальный шпионаж — создание сети осведомителей, что стимулирует атмосферу недоверия и паранойю

внутри общин. Система была устроена так, чтобы уничтожить доверие между членами общины: никто не мог быть уверен, что человек рядом не агент службы. Требование внедрить «минимум одного осведомителя» (*V-Mann*) в каждую, даже самую малую религиозную группу, означало, что церковь больше не могла быть убежищем. Агенты СД были обязаны фиксировать любые изменения в руководстве и настроениях, превращая интимную сферу духовной жизни в объект оперативной разработки.

Особым цинизмом пронизан раздел о методах работы, где ведомство Гейдриха раскрывает тактику «разделяй и властвуй». В разделе «Цели работы» прямо говорится о необходимости сохранять те небольшие религиозные группы, которые не представляют угрозы, но способны усиливать распад более крупных и «враждебных» конфессий. Нацисты рассчитывали использовать такие «безобидные» образования как инструмент разрушения церковной структуры изнутри.

И, наконец, директива открыто заявляет о конечной цели. Речь не о перевоспитании и не о контроле — документ прямо фиксирует задачу «*restlose Vernichtung*», полного уничтожения сектантства в Германии. В разделе «*Ziel dieser Arbeit*» это сформулировано недвусмысленно: партийное и государственное «просвещение» должно привести к полной ликвидации всех групп, признанных враждебными режиму. Это та же лексика, что использовалась позже для геноцида.

Все запреты и акции по уничтожению групп планировались и осуществлялись нацистским режимом. Государство действовало против собственных граждан. Они попали в пасть системы, пожиравшей людей по инструкции.

Как могли незначительные группы верующих противостоять тоталитарной системе, учитывая, что они не знали ни того, что против них готовится, ни масштабов грядущей угрозы? Граждане Германии жили обычной жизнью, строили планы на будущее, растили детей, видели перспективы для себя и своей семьи. Но кто-то уже решил всё это уничтожить.

Чтобы дать представление о тоне документа, приведем некоторые выдержки из него. Так, в отношении католической церкви инструкция — которая впоследствии стала шаблоном для репрессий против других объединений и «сект» — предписывала:

*«Ордена являются военизированным крылом католической церкви. Поэтому **их необходимо вытеснить из сферы своего влияния, ограничить и, в конечном итоге, уничтожить**».*

*«11. Наряду с наблюдением за орденами и орденскими сообществами в целом, **необходимо осуществлять надзор за отдельными членами этих обществ, особенно если они отличаются особой пастырской деятельностью. Чаше всего это проповедники и исповедники, которые часто пользуются особой популярностью. Часто они также являются руководителями местных обществ или подобных групп. Эти орденские священнослужители подлежат особому надзору**».*

*«**Ликвидация** конфессиональных организаций. ...*

*1. **Расформирование** католических организаций в сфере молодежных объединений уже продвинулось настолько далеко благодаря запретам в отдельных районах, что **полное уничтожение этих объединений должно быть обязательно достигнуто к концу зимних работ. Высшие инстанции получают указание с полной энергией проводить запрет ... в тех районах, которые до сих пор не были затронуты, путем приобретения достаточного количества материалов для запрета.***

*2. **Борьба ... должна с той же интенсивностью направляться и против других групп, против профессиональных, ремесленных и других объединений. (Предстоит полная ликвидация ассоциаций государственных служащих на основании закона от 20 мая 1937 года...***

*4. **Запреты должны, по возможности, распространяться на более обширные территории. Доказательство ... в незаконной***

деятельности подразделений и органов в большинстве случаев **оправдывает роспуск ассоциаций в отдельных районах.**

5. При осуществлении роспуска и мер по запрету **имущество ассоциаций в любом случае подлежит конфискации** на том основании, что оно предназначалось для осуществления деятельности, враждебной народу и государству, или, по крайней мере, использовалось для этих целей. ...

Особое внимание следует уделить изъятию ... **доказательств влияния орденов на общества.**

7. **После расформирования ассоциаций необходимо тщательно контролировать** местонахождение их членов и, в частности, **создание организаций-преемников или организаций, принимающих их членов.** ... Еще до завершения создания этих организаций и институтов **необходимо собрать все документы, важные с точки зрения СД, чтобы иметь возможность нанести удар и по этой последней линии обороны.**

8. В борьбе ... необходимым условием является постоянный и тщательный контроль за их деятельностью. В качестве неотложной меры **следует незамедлительно приступить к внедрению и полномасштабному использованию агентов.**

9. **Важным средством для уничтожения католических объединений является парализация органов связи: прессы, журналов, брошюр и прочей литературы ассоциаций.** Наблюдение за литературой должно осуществляться с максимальной тщательностью с целью ее ограничения посредством запретов.

10. **Необходимо тщательно провести учет имущества и членов ... Необходимо раскрыть связи, возможности воздействия и сферы влияния наиболее важных личностей, а также преследовать ключевых активистов.**

12. Высшие инстанции должны следить за тем, чтобы **все материалы, пригодные для пропагандистского использования на**

местном уровне и в масштабах Рейха, **были соответствующим образом подготовлены и представлены.**

13. **В начале любой акции необходимо немедленно уведомить об этом Главное управление СД и обеспечить бесперебойное сотрудничество между СД и органами государственной полиции.** Также необходимо поддерживать тесный контакт с связующими органами нацистских организаций (например, региональным руководством НЖ [Гитлерюгенд], руководством NSV [Национал-социалистическая народная благотворительность] и т. д.).»

«II. Рабочие указания

1. **Поддерживать теснейший контакт с представительствами руководства области Гитлерюгенда и государственной полиции. ... Гитлерюгенд** через инструкции к распоряжениям Имперского руководства юношества **уведомлена о необходимости самого тесного сотрудничества с СД. ...**

6. Кроме того, необходимо **собрать все компрометирующие материалы** на все прочие евангелические-конфессиональные объединения и союзы, **чтобы подготовить здесь систематическую ликвидацию. ...**

Цель борьбы против евангелических объединений **заключается в их постепенном уничтожении** путём ограничений и местных запретов». ...

«III. Инструкции – Относительно Оксфордского движения

а) **Особое внимание следует уделить сбору компрометирующих материалов, т.е. информации о возможном влиянии пацифизма, марксизма, иудаизма и т.д.»**

Документ продолжается инструкцией нацистского режима по полному уничтожению сектантства:

«Руководящие принципы по борьбе с сектантством

Опасность сектантства заключается в следующих фактах:

1. Воспитание последователей в духе эгоцентризма и безразличия ко всем вопросам, касающимся народа и государства.
2. Подрывная работа с марксистами и коммунистами.
3. Масонские, еврейские и международные связи.
4. Отказ от присяги и немецкого приветствия.
5. Отказ от всеобщей воинской повинности.
6. Отказ от вступления в должности в государственных и партийных организациях (DAF, Luftschutz, NSV, WHW и т. д.).
7. Отказ от участия в рабочих собраниях и сотрудничестве с оборонной промышленностью.
8. Целительство молитвой.
9. Эксплуатация и оглушение народа.
10. Отказ от национал-социалистической расовой теории.

Для рассмотрения и борьбы с сектантством со стороны СД целесообразным оказалось разделение на следующие три основные группы, которое и в дальнейшем будет сохраняться:

I. Иудео-христианские секты

II. Окультиные и спиритические секты, связанные с масонством

III. Нехристианские секты

Подробный перечень с нумерацией и распределением всех сект по этим трем группам уже был отправлен в ОА [Oberabschnitt; отдел СД на уровне областного подразделения]. О сектах, которые еще не включены в этот перечень или появились недавно, следует сообщать в главный офис. Там будет принято решение об их включении в список. **Только так можно обеспечить необходимую постоянную единообразность для всего Рейха.**

Регистрация, обработка и мониторинг каждой отдельной секты, а также составление отчетов в будущем должны осуществляться в соответствии со следующими пунктами:

1. Обзор идей и исторического развития.
2. Организация и устав. Статистика. Финансовые средства, имущество (земельные участки, здания) и т. д.
3. Область распространения. Международные связи (с указанием центрального офиса, если он находится за границей).
4. Руководство, проповедники, лидеры. Число членов или последователей и их прежние политические взгляды.
5. Обычаи, ритуалы, праздники, торжества. Символы.
6. Отношение к церкви, связи с масонством и иудаизмом. Марксистские и коммунистические влияния.
7. Собрания и просветительская деятельность.
8. Отношение к идеям нацизма и государству.
9. Культурные влияния.
10. Криминальность, полицейские указы. Роспуск, запрет.

Соблюдение этих руководящих принципов и тщательная обработка анкет необходимы для будущей работы ОА, а также для мелкой работы УА [подразделение локального уровня (район, город)] и внешних отделений.

Чтобы борьба с сектами была максимально эффективной, при обработке анкет необходимо уделять особое внимание следующим моментам:

1. **Агенты:**

В каждую секту должен быть внедрен по крайней мере один агент, который будет постоянно сообщать о кадровых изменениях, собраниях и литературе. Учитывая международные связи этих сект, необходимо, чтобы агенты находились также за рубежом и следили за международными конференциями и съездами.

2. **Сотрудничество с государственными и партийными органами:**

Богатый материал можно получить, например, через связи с DAF (Управление информации) и NSV. Многие секты являются членами «Имперской рабочей группы по WHW немецкого народа», которая подчиняется NSV.

Сотрудничество с местными партийными руководствами SA, SS, HJ, Arbeitsdienst и т. д. также дает возможность получать важную информацию.

В местных полицейских управлениях и государственных полицейских органах уже имеются досье на многие секты, которые целесообразно скопировать.

Участвуя в операциях государственной полиции, сотрудник может лично познакомиться с **противником** и получить непосредственную информацию о его методах работы, мировоззрении и т. д.

К отчетам, представленным в вышеуказанных разделах, по возможности следует прилагать иллюстративный материал. Он является незаменимым вспомогательным средством при планируемом просвещении населения о сектантстве в лекциях, журналах и газетных статьях.

Цель этой работы:

1. Проведение в течение одного года всеобъемлющей кампании по регистрации, которая будет проводиться единообразно по всей территории империи.

2. Сбор соответствующих материалов для подготовки государственных политических мер.

3. Просветительская работа партии и государства с целью полного уничтожения враждебных государству сект в Германии.

4. Сохранение безвредных сект, которые приводят к распаду враждебных государству других вероисповеданий и к расколу в церковно-религиозной сфере».

«Астрология должна быть подвергнута наблюдению в той мере, в какой она представляет угрозу для национал-социалистического мировоззрения.

Вместе с тем, следует уделить внимание и культуре нудизма, здоровое направление которой организовано в «Союзе за культуру свободного тела». Здесь существуют идеологические и кадровые связи с организациями, исповедующими немецкую веру».

Задачей службы безопасности должно быть устранение всех препятствий, которые по-прежнему создают церковные или муниципальные органы».

«Рабочая инструкция:

1. Система тайных агентов должна быть тщательно развита. Поскольку народно-религиозные группы в большинстве своем положительно относятся к национал-социалистическому государству, необходимо добиться того, чтобы в руководстве всех организаций были тайные агенты.

2. Необходимо собирать следующую информацию:

а) списки членов, б) уставы, в) отколовшиеся или вновь образовавшиеся группы, г) проникновение марксистских или реакционных кругов, е) связи между народно-религиозными группами и движением нудистов.

3. Если при образовании новых групп, исповедующих немецкую веру, проявляются сектантские наклонности или если новое образование явно происходит из корыстных побуждений руководящих лиц, то по возможности следует с самого начала пресекать образование новой группы.

4. Необходимо внимательно изучить астрологию, чтобы определить, является ли она коммерческим предприятием с коммерческими целями или имеет политическую подоплеку. Важны связи с антропософией и теософией.

5. Необходимо наблюдать за движением по выходу из церкви; о серьезных препятствиях следует сообщать.

6. О серьезных разногласиях между партией и группами немецкой веры следует сообщать.

Незаконность церквей

В результате постоянно обостряющейся борьбы между церковью и государством католицизм в Германии, особенно после запрета энциклики «Mit brennender Sorge» («С горячей озабоченностью»), был вынужден пойти на незаконные меры для достижения своих целей.

С целью доказать, что католическая церковь, без того, чтобы её к этому принуждали, злоупотребляет терпимостью государства и использует для своих целей средства, противоречащие действующему законодательству, существующим постановлениям и нравственным устоям немецкого народа в Третьем рейхе, СД должен собрать убедительные доказательства.

Понятие незаконности, под которым должны быть собраны все соответствующие сообщения, **следует понимать в широком смысле**, так чтобы под него попадали **не только нарушения государственных законов** или соглашений конкордата, но и все планы и меры, которые церковь может безнаказанно осуществлять в пределах своей сферы, но которые, если бы они были осуществлены в общественной жизни, были бы запрещены как недопустимые с точки зрения идеологических принципов НСДАП. Таким образом, под ключевым словом «незаконность» попадают также все случаи, в которых церковь, в силу своей автономии, не подлежит судебному преследованию, но которые выходят за рамки закона, действующего для всех.

Приводя соответствующие примеры, необходимо доказать, что церковь в своих собственных учреждениях и организациях действует в соответствии с правами, отличными от тех, которые в настоящее время обычно практикуются в Германии.

Поскольку католицизм в значительной степени лишили возможности влиять на общественное мнение через прессу, официальные вестники и т. п., духовенство пытается заменить влияние с помощью печатных изданий устным, частным или публичным влиянием. Все чаще будут отмечаться случаи подстрекательства с амвона. Соответственно, необходимо осуществлять систематический контроль проповедей. Более сложно определить, в какой степени священники участвуют в прямой устной пропаганде. Здесь следует по возможности получить заверенные свидетельские показания, из которых можно узнать содержание документов.

Опыт показывает, что случаи подстрекательства с амвона редко являются спонтанными единичными действиями, а чаще всего являются инициативой авторитарных церковных органов, вызванной актуальными событиями. Сотрудники ОА должны быть настолько хорошо осведомлены о ситуации, чтобы с достаточной степенью уверенности предсказывать основные заявления с амвона.

Высшие и низшие духовные лица получают информацию и указания через секретных посыльных. Секретная курьерская служба обеспечивает связь не только между епископами, но и между подчиненными им духовными лицами. Если удастся установить маршруты курьеров и наблюдать за ними, то в любой момент можно пресечь передачу информации или своевременно узнать о планах и замыслах. Это одна из важнейших задач на ближайшее время.

Передача сообщений не ограничивается пределами страны. Часто антигерманские СМИ получали информацию об инцидентах, произошедших в немецкой церковной жизни. Чтобы установить источники такой информации, в будущем при расследовании инцидента всегда следует учитывать, кто в данном месте может быть источником информации для зарубежной прессы или какие люди могут поддерживать связи с посредниками, которые затем передают эту информацию.

Особенно в борьбе за молодежь враждебная государству позиция духовенства проявлялась в незаконных действиях. В борьбе за конфессиональные школы церковь использует все возможные средства: в странствующих церквях, трудовой повинности, духовном окормлении вермахта, в «годовом сельском воспитании» духовенство пытается оказывать свое разлагающее влияние и нередко допускает незаконные высказывания и действия.

Невозможно заранее указать все имеющиеся случаи незаконных действий. Существенно то, что в большинстве случаев речь идет о мерах, посредством которых церковь выходит за пределы закона, действующего для всех.

Задачи для СД: из всех остальных операций материалы, подпадающие под категорию «незаконности», должны быть отдельно представлены в главное управление. Под этим в данном контексте понимаются все меры и действия политического католицизма и его сторонников, которые:

- а) противоречат действующим законам и постановлениям,
- б) выходят за рамки закона, действующего для всех,
- в) способны разрушить идеологические основы Третьего рейха.

Особые выводы:

1. Установление существования разведывательной службы в целом.
2. Выявление курьерских маршрутов и центров.
3. Наблюдение за пограничными секретариатами и контактными пунктами.
4. Изучение способов передачи информации и средств связи.
5. Иностранные административные и связные лица.
6. Помощь беженцам и комитеты помощи репатриантам, освобожденным заключенным и т. д.
7. Учет всех случаев эмиграции важных католиков.

8. Формирование ударных отрядов.

9. Революционные движения, вооружение.

«Всемирно известный!»

Несмотря на секретность, маскировку, ограждение и отрицание

Эти «рабочие инструкции» СД (Службы безопасности) были совершенно секретными. И тысячи подобных инструкций тоже! Все должно было быть замаскировано, иметь красивую оболочку и какое-то видимое обоснование, оставаться скрытым от внутренней и внешней общественности, в случае необходимости можно было бы отрицать.

Д-р Йозеф Эберле пишет в своей брошюре «Судьба христианской прессы в Третьем рейхе» (Ruß, Bregenz, с. 11):

«Нацизм практиковал публичные выступления в ранее неизвестных масштабах и с невиданной громкостью. Но наряду с этим он вел еще более масштабную и эффективную работу по сокрытию и замалчиванию. Никогда еще люди не были так завалены пропагандой; но никогда еще они не были так окутаны мраком в отношении многочисленных событий, как при этом движении. О многих вещах, происходивших в ближайшем окружении, почти ничего не было известно. А то, что было известно, было настолько неопределенным, что никогда не было понятно: это слухи или правда?

Тем не менее, и здесь солнце вывело на свет многое, и здесь ложь в конце концов оказалась короткоживущей, даже если это была ложь Геббельса».

Заявления Святого Престола:

«... Миру известно, что многие члены духовенства были на более или менее длительный срок **помещены под стражу**: во многих случаях **по причинам, которые даже при самом мягком суждении нельзя считать обоснованными**, очень часто просто из-за должного сопротивления требованиям, противоречащим совести, со стороны того или иного государственного или поддерживаемого государством органа».

«Высказывание Папы Пия XII в его обращении к Коллегии кардиналов от 2 июня 1945 года:

«... Насилие над совестью граждан, особенно государственных служащих; систематическая клевета на Церковь, духовенство, верующих, их учреждения, их учение, их историю посредством коварной и тщательно организованной пропаганды; закрытие, упразднение, изъятие монастырей и других церковных институтов; уничтожение католической прессы и книжного производства.»

Так Гитлер сдержал своё слово, данное в речи в Рейхстаге 23 марта 1933 года, обещая сотрудничество с христианскими конфессиями».

Когда система заранее предусматривает маскировку, “красивую оболочку” и возможность отрицания, любые публичные обещания становятся частью декораций, а не гарантий. Подлинным документом эпохи оказываются не речи, а инструкции, запреты, аресты и уничтоженные типографии. И чем громче витрина, тем внимательнее стоит смотреть на то, что происходило в тени — потому что именно там и находится реальный механизм власти.

Глава 14. Директива Гейдриха против тайных учений 1941 года

«Акция против тайных учений и так называемых тайных наук» (Aktion gegen Geheimlehren und sogenannte Geheimwissenschaften).

9 июня 1941 года шеф полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих подписывает документ (зафиксированный в материалах Нюрнберга как D-59, Приложение C), регламентирующий уже не просто слежку, а массовые аресты и депортацию в лагеря всех лиц, связанных

с запрещенными религиозными обществами и «сектами». Масштабная волна репрессий запущена. Инакомыслие стало смертным приговором.

Все начальники государственной полиции, отделов уголовного розыска и подразделений СД получили срочную секретную шифровку. Это была прямая реакция на перелет Рудольфа Гесса в Британию (так называемая «*Aktion Heß*»), развязавшая руки карательным органам. Операция была назначена на 9 июня, в интервал между 7 и 9 часами утра.

Директива устанавливала жесткий «порядок подавления определённых религиозных групп», предписывая арест и отправку всех связанных с ними лиц в концентрационные лагеря. Указание распространялось на всю территорию Рейха, включая оккупированные области. Текст директивы Р. Гейдриха (Нюрнбергский документ D-59) холоден и процедурен, словно инструкция по дезинфекции:

«...Неотложные меры будут приняты против... организаций, клубов, союзов и кружков, а также против отдельных лиц...

- *Все организации, клубы, союзы... **будут очищены без исключения.** Имеющиеся материалы: адресные списки, досье, переписка, оборудование... подлежат конфискации.*

- *Сами организации подлежат немедленному роспуску и запрету.*

- *Одновременно будут проведены обыски в домах руководящих членов...*

*Лица, посвятившие себя тайным учениям и наукам... во всех случаях подлежат аресту. Их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в **концентрационный лагерь.***

Эта акция должна быть проведена по всей территории Рейха 9 июня 1941... по возможности между 7:00 и 9:00 утра». [65, 66, 67]

THE FOLLOWING IS A DIRECTIVE SIGNED BY REINHARD HEYDRICH, HEAD OF INTERNAL SECURITY FOR NAZI GERMANY, ESTABLISHING THE PATTERN FOR SUPPRESSION OF CERTAIN RELIGIOUS SOCIETIES AND SECTS AND THE ARREST AND INTERNMENT IN CONCENTRATION CAMP OF ALL PERSONS CONNECTED THEREWITH.

(Translation of Nuremberg Document D-59)

- I In the present struggle for the fate of the German people, it is necessary to maintain not merely the physical but also the *spiritual* health of our people, both individually and collectively. The German people can no longer be exposed to occultist teachings which pretend that *the actions and missions of the human-being are subject to mysterious magic forces.*
- II These immediate measures will be taken against the following:
Astrologers.
Occultists.
Spiritualists.
Followers of the Occult Theories of Rays.
Fortune Tellers, fake or otherwise (no matter which type).
Faith Healers (Gesundbeter).
Followers of Christian Science.
Followers of Anthroposophy.
Followers of Theosophy.
Followers of Ariosophy.
and also against their organizations, clubs, unions, circles, etc., as well as against leading and single persons as far as these teachings and sciences are their main occupation, or wherever they perform some special function or exert some special influence.
- III *The Purpose of the Impending Action*
1) All organizations, clubs, unions, circles, etc., will
a) without exception and simultaneously be purged; the existing material (particularly lists of addresses, card indexes, correspondence, apparatus, occult objects, written material and any existing property) will be confiscated.
b) they will be dissolved and prohibited.

Since it must be assumed that such material has already been removed, a simultaneous search of all the houses of the leading persons of the circles and also of such persons who are in any way suspected of keeping any such material, will be conducted.

(Left marginal note: Special file has been prepared).

- 2) Publisher's and Printer's firms who have mainly been occupied with the publication of such literature will be purged and confiscated (with the object of closing them down) (for instructions see enclosure 1). Where Publisher's and Printer's Firms have only dealt from time to time with the production of such material they will also be purged and the literature still existing will be confiscated. They will be prohibited from the further production of such literature under the threat of closing them down, should this be disregarded.
- 3) Persons who have devoted themselves to secret teachings and secret sciences as their main occupation, and who have therefore led the existence of a parasite at the expense of the people are to be arrested in every case. Persons who have occupied themselves with these teachings and sciences as a part-time occupation will be forbidden this activity with immediate effect, under the threat of the severest measures by the State police. They are to be sent, case by case, to a concentration camp or (in less serious cases) through the agency of the Labour Exchanges, to be directed to an occupation more useful to the German people.
It is obvious that in their cases a thorough search of their houses is to be conducted and their existing material (lists of addresses, card indexes, correspondence, etc.) must be confiscated.
- IV I therefore decree that: 1.) this action is to be carried out in the entire Reich territories (including OSTMARK, ALSACE, LORRAINE, LUXEMBOURG, and the Protectorate) on the 9/6/41, if possible between 7 and 9 o'clock.
1) The Director of the State Police Office or State Police (Superior) Office is responsible for directing this action.
2) The Director of the State Police (State Police Superior) offices (Superior

Перевод Нюрнбергского документа D-59, директивы, подписанной Рейнхардом Гейдрихом, руководителем внутренней безопасности нацистской Германии, устанавливающей порядок подавления некоторых религиозных обществ, 1941 год. [22]

Но для нацистов эти списки были не просто архивом. Это были ордера на «лечение» общества. Эти инструкции и теологические заключения, написанные сухим академическим языком, имели вполне конкретное физическое воплощение. Пока Кюннет рассуждал о «духовной опасности» в удобном кабинете, а гестапо систематизировало картотеки, на другом конце этой бюрократической цепи находились живые люди. Одним из таких «номеров в списке» стала 12-летняя девочка из Эльзаса.

Глава 15. История Симоны Арнольд.

Девочка под номером один

История Симоны Арнольд представляет собой неотвратимое осуждение и разоблачение «апологетической системе». Она родилась в семье Свидетелей Иеговы в Эльзасе. Для нацистской «социальной гигиены», чьи принципы были сформулированы с помощью церковных экспертов, Симона была не ребенком. Она была «носителем инфекции».

В 1941 году система поставила ей диагноз: «неисправима». Ее преступление? В школе она отказалась произнести: «Хайль Гитлер!», заявив, что спасение (Heil) исходит только от Бога. Для педагогов и пасторов, лояльных режиму, это был симптом тяжелого психического расстройства — отсутствия патриотизма и подчинения режиму.

Государство решило «спасти» ребенка от родителей. Гестапо, руководствуясь списками «опасных сект» (тем самым наследием Апологетического центра), арестовало отца и мать Симоны. Отца, Адольфа Арнольда, отправили в Дахау. Там он носил «лиловый треугольник» — знак низшей касты, тех самых «сектантов», которых церковные иерархи призывали изолировать.

Когда дети Свидетелей Иеговы отказывались подчиняться нацистским нормам, вступать в Гитлерюгенд или Союз немецких девушек, их изымали из-под родительской опеки. Более 500 таких несовершеннолетних детей Свидетелей Иеговы в нацистской Германии были принудительно разлучены со своими родителями после официального судебного разбирательства. Нацистские суды считали, что родители-«сектанты» «подвергали опасности благополучие своих детей».

Из судебного разбирательства о лишении родительских прав еще одной семьи — Шмидт:

«Лишение родительских прав опеки осуществляется в соответствии с параграфом 1166, пунктом 1 BGB [Гражданского кодекса нацистской Германии]. Родители были лишены законной опеки над своими двумя детьми. Поскольку отец утратил право представлять своих детей во всех личных делах, вопрос опеки над детьми будет решаться соответствующим образом. Отдел по делам несовершеннолетних округа Бриг по собственному желанию станет опекуном детей. Судебные издержки, а также все другие расходы, будут покрыты родителями».

Причины

Родители двоих детей являются последователями Международного общества исследователей Библии (IBV). За свою деятельность в нелегальном IBV отец был осуждён Особым судом во Бреслау 17 сентября 1935 года (Sg.10a K Ms. 74/35) и приговорён к штрафу в размере 200 рейхсмарок или 20 дням тюремного заключения. Приговор был отменён 23 апреля 1936 года в связи с амнистией. Кроме того, отец был приговорён тем же судом к двум годам тюремного заключения 6 января 1937 года (2.Sg.10 Ms. 595/36) в соответствии с указом президента Рейха от 28 февраля 1933 года. В настоящее время он отбывает это наказание, срок которого продлится до 9 октября 1938 года.

Мать, по ее собственному признанию, не является членом IBV, хотя и придерживается взглядов Свидетелей Иеговы...». [68]

Суд постановил, что родители Свидетели Иеговы подвергали опасности благополучие своих детей, воспитывали детей в предательском духе, не подчиняясь нормам нацистской образовательной системы и общества. В этом, как и во многих других, случае главной причиной решения суда было «сектантство». Родителей двоих детей лишают родительских прав, так как они являются последователями Международного общества исследователей Библии (IBV). Вера приравнивалась к преступлению. За свою деятельность в нелегальном IBV отец был осужден Особым судом и приговорен к

тюремному заключению. Суд решил, что детей необходимо изъять из текущей среды и поместить в подходящую приемную семью, чтобы вернуть их в немецкое национальное сообщество.

Из воспоминаний Симоны Арнольд:

«Я росла в доме, который был наполнен любовью. Родители читали мне Библию. В нашей жизни были музыка, рисование, вязание и вкусная еда. Я любила свою собаку и игры на свежем воздухе. Рядом с нашим домом был сад. Мне нравилось гулять пешком и кататься на велосипеде, вокруг было очень красиво. В 1936 году я начала ходить в государственную школу, изучать французский и немецкий язык. ... Немцы оккупировали наш регион в 1940 году. Год спустя меня исключили из школы за отказ произнести слова «Хайль Гитлер» и допрашивали в гестапо. Когда мне было 12 лет, суд постановил, что меня нужно забрать из семьи. По словам нацистов, учение свидетелей Иеговы наносило мне вред». [69]

Симона сообщила, что ее забрали у родителей, чтобы исправить ее, поскольку ее родители якобы воспитывали ее в «сектантских принципах», что привело к конфликту с гражданскими обязанностями и «декадентскому характеру». Суд также заявил, что она представляет опасность для своих сверстников:

«Приложение С.1

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО СУДОМ В МЮЛЛЕНХУЗЕ, 25 МАРТА 1943 Г.

Мари-Симон воспитывалась родителями. Она хорошо развита физически и умственно. По словам ее матери, она всегда получала хорошие отзывы в школе.

Мари-Симон производит хорошее впечатление. Она тихая и хорошая девочка, которую все любят. Однако ее политическое и идеологическое воспитание оставляет желать лучшего. Весной ее пришлось исключить из школы за отказ приветствовать немецким

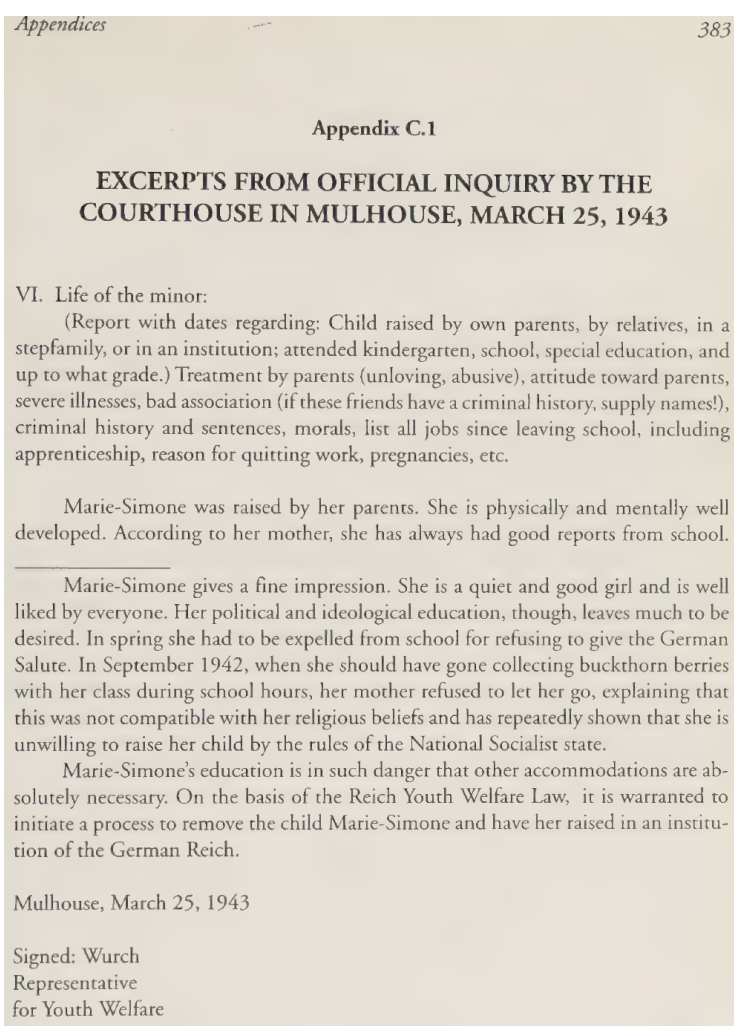
салютом. В сентябре 1942 года, когда она должна была пойти со своим классом собирать облепиху в школьное время, ее мать отказалась отпустить ее, объяснив, что это несовместимо с ее религиозными убеждениями, и неоднократно демонстрировала, что не желает воспитывать своего ребенка по правилам национал-социалистического государства.

Образование Мари-Симоны находится под такой угрозой, что абсолютно необходимы другие меры. На основании Закона Рейха о защите молодежи оправдано начать процесс по изъятию ребенка Мари-Симоны и ее воспитанию в учреждении Германского Рейха.

Мюлуз, 25 марта 1943 г.

Подпись: Вурх

Представитель по защите молодежи»

Выдержки из расследования о лишении родительских прав, опубликованный в книге «Facing the Lion. Memoirs of a Young Girl. Simone Arnold Liebster»

По какой причине суд изъял ребенка из семьи Арнольдов? Официальной претензией было так называемое «сектантство» родителей, хотя истинная причина была в том, что они не хотели воспитывать свою дочь в духе нацизма, отказывались растить новое поколение нацистов.

Из документа, приложенных к книге Симон:

«РЕШЕНИЕ НИЖЕСТОЯЩЕГО ОКРУЖНОГО СУДА

2 июня 1943 г.

... будет **временно передана на воспитание** в приемную семью в соответствии с параграфом 67 Закона о социальном обеспечении Рейха.

Причина:

Двенадцатилетняя девочка была воспитана родителями в духе учений «Международных исследователей Библии» и соответственно приняла их идеологию. Отец находится под стражей из-за незаконной деятельности.

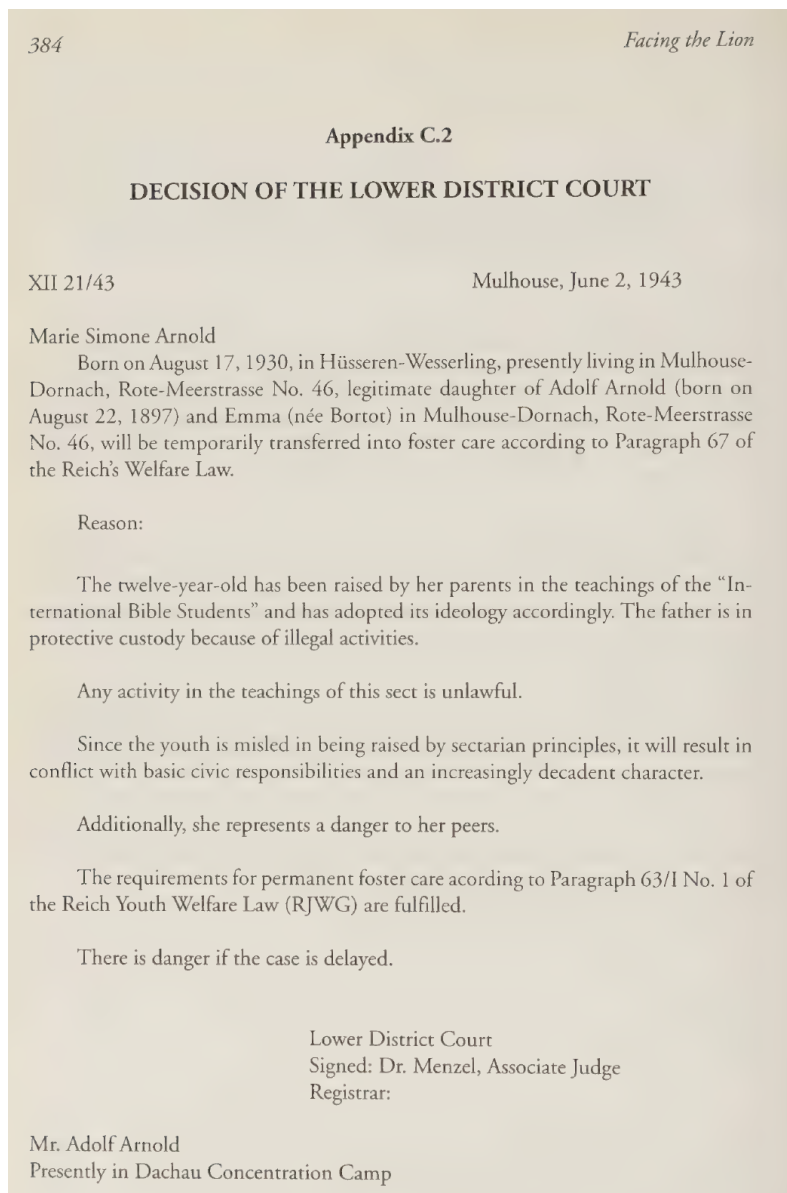
Любая деятельность в рамках учений этой **секты** является незаконной.

Поскольку **подросток введен в заблуждение**, воспитываясь в соответствии с **принципами секты**, это приведет к конфликту с основными гражданскими обязанностями и все большему упадку характера.

Кроме того, **она представляет опасность для своих сверстников**. Требования для постоянного попечительства в соответствии с параграфом 63/1 № 1 Закона Рейха о социальном обеспечении молодежи (RJWG) выполнены.

Существует опасность, если дело будет отложено.

Нижний окружной суд»

*Документ из суда о лишении родительских прав, опубликованный в книге
«Facing the Lion. Memoirs of a Young Girl. Simone Arnold Liebster»*

Нацистские чиновники переписали закон, чтобы иметь возможность отнимать у родителей детей Свидетелей Иеговы, не выполнявших школьные предписания. Этих украденных детей затем помещали в нацистские приемные семьи или отправляли в исправительные школы для перевоспитания. Саму Симону отправили в исправительную школу Вессенберг в Констанце в Германии. Это был не

приют, а карантинный барак строгого режима. Ей запретили говорить, отобрали имя, заменив на другое, присвоили номер и принуждали к каторжному труду.

Из воспоминаний Симон о днях, проведенных в исправительной школе с девочками в возрасте от 6 до 14 лет:

«Резкие приказы, суровые требования и угрожающие намёки ... нам приходилось жить с доносами и наказаниями — молча. ... даже несколько минут игры находились под строгим контролем. Не было времени на чтение. Никаких книг, кроме школьных, не было; не было ни рисования, ни каких-либо хобби. Тишина, сон и работа — тяжёлая работа — превращали нас всех в призраков».

В исправительной школе Симона описывает частые телесные наказания: «Не проходило дня, чтобы кого-нибудь не наказали». Фрейлейн Ледерле била детей хлыстом по рукам за нарушения, при этом каждый удар означал лишение ужина, — «в глазах многих это было грязное удовлетворение». Существовало и «ещё более страшное наказание» в «розовой комнате», после которого у девочки «глаза едва были видны — только щёлочки с глубокими тёмными кругами». Симона жила в постоянном страхе перед наказанием, так как «надзирателям было так трудно угодить».

Цель была сугубо «терапевтической» в нацистском понимании: сломать ее личность, вытравить «сектантскую заразу» и превратить в «полезного члена народного сообщества».

После ареста отец Симоны был заключён в лагерь Ширмек-Форбрук, открытый «для лиц, чье поведение могло бы нанести ущерб немецкой власти в регионе» и «для обучения непокорных элементов в Эльзасе правильному отношению к труду и политическому строю Германского Рейха». Когда «сектант» попадал в концентрационный лагерь, то нацистский режим предлагал ему подписать бумажку, и тот мог быть свободным. В документе уже государство, а не теолог частной практики обвинял узников в «сектантстве». Свидетели Иеговы отказывались.

«Декларация, предложенная Свидетелям Иеговы, находящимся в тюрьмах и лагерях

Настоящим заявляю следующее:

*1. **Я узнал, что** Международная ассоциация студентов Библии проповедует ложные учения и **под прикрытием религии преследует враждебные цели против государства.***

*2. Поэтому я полностью покинул эту организацию и освободился от учений этой **секты.***

3. Настоящим я даю заверение, что никогда больше не буду участвовать в деятельности Международной ассоциации студентов Библии. Любых лиц, обращающихся ко мне с учением студентов Библии или каким-либо образом раскрывающих свою связь с ними, я немедленно буду доносить. Вся литературу студентов Библии, которая будет отправлена на мой адрес, я немедленно буду сдавать в ближайший полицейский участок.

4. В будущем я буду уважать законы государства, особенно в случае войны, я буду с оружием в руках защищать отечество и всячески поддерживать сообщество народа.

5. Мне сообщили, что я буду немедленно вновь взят под защитную стражу, если я поступлю вопреки данному сегодня заявлению».

DECLARATION OFFERED TO JEHOVAH'S WITNESS PRISONERS AND CAMP INMATES

Concentration camp

Department II

DECLARATION

I, the

born on

in

herewith make the following declaration:

1. I have come to know that the International Bible Students Association is proclaiming erroneous teachings and under the cloak of religion follows hostile purposes against the State.

2. I therefore left the organization entirely and made myself absolutely free from the teachings of this sect.

3. I herewith give assurance that I will never again take any part in the activity of the International Bible Students Association. Any persons approaching me with the teaching of the Bible Students, or who in any manner reveal their connections with them, I will denounce immediately. All literature from the Bible Students that should be sent to my address I will at once deliver to the nearest police station.

4. I will in the future esteem the laws of the State, especially in the event of war will I, with weapon in hand, defend the fatherland, and join in every way the community of the people.

5. I have been informed that I will at once be taken again into protective custody if I should act against the declaration given today.

....., DatedSignature

Декларация, которую предлагали подписывать Свидетелям Иеговы, обвиняя их в «сектантстве». Документ опубликован в книге «Facing the Lion. Memoirs of a Young Girl. Simone Arnold Liebster»

Два узника Дахау: Контраст судеб

Здесь история Симоны пересекается с историей католического прелата **Иоганна Нойхойзлера**. Оба пострадали от нацизма, но бездна между ними была огромной. Нойхойзлер, попавший в Дахау как «особый узник» (Sonderhäftling), имел привилегии: он мог носить свою одежду, получать посылки, не работал на каменоломнях. Церковь, хоть и преследуемая, оставалась институтом, с которым режим считался. Адольф Арнольд, отец Симоны, и тысячи таких же людей названных «сектантами» были лишены всего. Их веру считали не религией, а опасной социальной патологией. Ирония в том, что инструменты для этой дискриминации — аргументы о том, что «секты разрушают

государство» — были заточены такими теологами, как Кюннет, чьи труды лежали на столах следователей гестапо.

Симона выжила. Она не сломалась. Она вышла из «исправительного дома» в 1945 году, сохранив свою веру и совесть. Но ее здоровье, ее детство было украдено теми, кто считал себя «защитниками духовного здоровья нации».

Ее судьба — это вечный укор тем, кто сегодня, подобно Хааку или Дворкину, говорит о необходимости «защиты детей от культов» путем разрушения семей. Симона Арнольд на собственном теле узнала, что происходит, когда государство берет на себя роль «психиатра», а церковь — роль наводчика. Для них она была ошибкой системы, которую нужно исправить. Для истории она стала свидетелем обвинения, чей тихий голос перекрывает громкие оправдания профессоров теологии. Отказ от ненависти стал её личным подвигом. Вопреки обстоятельствам, ребенок нашел силы сберечь человеческий облик, веру в Бога и людей.

В конце войны, после долгих страданий, Симона и её родители воссоединились. Французская полиция передала матери Симоны список людей, выдавших их нацистам. В списке значились два религиозных лидера христианской общины и многие соседи семьи. [70]

Трагедия семьи Арнольд была не эксцессом исполнителя, а системным следствием. Судьба Симоны и её отца показала эффективность методики: выявление — стигматизация — изоляция. Но нацистскому режиму этого было мало. Им нужна была тотальность. Особенно их интересовал контроль через сильнейший инструмент, доступный им, — через страх. Опыт, полученный в борьбе с «сектами», требовалось масштабировать и превратить в систему. Чтобы перенести этот террор с сотен «сектантов» на миллионы «расовых врагов», под крышей одной организации были объединены полиция, СС и аналитические службы. Имя этой структуре было РСХА.

Глава 16. РСХА: Инкубатор окончательного решения

Точкой невозврата стало 27 сентября 1939 года. Создание Главного управления имперской безопасности (РСХА) ознаменовало слияние партийного фанатизма СД (нацистской разведки) и исполнительной мощи государственной полиции. Именно в коридорах этого ведомства, состоящего официально из семи Управлений, преследование инакомыслящих превратилось из политической кампании в индустрию смерти.

Структура IV Управления (гестапо) демонстрирует пугающую систематизацию зла. Отдел **IV В 2**, отвечавший за «политический протестантизм и секты», работал бок о бок с печально известным отделом **IV В 4** («еврейские дела»), который возглавлял Адольф Эйхман. Это соседство не было случайным. Гестапо унаследовало и усовершенствовало методологию церковного «Апологетического центра» Вальтера Кюннета. То, что теологи годами называли «духовной опасностью», полицейский аппарат переквалифицировал в «биологическую угрозу». Архивы, досье и риторика демонизации «чужаков», разработанные церковными апологетами, стали фундаментом для полицейских операций.

С началом войны против СССР эта практика была масштабирована до уровня геноцида. В директиве от 2 июля 1941 года Рейнхард Гейдрих дает айнзатцгруппам циничные инструкции. На оккупированных территориях он прагматично допускает временное «поощрение сект» — но исключительно как инструмент для атомизации общества. Однако для внутренней политики и «расовой чистоты» подход оставался бескомпромиссным.

Именно на «сектантах» и других малых группах нацисты отработали алгоритм дегуманизации, который затем применили к евреям. Церковный нарратив, клеймивший иудаизм как опасную «анти-

христианскую секту», идеально лег в основу расовой теории. Схема переключения была простой: с евреев сняли статус религиозной общины и перевели их в категорию «паразитов народного тела» (*Volksschädlinge*) — ту же самую, в которой уже находились Свидетели Иеговы и другие так называемые диссиденты.

К концу 1941 года айнзатцгруппы, используя этот идеологический карт-бланш, уничтожили более миллиона человек. «Холокост от пуль» не был спонтанным эксцессом исполнителей. Это был закономерный результат работы бюрократического аппарата РСХА, который научился «защищать народ» путем физического истребления всего, что не укладывалось в нацистский стандарт. Опыт борьбы с «сектами» стал тем полигоном, на котором СС оттачивали методы «Окончательного решения».

Эпилог к документам: почему диктатура боится «инакомыслящих»?

История XX века доказывает аксиому: первым врагом любого тоталитарного режима неизменно становится так называемое «сектантство». [71] Государство объявляет малые религиозные группы преступными сообществами, раскручивает маховик пропаганды для их дегуманизации, а затем переходит к физическому уничтожению.

Почему грозная военная мощь Рейха, покорившая Европу, видела смертельную угрозу в горстке людей, читающих Библию?

Конкуренция за умы

Ответ кроется в самой природе диктатуры. Нацистская Германия строилась на принципе Gleichschaltung («Гляйхшальтунг») — тотальной унификации. Этот термин означал «подключение» каждого немца к единой системе: одна партия, одна идеология, одна воля Вождя. В этой системе координат не было места понятию «частная жизнь» и «личное мнение». Человек должен был принадлежать государству целиком — от мыслей до рефлексов.

В демократическом правовом государстве такой проблемы не существует. Закон судит человека за *действия*, а не за убеждения. Пока гражданин не нарушает Уголовный кодекс, его вера — его личное дело. Демократия устойчива именно благодаря разнообразию.

Для тоталитарной системы разнообразие смертельно. «Секта» (в терминологии СД) была опасна не своими действиями, а самим фактом своего существования. Это альтернативный центр лояльности. Когда Гейдрих и Гиммлер требовали тотального подчинения, они натолкнулись на людей, которые говорили: «Есть закон выше, чем закон Фюрера».

Диктатор требует: «Убей врага». Верующий отвечает: «Не убий».

Диктатор требует: «Клянись в верности мне». Верующий отвечает: «Я клянусь только Богу».

Диктатор требует: «Отдай мне своих детей в Гитлерюгенд». Верующий отвечает: «Мои дети воспитываются в вере и человеколюбии».

Маховик РСХА. Бюрократия террора

Идеологический страх верхушки СС перед «инакомыслием» был переведен на язык сухих канцелярских инструкций. Окончательно этот процесс завершился 27 сентября 1939 года, когда партийная разведка (СД) и государственная полиция (гестапо) слились в единого монстра — Главное управление имперской безопасности (РСХА).

В «Плане распределения обязанностей» РСХА религиозные диссиденты были официально вписаны в реестр врагов Рейха. Бюрократическая педантичность нацистов здесь особенно показательна: в соседних кабинетах одного и того же Управления IV (гестапо) разрабатывались планы уничтожения разных групп.

- Отдел **IV B** занимался «еврейским вопросом» и «сектами».

- Именно здесь, в недрах IV управления, фамилии верующих оказывались в тех же расстрельных списках, что и жертвы Холокоста.

В этой тоталитарной концепции контроля, по мнению нацистских идеологов, всесторонняя диагностика была необходимым условием для выполнения заявленной миссии СС: защиты немецкого народа и его «лечения» посредством селективного разведения. Этой же задачей занималась и СД Гейдриха. Эта система словно описывала инакомыслящих как «симптомы болезни» на теле германской нации. Соответственно, СС и СД должны были действовать как иммунная система, которая «выявляет и всеми средствами уничтожает очаги разложения». Борьба с сектами, таким образом, подавалась не как репрессия, а как «оздоровительная процедура» для нации. [72]

Если бы нацисты допустили существование таких групп, рухнул бы сам миф о всемогуществе государства. Если одному позволено сказать «нет» на основании совести, завтра «нет» скажет другой, а послезавтра система, основанная на слепом подчинении, рассыплется. Для режима это было не «сбродом и шатанием» и не просто инакомыслием, а системным сбоем, недопустимой ошибкой в коде «Народного сообщества» (Volksgemeinschaft). [73]

Смерть Закона

Чтобы система истребления работала безупречно, нацистам пришлось демонтировать фундамент правосудия.

В демократическом обществе действует принцип *Nulla poena sine lege* — «нет наказания без закона». Человека нельзя судить за то, что прямо не запрещено кодексом. Нацистские юристы уничтожили этот принцип, заменив его размытым понятием «здорового народного чувства».

Судебная система капитулировала. Введение «защитного ареста» (*Schutzhaft*) позволило гестапо отправлять людей в концлагеря

бессрочно, без суда и следствия, просто на основании «профилактики», а не на основе действия. Верующих объявляли «чуждыми обществу элементами» (*Gemeinschaftsfremde*). Эта юридическая формулировка ставила знак равенства между уголовниками, душевнобольными, «асоциальными элементами» и членами религиозных меньшинств.

Психология палачей строилась на чудовищной подмене понятий: они искренне верили, что лечат страну, убивая её граждан. В извращенной логике национал-социализма массовые репрессии воспринимались не как преступление, а как необходимая медицинская процедура — очищение во имя здорового тела нации. Нацисты видели в инакомыслящих не оппонентов, а опасный вирус, угрожающий «народному телу» (*Volkskörper*). Концлагерь в их глазах был не тюрьмой, а карантинным бараком, а казнь — санитарной мерой социальной гигиены.

Именно поэтому в документах СД мы видим термин *restlose Vernichtung* («полное уничтожение»). Нацистский террор, концлагеря и газовые камеры были попыткой радикальной «терапии» — стремлением хирургическим путем лишить общество самой способности иметь собственное мнение. Уничтожая «секты», режим пытался уничтожить свободу воли как таковую.

Документы СД, которые мы видим, — это не просто исторические артефакты. Это свидетельство того, как государство, одержимое идеей тотального контроля, сначала лишает человека права на совесть, затем объявляет его «биологически» или «социально» неполноценным, и, наконец, создает систему для его *restlose Vernichtung* — «полного уничтожения».

История сектора **II 113** (гестапо) и его наследников в РСХА учит нас: когда государство начинает бороться с «сектами», оно всегда заканчивает борьбой с самим Человеком.

Подготовка. Списки и «Акция Гесса»

Логика уничтожения всегда начиналась с лингвистики. Прежде чем отправить людей в лагеря, нацистскому режиму требовалось создать их образ как «не-людей». В архивах СД хранятся «проскрипционные списки» (Fahndungslisten), где напротив названий организаций стоят пометки, предопределяющие их судьбу.

Анализ прессы тех лет вскрывает скоординированную медийную кампанию. Газеты, подконтрольные ведомству Геббельса, не просто критиковали — они создавали словарь ненависти. В отношении религиозных меньшинств использовался тот же лексический набор, что и для «расовых врагов»: *Volksschädlinge* («вредители народа»), «паразиты», «язва», «интриганы». Метафора «ядовитого гриба», изначально разработанная для антисемитской пропаганды, была успешно адаптирована для травли инакомыслящих.

Понятие «секта» в трактовке РСХА было резиновым. В «черные списки» попадали не только религиозные общины, но и светские организации, посмевшие сохранить автономию: медицинские союзы, спортивные клубы, научные кружки и группы эсперантистов. Любое объединение, имевшее иные авторитеты, кроме Фюрера, маркировалось как «очаг разложения». Кульминацией этой охоты стал документ, известный в материалах Нюрнбергского процесса как **D-59**.

Поводом послужил перелет Рудольфа Гесса в Британию в мае 1941 года. Гитлер, желая снять с себя ответственность за поступок заместителя, обвинил в случившемся влияние «окультистов и звездочетов». Это дало Гейдриху карт-бланш на тотальную зачистку.
[74]

Глава 17. 1942: Апогей ужаса

20 января 1942 года на вилле Марлир в Берлине проходит Ванзейская конференция. Председательствует Рейнхард Гейдрих — тот самый человек, который подписывал приказы о борьбе с сектами. Здесь

принимается **«Окончательное решение еврейского вопроса»**. План массового, промышленного уничтожения миллионов людей. Геноцид был формализован.

Для реализации этого плана Гейдрих, известный как главный организатор Холокоста, создал и использовал айнзацгруппы — эскадроны смерти, офицеры которых методично расстреливали людей на оккупированных территориях. Многие командиры этих групп были образованными людьми, юристами и докторами наук, воспитанными на проповедях о «защите немецкого духа».

Но даже когда индустрия смерти заработала на полную мощность, находились те, кто требовал *большего*. 11 сентября 1942 года баварский пастор Фридрих Ауэр, чьи взгляды были эхом идей Кюннета, публично призвал к новой «Варфоломеевской ночи»*. Его слова леденили кровь:

«Ни один не должен быть пощажен».

*«Варфоломеевская ночь» — это массовая резня католиками французских протестантов (гугенотов) в Париже, начавшаяся в ночь на 24 августа 1572 года, в день святого Варфоломея.

Это было уже не оправдание, а прямое подстрекательство. Идеологи ненависти стали дирижерами оркестра смерти. Их фанатизм питал и оправдывал преступления даже тогда, когда дым крематориев уже застилал небо Европы. Это не просто риторика — это подстрекательство к еще более массовому убийству, брошенное в лицо уже пылающему миру.

Идеологи ненависти не просто создали почву для геноцида, не просто дали ему толчок — они продолжали подталкивать режим к еще большей жестокости, к еще более радикальным решениям, даже после того, как индустрия истребления была запущена на полную мощность. Их фанатизм питал, прикрывал и оправдывал самые бесчеловечные преступления, показав, как далеко может зайти идеологическая одержимость, когда она обретает государственную власть и поддержку. История показала, что данное слияние антикультовой идеологии и

политической воли оставляет за собой пепел и тень страданий миллионов невинных жертв.

Сердцем этого смертоносного симбиоза стала идеологическая синхронизация. Апологетический центр совершил зловещую подмену понятий. Он перевел «еврейский вопрос» из сферы религии и антииудаизма в плоскость **биологического расизма**, прикрытого теологией.

Концепция Fremdkörper (чужеродного тела) стала интеллектуальным псевдомедицинским оружием. Если евреи и сектанты — это не люди, а «опухоль», то их нужно не переубеждать, а вырезать. Идеологи ненависти, начавшие с книг и проповедей, теперь не просто соучастники — они, вдохновители и подстрекатели ненависти, стратеги массового террора, жрецы культа истребления. Их слова, списки, доклады стали основой для системы геноцида, которая уничтожила миллионы жизней.

Теология Лютера о «двух царствах» была извращена, превратившись в лицензию на убийство. Курт Хуттен (Kurt Hutten), еще один деятель сектоборческой сети времен нацистов, в 1937 году продолжил дело Кюннета и довел эту логику до абсолюта, введя паразитологический термин «народ-хозяин». Гигиеническая метафора прошла путь от «оздоровления» до «искоренения». [75]

Институциональная синхронизация превратила теорию в практику. Апологетический центр стал неформальным консультативным органом для карательной системы Третьего рейха. Как следует из отчёта Кюннета от 16 декабря 1933 года, сотрудничество было прямым и целенаправленным. Архивы центра, содержащие досье на «враждебные» группы, стали инструментом в руках гестапо. Теологические заключения ложились в основу полицейских мер: арестов, запретов и преследований. Одновременно был «установлен контакт с Министерством пропаганды», что позволило снабжать ведомство Геббельса псевдонаучными и псевдотеологическими формулировками, придавая антисемитской кампании

респектабельность в глазах образованной, консервативно-христианской части общества.

Апологеты Кюннета не просто стояли в стороне. Они вручили режиму не примитивную дубину, а отточенный инструмент. Они помогли преодолеть моральный барьер между выселением и газовой камерой, дав научное обоснование преследованиям.

И здесь, глядя на судьбу самого Кюннета — чьи архивы и картотеки гестапо в итоге забрало себе, чтобы использовать против него же, — вспоминается циничная максима кардинала Ришелье, ставшая негласным девизом любой тайной полиции:

«Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них то, за что его можно повесить».

Кюннет всю жизнь искал эти «шесть строчек» у других, составляя досье на инакомыслящих. Он не понял главного правила тоталитарной игры, в которую играл: в этой системе каждый человек имеет право на ордер. Даже тот, кто всю жизнь выписывал эти ордера на других. Нацисты буднично применили к Кюннету его же метод: нашли в его текстах то, что позволило объявить его ненужным, и поглотили его детище.

В конечном счете, немцы не изобрели ничего нового из того, что церковь и государство использовали веками. Но в лице сектоборческого центра появился страшный катализатор, который довел до абсурда старые методы борьбы с инакомыслием и привел целые нации к непоправимой трагедии.

Ванзейский протокол: от борьбы с ересью к индустрии смерти

Логическим завершением эволюции нетерпимости стала встреча на вилле Марлир 20 января 1942 года, вошедшая в историю как Ванзейская конференция. Именно здесь Рейнхард Гейдрих представил гражданским министерствам план логистики для «окончательного решения». В сухих цифрах протокола, который вел Адольф Эйхман, значилась цель — 11 миллионов евреев в 32 странах Европы.

Но как система дошла до этой точки?

Холокост не родился в одночасье как готовый «большой план». Это был процесс **кумулятивной радикализации**. IV Управление РСХА эволюционировало от точечных репрессий 1937–1938 годов к глобальному геноциду, накапливая опыт рутинного насилия.

Ванзейский протокол де-факто закрепил применение «сектантских» методик к целому народу. Евреи, которых церковная догматика веками клеймила как опасное религиозное меньшинство, в оптике гестапо идеально вписались в эту матрицу. Система выявления, изоляции и депортации, отшлифованная в борьбе с малыми группами, теперь работала на полную мощность.

Особую роль в этом сыграл «полезный идиот» режима — церковный апологет Вальтер Кюннет. Его идеи о «библейской строгости» и необходимости защиты от «иностранных влияний» дали нацистам моральное алиби. Архивы Апологетического центра, годами собиравшие досье на «еретиков», легли на столы следователей гестапо как готовые репрессивные списки.

Заккрытие Центра Кюннета гестаповцами в конце 1937 года стало величайшей исторической подменой. После войны этот факт подавался как доказательство его «сопротивления» режиму. В реальности же это был конфликт ведомств, а не столкновение идей: СС просто устранило конкурента, дублирующий его разведывательную деятельность, чтобы монополизировать право на насилие. Критика Кюннета неоязычника Розенберга не отменяла главного — они оба работали на одну цель очищения нации и оба боролись за влияние в иерархии режима.

Нацисты не уничтожили наработки Кюннета — они их присвоили и адаптировали к своим нуждам. Эти материалы подталкивали офицеров СС к еще большей радикализации. Инструментарий религиозной нетерпимости, созданный и фундаментально обоснованный теологами для борьбы с «сектами», стал смертоносным элементом системы истребления. Антисемитизм был успешно замаскирован под «антикультизм», позволив 95% христианского населения Германии

закрыть глаза на происходящее: ведь власть просто «наводила порядок», борясь с вредными элементами.

Так церковная борьба за чистоту веры стала прологом к государственному убийству миллионов.

Однако закрытие одного центра в Шпандау не означало конец этого альянса креста и свастики. Напротив, после того как СС «национализировало» методички Кюннета, методология подавления ненавистью вышла на новый, государственный уровень. Чтобы увидеть истинный масштаб этой катастрофы, нам нужно перенестись из кабинетов Кюннета в престижные аудитории немецких университетов.

Именно здесь нам помогает разобраться Хорст Юнгингер — профессор религиоведения, который провел безжалостную ревизию академического прошлого.

В отличие от многих коллег, пытавшихся представить ученых «жертвами режима», Юнгингер в своих работах (например, *«The Study of Religion under the Impact of Fascism»*) доказывает обратное: академическое сообщество не было жертвой, оно было активным соучастником, обеспечивая власть идеологическим топливом. Он поднял архивы Тюбингенского университета и на фактах показал, как кафедра теологии стала центром подготовки для СС.

Если Кюннет был, по сути, стартапером, чью идею присвоила корпорация (СС), то Юнгингер описывает работу «заводов-гигантов» — старейших университетов Германии. Он обнажил схему того, как уважаемая наука превратилась в служанку геноцида.

Глава 18. Недооцененная роль сектоборчества и антикультового движения в тоталитарных режимах

История Третьего рейха — это история не только о политическом экстремизме и военных преступлениях, но и о тщательно сконструированной идеологии, которая сделала эти зверства возможными. В то время как мир справедливо фокусируется на расовой ненависти нацизма как на основной движущей силе Холокоста, в тени остается другой, не менее важный элемент: системное подавление религиозных и мировоззренческих меньшинств, разнообразие мнений, организованное и идеологически подкрепленное структурами, которые сегодня общественность и специалисты называют антикультовыми организациями.

Антикультовое движение или антикультизм (сектоборчество) — это обобщающее название объединений, групп и отдельных лиц, связанных с этим движением, которые выступают против новейших религиозных движений, а также других политических и светских организаций и индивидуумов, занимая «вечную» оппозицию по отношению к ним.

Антикультовый центр, используя укорененные в глубинах немецкой религиозной истории триггеры, стал не просто побочным продуктом нацистского режима, а его идеологическим фундаментом и практическим инструментом. Он предоставил псевдонаучное и теологическое обоснование для преследования «инакомыслящих», создал методологию их выявления и каталогизации, и, в конечном счете, наладил поток, по которому «враги нации» — от евреев до Свидетелей Иеговы — отправлялись из списков «опасных сект» в концентрационные лагеря.

Сформировался симбиоз, который соединил многовековую религиозную нетерпимость с нацистским бюрократическим аппаратом истребления. Идеи теолога XVI века стали оправданием для газовых камер XX века, а небольшой центр внутри церкви превратился в поставщика «экспертных заключений» для тайной полиции, для которой ненависть к «сектам» и «культам» стала репетицией геноцида. При изучении этих архивов ненависти приходит понимание, что за

каждым исполнителем всегда стоит идеолог, который создает язык и логику для оправдания невыносимой, бесчеловечной жестокости.

Казалось бы, после падения режима этот идеолог должен был разделить скамью подсудимых со своими последователями. Но история любит злые парадоксы. То самое «поглощение» Центра гестаповцами, которое в 1937 году выглядело как крах карьеры Кюннета, спустя восемь лет обернулось его самым надежным щитом.

Глава 19. Алиби на руинах: Рождение нового мифа

Когда в мае 1945 года Третий рейх рухнул, миллионы немцев начали лихорадочно искать оправдания. Вчерашние партийные функционеры сжигали билеты, офицеры вспоминали, как «в душе были против», а бюрократы ссылались на приказы. Вальтеру Кюннету ничего сжигать было не нужно. Гестапо сделало всю работу за него еще в 1937 году.

Индальгенция от Гестапо

Тот факт, что тайная полиция закрыла Аполлогетический центр, стал для Кюннета подарком судьбы, значение которого он оценил только после войны. В новой, денацифицированной Германии этот эпизод превратился в его «золотой билет».

— Вы сотрудничали с нацистами? — могли спросить его.

— Помилуйте, — отвечал Кюннет фактами, — я был гоним! Мой институт разгромили подручные Гейдриха, мои книги конфисковали, мне запретили выступать публично!

Это была правда. Но не вся правда.

Кюннет умело сместил акценты. Он не упоминал, что его закрыли не как идейного врага (как Дитриха Бонхёффера), а как ненужного

конкурента. Он молчал о том, что его картотеки легли в основу репрессивного аппарата РСХА. Он предъявлял миру только финал истории — свое увольнение. И мир поверил. [76]

Цена выживания

Контраст с судьбами реальных сопротивленцев был разительным. Пока епископ Нойхойзлер умирал и воскресал в бараках Дахау, пока пастор Дитрих Бонхёффер шел на эшафот во Флоссенбюрге, Вальтер Кюннет спокойно жил в Баварии. Да, он был «ограничен в правах» — ему запретили преподавать и выступать с лекциями. Но он был жив. Он был свободен. Он был в комфорте. Он получал защиту и поддержку от церкви.

Для нацистов он был «своим, но зарвавшимся», которого нужно было просто отодвинуть от кормушки, а не уничтожить.

Триумфальное возвращение

Эта стратегия «жертвы режима» сработала блестяще. После войны Кюннет не просто вернулся в лоно церкви, он взлетел по карьерной лестнице. Он стал профессором систематического богословия в Эрлангене, уважаемым авторитетом, кавалером Баварского ордена «За заслуги». Его методы борьбы с инакомыслием, разработанные в 30-е годы, не были осуждены. Напротив, они получили негласную легитимацию. Ведь если их автор — «жертва нацизма», значит, и его методы чисты?

История закрытия Апологетического центра учит нас страшной истине: иногда, чтобы выйти сухим из воды, достаточно просто вовремя стать ненужным тирану. Кюннет не победил дракона. Дракон просто отрыгнул его, посчитав невкусным. Но Кюннет записал это как победу в своем резюме и передал свой опыт преемникам.

Великая подмена: Спор о «Мифе» как индульгенция

Самым весомым козырем в послевоенной колоде Вальтера Кюннета была его полемика с Альфредом Розенбергом. Розенберг, «главный философ» НСДАП, а не реальный идеолог партии, как его подавали современники, в своем монументальном труде «Миф XX века» провозглашал новую веру: отказ от христианства (как религии слабых и «еврейского изобретения») и возвращение к нордическим богам, культу крови и почвы.

Кюннет, как ортодоксальный лютеран, не мог этого стерпеть, потому что мог потерять свое влияние. Он написал ответ — книгу «*Ответ на миф*» (*Antwort auf den Mythos*, 1935). После войны он преподносил эту книгу как акт невероятного гражданского мужества.

— Смотрите! — говорил он. — Я открыто атаковал главного идеолога Гитлера!

И это звучало убедительно в то время. Но это было в сути неверно. Дьявол, как всегда, крылся в деталях, которые Кюннет предпочел не афишировать. Розенберг не был идеологом нацистской партии. Послевоенные исследования доказывают, что его можно считать максимум «философом» нацистского режима. Поэтому никакой реальной борьбы Кюннета с идеологами нацистской партии не было. Розенберга критиковали даже Гитлер с Геббельсом. [77, 78]

Спор о форме, а не о сути

Манипуляция Кюннета заключалась в том, что он критиковал Розенберга **не за нацизм, а за ересь** с его точки зрения. Кюннет не выступал против диктатуры, против уничтожения политических свобод или против преследования евреев. В этих вопросах он был либо солидарен с режимом, либо молчал. Его возмутило лишь то, что Розенберг пытался заменить Иисуса Христа на Одина.

Это был спор двух строителей, строящих тюрьму. Розенберг предлагал покрасить стены в языческие руны, а Кюннет настаивал на старом добром распятии. То, что в этой тюрьме будут пытаться людей, устраивало обоих. Кюннет боролся не за свободу людей, а за **монополию церкви** на духовное окормление нацистского государства и финансирование от него. Ведь если упразднят церковь, упразднят и государственные дотации на ее содержание. С чего тогда будет кормиться Кюннет?

Согласие в главном

В своей критике Кюннет виртуозно использовал тактику «Да, но...». Он всячески подчеркивал свою лояльность политическому курсу Рейха. В текстах Апологетического центра можно найти пассажи, где он соглашается с «расовым возрождением» народа и необходимостью сильного государства. Он пытался доказать нацистской верхушке: *«Вам не нужен этот странный мистик Розенберг со своими сказками. Настоящая немецкая церковь — вот лучшая опора для фюрера!»*

Кюннет пытался продать нацистам идею, что истинный лютеранин — это и есть лучший национал-социалист. Его трагедия (и его спасение) заключалась в том, что Гитлер выбрал сторону Розенберга и Бормана, которые ненавидели пасторов больше, чем коммунистов.

Как это сработало в 1945-м

Когда союзники вошли в Германию, нюансы теологических споров никого не интересовали. Комиссии по денацификации видели простую картину:

Розенберг — нацистский преступник (казнен в Нюрнберге). Кюннет — автор книги, которая громила Розенберга. Вывод: Враг моего врага — мой друг. Кюннет — антифашист.

Никто не стал вчитываться в тексты и разбираться, что Кюннет ругал нацистского философа не за антисемитизм, а за недостаточное

почтение к догматам Лютера. Этот логический фокус позволил Кюннету не просто избежать скамьи подсудимых, но и сохранить ореол «борца за истину».

По сути, Кюннет совершил идеальное преступление против истории: он использовал свою борьбу за власть внутри тоталитарной системы как доказательство своей борьбы *против* этой системы. Он отбелил свою репутацию, используя тот самый «Миф», с которым якобы боролся.

Глава 20. Послевоенная «моральная амнезия» или Теология амнезии: Операция «Самоочищение»

После капитуляции Рейха перед немецкой церковью открылось окно возможностей для глубокого метафизического покаяния. Однако вместо обнародования правды иерархи выбрали сокрытие, адаптацию и забвение. Инстинкт институционального самосохранения оказался сильнее совести, а человеческая память — слишком короткой.

Автором стратегии отбеливания вновь выступил Вальтер Кюннет. В октябре 1945 года, уже в статусе почетного профессора в Эрлангене, он составляет для земельного епископа Ганса Мейсера, своего покровителя, документ — экспертный доклад, ставший фундаментом «мягкой денацификации» (архив LAELKB, LKR XVII 1758a). Кюннет оправдывает пасторов, которые служили Рейху, создает документ, который вывел их из-под военного трибунала. В этом экспертном заключении Кюннет выводит формулу теологической неподсудности:

«Was 1933 kirchlich erlaubt war, kann 1945 kirchlich nicht verboten sein».

«То, что было дозволено церковью в 1933 году, не может быть запрещено церковью в 1945 году». [79, 80]

Это была блестящая казуистика. Кюннет утверждал, что пасторы вступали в НСДАП, движимые якобы «этически безупречными побуждениями», исполняя свой гражданский долг перед нацией. Членство в преступной организации перекодировалось им в акт патриотизма, а соучастие в режиме — в «представительную борьбу за народ». Он призывал к «ясному, бескомпромиссному выступлению в защиту своих священников-членов партии» не смотря на их преступления. Библия превратилась в адвокатскую папку: цитатами из Писания теперь оправдывали не преследуемых, а преследователей.

Епископ Мейсер, опираясь на этот тезис в докладе Кюннета, выстроил глухую оборону против американцев, планировавшие судить по в всей строгости закона нацистских пасторов и других военных преступников, и пособников режима. В Баварии, где партийный билет НСДАП имели до 25% пасторов, церковь запустила процесс фиктивного «самоочищения». Не состоявший в партии Мейсер в прошлом советовал пасторам оставаться в ней для «защиты». С крахом Рейха ясно обозначил свою позицию: никаких внешних чисток. Он предпочёл внутренние меры — кадровые перестановки вместо суда и покаяния, и тихие отставки и пенсии вместо строгой чистки и признания вины. [81] Для этого Мейсеру и понадобился Кюннет, который написал для Мейсера оправдательный экспертный доклад, который и был использован в качестве щита между военными преступниками и правосудием. Этим же докладом Кюннет прикрыл и себя от союзников и их правосудия. Это позволило реинтегрировать «инфицированное» духовенство обратно в тело церкви, сохранив структуру, но законсервировав гниль.

Что насчет жертв и пострадавших, которые погибли по вине немцев-пасторов, вступивших в НСДАП, служивших режиму и поддерживающих его, подстрекавших и разжигающих ненависть к людям из списков «неугодных» в своих докладах, экспертных заключениях, публичных призывов и заявлениях в СМИ, из-за действий которых страдали и гибли люди? С стороны защитников этих пасторов и апологетов в этом вопросе слышна была тишина, молчание и

сознательное забвение. Ведь по логике защитников пособников нацистского режима, если о жертвах не говорят, то их как бы и нет, а если нет жертв, то нет и преступления; а если нет преступления, то нет и преступника. Вот такой «логикой» полного сознательного игнорирования жертв, в 1945 они выстраивали линию своей защиты.

Самым страшным свидетельством глубины падения стало их молчание о жертвах. Мейсер поручил пасторам заботу о «христианах еврейского происхождения», но эта забота была корпоративной, а не человеческой. Судьба миллионов уничтоженных некрещеных евреев осталась фигурой умолчания. Даже символическое освящение кладбища в Дахау в 1949 году прошло в атмосфере тяжелой недосказанности. Церковная пресса молчала, светская пресса молчала, общество молчало. Молчали и Мейсер, и Кюннет.

Урок истории был проигнорирован: методологию, создававшую врагов, не разобрали — её просто накрыли ветошью и убрали в запасник, назвав это «примирением».

Глава 21. Экспертный доклад: Как палачи стали жертвами

Вальтер Кюннет стал не просто адвокатом нацистского прошлого церкви, он стал инженером новой реальности. Он приложил все силы, чтобы своей версией вытеснить объективную реальность и факты. Его послевоенная стратегия строилась на тотальном переписывании памяти. В этой новой версии истории антисемитизм и сотрудничество с гестапо 1930-х годов исчезли, уступив место образу героического «духовного сопротивления».

В 1947 году Кюннет публикует книгу «Великое отступничество» (*Der große Abfall*). В ней он виртуозно меняет полярность: нацизм теперь подается не как союзник в борьбе за чистоту нации, а как inferнальная, сугубо антихристианская сила. Исследователь

Вольфганг Маасер отмечает этот феномен как «раздвоение личности»: Кюннет до 1945 года, оправдывавший репрессии, и Кюннет послевоенный — это два разных автора, не желающих знать друг друга.

Эта интеллектуальная эквилибристика породила феномен, который историк Хорст Юнгингер (Horst Junginger) называет сознательным конструированием невинности. Суть мифа проста и цинична: раз нацизм был антихристианским, значит, церковь автоматически была в оппозиции. Создается ложная дихотомия, где церковь и евреи ставятся на одну доску как «жертвы режима». Суть открытия Юнгингера проста и страшна. После 1945 года теологи дружно договорились придерживаться одной версии событий: якобы их наука всегда оставалась «чистой», а нацизм был чем-то внешним, навязанным силой. Они утверждали, что были заложниками сумасшедшего диктатора.

Юнгингер доказывает обратное: теология не была жертвой режима — она была его соучастницей. Ученые мужи в рясах не просто терпели нацизм, они добровольно адаптировали свои труды под нужды Рейха. Они сами искали точки соприкосновения креста и свастики. А после краха Гитлера они использовали свои профессорские мантии, чтобы спрятать под ними следы этого сотрудничества. Они создали миф о том, что наука вне политики только для того, чтобы избежать ответственности за политику, которую сами же и обосновали.

Это была бесстыдная манипуляция масштабами. В стране, где 95% населения называли себя христианами, тезис «мы все были жертвами» фактически размывал ответственность за преступления. Палач растворялся в толпе пострадавших.

Кульминацией этого лицемерия стало Штутгартское исповедание вины (1945). Документ, подписанный в том числе епископом Мейсером, был полон высоких слов о «солидарности в вине», но в нем зияла красноречивая пустота: в тексте ни разу не были упомянуты евреи. Декларация стала предметом постоянной критики, в частности, из-за того, что в ней не было прямого упоминания Холокоста. Даже Мартин Нимёллер позже признавал, что это было скорее тактическим ходом для

возвращения в экуменическое сообщество, чем искренним покаянием. Мейсер так и не принес публичные извинения за свои антиеврейские высказывания.

Наследие этого «стирания памяти» оказалось невероятно живучим. Антисемитский «антикультизм» 30-х годов плавно эволюционировал в респектабельное послевоенное сектоведение. Курт Хуттен, чьи тексты в эпоху Рейха были пропитаны ненавистью, в 1950 году выпускает фундаментальный труд «Провидцы, мечтатели, энтузиасты», ставший классикой давления на меньшинства, но полностью игнорирующий нацистский контекст борьбы с «сектами». [82]

Евангелическая церковь (через такие структуры, как EZW) продолжила использовать методологию Кюннета, но уже под вывеской демократической защиты от «деструктивных культов». Сам Кюннет преподавал до 1969 года, формируя мировоззрение новых поколений теологов. Более того, в 1994 году был создан Институт имени Кюннета — бастион фундаментализма, продолжающий традицию «библейской нетерпимости» к инакомыслящим.

Историческая правда заключается в том, что закрытие нацистами сектоборческого центра в 1937 году было не актом преследования христианства, а устранением конкурентов. Но после войны этот факт был продан обществу как доказательство мученичества. Эта «успешная проработка прошлого» позволила церкви вновь стать моральным столпом ФРГ, спрятав гнилые скелеты в шкаф.

Сотрудничество было системным. Апологетический центр внутри церкви не был жертвой — он была поставщиком данных. Именно архивы центра помогли Гейдриху составить расстрельные списки. Путь от картотеки на 500 «сектантских групп» до 11 миллионов трупов был прямым, и этот путь был проложен при молчаливом согласии, а часто и при активной помощи теологов, которые потом учили Германию морали.

Инфернальное алиби: как дьявол спас репутацию теологов

В 1945 году, когда рухнул Рейх, Вальтеру Кюннету потребовалась срочная смена стратегии. Признать, что он поддерживал нацизм политически, означало конец карьеры и, возможно, скамью подсудимых. И тогда профессор теологии совершил блестящую и циничную подмену понятий. Он ввел в оборот своей стратегии защиты термин «инфернальный» (от лат. *infernalis* — адский, дьявольский).

В своих послевоенных трудах Кюннет начал описывать нацизм не как политическую систему, которую он сам же и обслуживал своими доносами и экспертными заключениями, докладами, а как мистическое, иррациональное Зло, вырвавшееся из преисподней. Он «демонизировал» Гитлера, но не для того, чтобы осудить его, а чтобы оправдать себя.

Логика этого «инфернального алиби» была безупречна: Если Третий Рейх был проявлением Сатаны, то земные, человеческие законы к нему неприменимы. Это была «духовная катастрофа», стихия, которой невозможно сопротивляться. Церковь по определению является врагом Дьявола. Следовательно, если нацизм — это дьявол, то церковь автоматически становится «борцом сопротивления», даже если ее пасторы зиговали на кафедрах.

Слово «инфернальный» стало магическим щитом. Оно позволяло Кюннету и его коллегам говорить: «Мы не были соучастниками преступления, мы были жертвами наваждения». Эта риторика мгновенно превратила вчерашних идеологов расовой чистки в «духовных страстотерпцев». Вместо того чтобы каяться в реальных преступлениях — в составлении расстрельных списков и дегуманизации евреев и сектантов, — они начали рассуждать о метафизике зла.

Так теология стала адвокатом дьявола в прямом смысле слова: объявив нацизм «инфернальным», Кюннет вывел себя и церковь из-под удара земного правосудия, списав миллионы жертв на происки

нечистой силы, а не на подписи конкретных людей под конкретными документами. Возможно, именно для этого таким людям и нужно учение о «Двух Царствах», в котором над властью земной и легитимной есть еще одна власть над властью с претензией на божественное происхождение. Так, если последователям этого учения не будет выгодны решения реальной власти, они объявляют ее земной и недостаточной, чтобы она судила их, а они сами разберутся с наказанием для своих людей, так как их неподчинение реальному закону и правосудию якобы освобождает еще одна власть — власть над властью, — большая сила якобы божественного происхождения, а они являются посредниками этой всевластной божественной силы на земле, следовательно они дают себе право на неподчинение закону.

Метаморфоза ненависти: От Рейха к демократии

Чтобы понять феномен выживаемости идей Кюннета, нужно разглядеть ту дьявольскую ловкость, с которой он менял маски. История его борьбы — это история великой манипуляции, происходившей в два акта.

Акт первый: 1930-е годы

В эпоху Третьего рейха верным было бы утверждать, что антикультизм маскируется под антисемитизм. Кюннет был прагматиком. Ему нужно было «продать» свои услуги нацистскому государству. Но нацистов в первую очередь интересовали евреи, а Кюннета — конкуренты лютеранской церкви (секты). Тогда он совершил гениальный маркетинговый ход. Он объявил Свидетелей Иеговы, масонов, теософов и прочих «инструментами мирового еврейства». Он завернул свою борьбу за чистоту церковных догматов в модную обертку расовой борьбы. Его послание Гитлеру читалось так: *«Вы хотите победить евреев? Тогда дайте мне уничтожить секты, ведь это их тайное оружие!»*

Акт второй: после капитуляции 1945 года

Когда нацизм рухнул, полюса поменялись. В демократической Европе стало необходимым антисемитизм замаскировать под антикультизм. После Освенцима ненавидеть евреев стало запрещено, стыдно и уголовно наказуемо. Но вековая потребность общества и церкви в «образе врага», в козле отпущения, никуда не исчезла. Куда деваться ксенофобии, которой раньше питался антисемитизм? Она нашла новое легальное убежище.

Те методы дегуманизации, теории заговора, риторика о «тайной угрозе» и «чужеродных элементах», которые раньше применялись к евреям, теперь были перенесены на так называемых «сектантов».

Наследие Кюннета

Кюннет создал идеальный контейнер для ненависти. В 30-е годы он наполнил его антисемитизмом, чтобы угодить диктатору. В 50-е годы он выплеснул антисемитизм и наполнил тот же контейнер «защитой духовной безопасности», чтобы угодить демократическому обществу. Содержимое сменилось, но форма и методология остались прежними. Современный антикультизм — это тот же нацистский антисемитизм по духу, лексике, манипулятивным приемам, клеймам, просто сменивший объект травли. Еврей с желтой звездой исчез, но на его месте появился «зомбированный сектант», которого так же можно лишать прав, дискриминировать и преследовать под аплодисменты добропорядочных граждан.

Глава 22. Дело о преемниках: От Рейха к глобальной сети

В 1945 году Третий Рейх капитулировал. Здания РСХА были разрушены или заняты союзниками. Казалось бы, гигантская система подавления инакомыслия остановилась навсегда. Но идеи, в отличие от

людей, обладают пугающей живучестью. Особенно если эти идеи аккуратно подшиты в папки.

История травли не закончилась в 1945 году. Инструментарий подавления, созданный Вальтером Кюннетом, не был демонтирован — он прошел ребрендинг. Если Кюннет был теоретиком, оправдавшим репрессии, а после капитуляции — военных преступников, то его идейные преемники превратили борьбу с инакомыслием в международную корпорацию.

В 1937 году гестапо закрыло Центр и конфисковало его архивы — не потому, что они были против работы Кюннета, а потому, что государство хотело обладать монополией на информацию и не терпело конкурентов в сфере политического сыска. Картотеки Кюннета поглотило РСХА.

Роль Вальтера Кюннета в становлении нацистской идеологии и ее последующее влияние

Вальтер Кюннет сыграл не последнюю роль в трансформации Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в инструмент тоталитарной власти, характеризующийся крайней жестокостью и геноцидом. Дело в том, что суть и цель сектоборческого движения (антикультизма) лежит в достижении абсолютной власти. Чтобы добраться до власти самому и закрепиться в государственном аппарате, Кюннет, через тонкие манипуляции и использование религиозных настроений и фанатизм партийцев, сделал все возможное, чтобы внедрить в партию антикультовые методы подавления инакомыслия и быть им полезным, тем самым радикализовав ее членов и предоставив Гитлеру, через сотрудничество с гестапо, средства для достижения абсолютной власти.

Без его влияния нацистская идеология приобрела бы такие жестокие и разрушительные черты? Кюннет не просто стремился к власти, он использовал психологические и социокультурные рычаги

манипуляции, чтобы превратить обычную политическую партию в орудие террора и уничтожения. Кюннет манипулировал существующими религиозными чувствами немецкого населения, используя для этого апологетический центр внутри протестантской церкви. Прикрываясь авторитетом церкви, ему удалось эффективно воздействовать на сознание граждан и внедрять идеологию, направленную на уничтожение политических оппонентов и представителей определенных социальных групп. Организованный режим поглотил власть, знания, архивы и наработки Кюннета, когда он стал ненужным. Так, Кюннет в конечном итоге оказался в ловушке своей собственной системы.

Таким образом, вклад Вальтера Кюннета в нацистскую партию стал решающим для формирования её жестокой природы. Его методы манипуляции и стремление к власти легли в основу тоталитарного режима, который оставил неизгладимый след в истории человечества. Идеи Кюннета о подавлении иных мнений и контроле разума находят своих продолжателей и в наши дни, что служит напоминанием о важности изучения прошлого и осмысления ошибок предшественников.

Эхо меча: Вальтер Кюннет

В 1934 году, когда Германия уже погружалась в мрак Третьего рейха, Кюннет в соавторстве выпустил книгу «Нация перед Богом» (*Die Nation vor Gott*). В то время как мир пытался осмыслить происходящее, Кюннет, опираясь на лютеранскую этику, фактически легитимизировал государственную дискриминацию. Он писал о том, что еврейское влияние стало настолько сильным, что отрицать опасность «инострannого проникновения» в немецкое общество больше невозможно.

В его аргументации звучал прямой отголосок лютеровской доктрины: Церковь не должна перехватывать руку государя. «Церковь знает, что государство должно исполнять обязанности меча», —

утверждал Кюннет. Эта обязанность неизбежно подразумевает суровость. Поэтому и новое расовое законодательство в отношении евреев и «еврейских христиан» должно быть принято как данность.

Кюннет был последователен. Он яростно отвергал идею христианского пацифизма, видя в ней бунт. [41] По его мнению, отказ от военной службы со ссылкой на Библию и «обещание мира Христова» был недопустим. Он называл это «идеологическим подрывом воли к служению» и «восстанием против Божьей воли к порядку». Человек мог сослаться на совесть (как разрешал светский закон), но не смел прикрывать свой отказ Евангелием.

Эта верность «теологии меча» пережила даже крах нацизма. Спустя десятилетия, в демократической ФРГ середины 1960-х, когда общество обсуждало гуманизацию правосудия, Кюннет вновь выступил с позиций жесткого консерватизма. Он теологически обосновывал необходимость смертной казни. [41] Отказ государства от права убивать преступника был для него не милосердием, а проявлением «моральной слабости» и «государственно-политической профанацией». В его глазах государство без плахи теряло свой сакральный авторитет — мысль, под которой, несомненно, подписался бы и сам Мартин Лютер.

Однако наследие Кюннета не ограничилось книгами и статьями. Оно обрело плоть в институтах, призванных охранять «идеологическую чистоту». В 1960 году в Штутгарте (а с 1995 года — в Берлине) была создана организация-преемница старых апологетических структур — Евангелическое центральное бюро по идеологическим вопросам (EZW). [83] Позже, в 1994 году, в Дортмунде был основан консервативный Институт Вальтера Кюннета, также стремящийся развивать интересы прежнего «Апологетического центра» (*Apologetische Centrale*). [84, 85]

Сегодня исследователи наблюдают, как шестьдесят лет спустя идеи и тезисы Кюннета обрели новую жизнь, трансформируясь в деятельности таких фигур, как Фридрих Хаак в Германии, Йоханнес Огард в Дании, и, наконец, Александр Дворкин в России. Очевидно, учитывая ошибки предшественников, самый молодой из перечисленных

сектоборец Дворкин выстроил собственную систему скрытой власти. Используя идентичные тактики манипуляции и убеждения, он фактически стал идейным преемником нацистской антикультовой идеологии, перенеся её на новую почву.

Его стратегия «сектоборчества» выстроена так, чтобы избежать прямых исторических параллелей и ловушек, в которые попадали теологи-сектоборцы прошлого, действуя тоньше и часто чужими руками. Но в этой идеально отлаженной инструменте подавления инакомыслия есть существенный изъян. История учит, что любая пружина имеет свойство разжиматься, ударяя по тому, кто её сдавливал. И нет ни одного тоталитарного режима — будь то политического или идеологического, — который бы в конечном итоге не пал.

Исторический вердикт

Апологетический центр 1921 года, сотрудничество с гестапо в 1933-го, оправдание репрессий Кюннетом в 1945-м и глобальная сеть Хаака в 1970-х — это не разные истории. Это одна непрерывная линия.

Церковные архивы на 500 групп в 1930-х помогли отправить людей в концлагеря. «Черные списки» Хаака и Дворкина в 1990-х стали справочником для дискриминации миллионов граждан в демократических странах.

Нацистская идея о том, что государство и лояльная церковь имеют право решать, во что людям верить, кого считать «здоровым», а кого — подлежащим изоляции, не погибла в бункере Гитлера. Она выжила, сменила униформу СС на пасторскую мантию, серый пиджак, деловой костюм и наглаженную рубашку «эксперта по культам», и продолжает свою войну против свободы совести, подрывая демократические общества.

Ребрендинг ненависти: От Кюннета к EZW

Казалось бы, история закончена. Но в 1960 году, когда Германия отстраивалась заново, с подачи соратников Кюннета Евангелическая церковь открывает EZW (Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen) — Евангелический центральный офис по вопросам мировоззрения. Название было новым, сложным и бюрократически сухим. Но это не было созданием новой структуры. Это было восстановлением старой.

Они унаследовали не только статус «центрального мозгового треста», но и методологию: сбор оперативной информации и компромата, публикация «черных списков» в бюллетенях и «разоблачительных» материалов о меньшинствах, втягивание масс медиа в свои диффамационные кампании для создания антисектантской истерии и волнений в обществе. Даже их главный рупор — бюллетень Materialdienst — был прямым продолжением довоенных апологетических листков. Разница была лишь в риторике, — «апологетический центр» 30-х годов защищал «народный организм» (Volkskörper), а EZW 60-х годов начала защищать «психическое здоровье общества». Нацистский мундир сменили на серый костюм, но внутри сидел все тот же «апологет», уверенный и глубоко убежденный в своем исключительном праве решать, кому можно верить, а кому — нет, кому доверять, а от кого — дистанцироваться.

Что касается прессы, сами сектоборцы утверждали, что для них она словно кафедра, то есть свободная площадка, где они могут транслировать свои идеи руками других людей, даже если эти идеи радикальные и имеют признаки экстремизма.

EZW стала прямой наследницей «Апологетического центра», и первые руководители EZW, такие как Курт Хуттен, открыто признавали эту преемственность. Они подхватили знамя и бережно передали его Хааку.

Наследство: Архивы меняют хозяев

На руинах нацистской «борьбы с сектами» возникла новая фигура — пастор Фридрих-Вильгельм Хаак (1935–1991). Он был одной из заметных фигур западногерманского и европейского антикультового движения и участвовал в ранних международных сетях/контактах, которые предшествовали созданию FECRIS (основана в 1994 году по инициативе UNADFI).

Хаак не был сотрудником гестапо. Но он стал хранителем их «интеллектуального наследия». Приступив к работе в качестве уполномоченного по вопросам сект в Евангелической церкви, он столкнулся с практической проблемой: где брать информацию о «врагах»? Ответ лежал в уцелевших архивах. Нацистские эксперты — Кюннет и его коллеги-сектоборцы, агенты гестапо, специалисты РСХА — годами собирали компромат на Свидетелей Иеговы, пятидесятников и адвентистов. Они создали базу данных, где эти группы описывались не как религиозные меньшинства, а как «психически опасные элементы» и «агенты иностранного влияния».

Хаак не стал перепроверять и критично анализировать эти данные. Он просто сменил вывеску, преследуя свои цели. Ему было удобно работать в системе координат, созданной его предшественниками-сектоборцами. Историк Хорст Юнгингер в своем фундаментальном исследовании *"Изучение религии под воздействием национал-социализма"* убедительно показывает эту преемственность. [86, 87, 88] Он описывает, как наработки «Апологетического центра» (*Apologetische Centrale*), возглавленного Кюннетом в 1932 году для «духовной защиты Рейха», легли в основу послевоенных центров по вопросам мировоззрения (EZW).

Юнгингер показывает, что методология «церковной апологетики» (*kirchliche Apologetik*), разработанная Кюннетом для защиты от идеологических конкурентов, «сект» и «неоязычества», практически без изменений перекочевала в послевоенную Германию. Главная задача осталась прежней: защита догматической чистоты церкви от конкурентных мировоззрений. Юнгингер прямо указывает на Кюннета

как на ключевую фигуру, связывающую эти две эпохи. Кюннет не только руководил апологетическим центром, но и после войны продолжал влиять на апологетическую линию церкви, отстаивая те же принципы нетерпимости к инакомыслию («теология порядка»), что и в 30-е годы. Центр получил развитие в разгар нацистского режима, и его методы совершенствовались в условиях тоталитарной идеологии, а затем эти же методы (архивы, картотеки, риторика «духовной угрозы», клеймение) легли в основу EZW.

Юнгингер подтверждает, что после 1945 года немецкая протестантская теология не провела полной ревизии своих апологетических методов. Вместо того чтобы критически переосмыслить, как церковь использовала «борьбу с сектами» в Третьей рейхе, теологи (включая Курта Хуттена, основателя EZW и коллегу Кюннета) просто перенаправили это оружие на новые цели (молодежные религии, коммунизм), сохранив старую «систему координат».

Хаак, будучи представителем нового поколения, фактически унаследовал методологический аппарат, разработанный в 30-е годы: ту же терминологию, те же критерии опасности и те же списки врагов, лишь очистив их от явной нацистской символики. Он взял старые нацистские досье, стряхнул с них пыль идеологии «крови и почвы» и упаковал то же самое содержание в новую обертку — «защиту демократии и психического здоровья молодежи». Там, где Кюннет писал «угроза немецкому народу», Хаак стал писать «угроза обществу». Там, где гестапо видело «еврейских прислужников», Хаак увидел «деструктивные культы».

«Борьба с сектами» (сектоведение) в послевоенной Германии строилась на фундаменте, заложенном Кюннетом и его «Апологетическим центром» в эпоху нацизма. Хаак, работая в этой традиции, действительно действовал в рамках парадигмы, созданной его предшественниками, где «защита веры» оправдывала использование дегуманизирующей риторики.

Хаак не был одиночкой. За его спиной стояла мощная бюрократическая структура — EZW (Евангелический центральный офис по вопросам мировоззрения), созданный в 1960 году пастором-сектоборцем, соратником и другом В. Кюннета Куртом Хуттенем.

Отношения здесь были симбиотическими. EZW в Берлине создавал видимость академической респектабельности, выпуская «серьезные» журналы вроде *Materialdienst*. А Хаак, будучи уполномоченным Баварской церкви, выступал в роли тарана. Он брал теории, одобренные центром, и превращал их в громкие заголовки в прессе. Это был отлаженный тандем.

Именно через структуры EZW и сеть земельных уполномоченных «архивы прошлого» обрели вторую жизнь. Это была идеальная схема отмыwania информации: грязные данные спецслужб проходили через «чистый» церковный институт и выходили в свет уже как «экспертное мнение» пастора-сектоборца Хаака.

Фридрих Вильгельм Хаак, начиная свою карьеру, опирался именно на этот фундамент. Он не создавал ничего с нуля — он воспользовался механизмом, «двигатель» которого разработал Вальтер Кюннет еще в 1932 году. Конструкцию перекрасили в демократические цвета и сменили ей вывеску, но ходовая часть и курс движения остались прежними. Методология также сохранилась: дегуманизация, использование медицинской терминологии для описания веры, создание списков «неблагонадежных». «Апологетическая стратегия» Кюннета плавно перетекла в «сектоведение» Хаака.

Так, через руки одного пастора, тень РСХА дотянулась до современности. Инструмент, выкованный для Гейдриха, оказался идеально подходящим для новой Европы. Хаак стал мостом, по которому тоталитарные методы контроля сознания перешли в демократический XXI век, чтобы воплотиться в структуре FECRIS (ПАЦИРС). А его детище подхватил и развил в новых масштабах Александр Леонидович Дворкин — нынешний лидер международной сектоборческой сети, руководство которой ныне базируется в Москве.

Исторические корни сектоборческой методики уходят глубже, чем принято считать. Как указывает Хорст Юнгингер в исследовании *The Study of Religion under the Impact of National Socialism*, институциональным предшественником современных сектоведческих центров был «Апологетический центр» (*Apologetische Centrale*), созданный еще в 1921 году в структуре Внутренней миссии. Возглавив его в 1932 году, Вальтер Кюннет адаптировал наработки центра под нужды нацистской идеологии. После войны эти же методы, архивы и подходы — та самая «система координат» — без критического переосмысления легли в основу созданного в 1960 году EZW. Хаак, будучи частью этой системы, работал по лекалам, вырезанным Кюннетом, лишь сменив терминологию на более приемлемую для демократического общества.

Биография Фридрих Вильгельм Хаака — идеальный пример бесшовной преемственности. Хаак изучал теологию в Университете Эрлангена именно в те годы, когда там преподавал «непотопляемый» профессор Кюннет. Здесь наблюдается тройное совпадение: хронологическое, географическое и идеологическое. Хаак впитывал лютеранскую теологию в то время, когда там преподавали нацистские сектоборцы. Совпадает время и место. Он также становится во главе того же явления, которое развивал Кюннет во времена становления и расцвета нацизма. Студент усвоил главный урок учителя: чтобы уничтожить группу людей, их нужно сначала лишить человеческого облика в глазах общества.

В 1964 году, спустя всего два десятилетия после Холокоста, Евангелическо-лютеранская церковь Баварии официально восстанавливает должность «Уполномоченного по делам сект».

Хаак занимает этот пост и фактически возрождает структуру, зеркально копирующую нацистские образцы. В начале 1970-х он основывает «Рабочую группу по религиозным и идеологическим вопросам» (*Arbeitsgemeinschaft für Religions- und Weltanschauungsfragen, ARW*). Название до степени смешения

совпадает с нацистским «Департаментом по религиозным и идеологическим вопросам».

Суть осталась прежней: сбор досье, создание «черных списков» и публичная дискредитация. Но Хаак пошел дальше. Он понимал, что в новой Германии нельзя говорить о «расовых врагах». Поэтому он перевел язык ненависти в плоскость псевдомедицины. Адаптируя расовые термины Хаак вводит новые ярлыки: вместо «еретиков» появились «жертвы психической зависимости», вместо общин — «психокульты» (*Psychokulte*) и вместо термина Кюннета «современные религиозные движения» — «молодежные религии» (*Jugendreligionen*), «гуру-движения». Верующие люди были переквалифицированы в «пациентов», лишенных воли, а их свобода убеждения — в патологию, требующую принудительного «лечения» — депрограммирования — жестокие действия над телом и психикой жертвы. Эти термины не имели научного обоснования, но работали как стигма, вызывая у обывателя страх и агрессию.

Коммерциализация «исцеления»

Хаак совершил то, что не удалось нацистам: он вывел сектоборчество за пределы церкви и государства, превратив его в коммерческий продукт для напуганного среднего класса. Созданная им модель «родительских инициатив» (*Elterninitiative*) работала на истерии: он и его сеть внушали родителям, что их дети «заражены» и нуждаются в спасении, убеждая семьи не обращаться к профессиональным психологам или юристам, а нести деньги в его центры. Он продавал «лекарство» от болезни, которую сам же и придумал.

Результатом его «профилактических» проповедей стала реальная социальная агрессия. Зафиксированы случаи, когда после выступлений Хаака толпа угрожала представителям религиозных меньшинств криками: «Вас нужно поставить к стенке!», «Вас нужно повесить! Хайль

Гитлер!». Это прямое доказательство того, что методика Хаака пробуждала в немцах именно те инстинкты, которые, казалось бы, должны были умереть вместе с Третьим Рейхом.

Глобализация: Спрут антикультизма

Амбиции Хаака выходили за пределы Германии. Он стал создателем международной сети, экспортируя немецкую модель нетерпимости. В 1973 году он плотно сотрудничает и помогает датчанину Йоханнесу Огорду (учителю Александра Дворкина) создать **Dialog Center**. В 1981 году Хаак становится вице-президентом **Dialog Center International (DCI)**, охватывающего около 30 стран. Он входит в совет директоров американского **AFF** и налаживает связи с французской **ADFI** и британской **FAIR**, создавая транснациональную сектоборческую сеть.

Именно при участии Хаака на встрече в Париже в 1980 году были заложены основы для организации, которая сегодня является главным лоббистом антисектантских законов в Европе, в частности, ограничивающих свободу совести под предлогом «защиты психического здоровья». Сегодня эта сеть мечтает о создании лаборатории по исследованию методов манипуляции сознанием, и имеет шлейф неудобных трагедий, проигранных судов за клевету, нецелевое использование своего государственного финансирования и несоответствие действий собственному уставу.

Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу вероисповедания, вызывала у некоторых представителей сети презрение. Для них она была «чушью», мешающей проводить принудительную «санацию» общества. В их парадигме «свобода» была угрозой, которую нужно купировать административным ресурсом. Антикультовые игроки открыто атаковали фундаментальные демократические ценности. Исследователи отмечают, что антидемократические настроения в транснациональной сектоборческой

сети, лидерство которой по преемственности перешло к россиянину А. Дворкину, сохранились до сих пор.

Русский след

Сегодняшняя ситуация в России — прямое следствие этой экспансии. Александр Дворкин, ключевой идеолог российского антикультизма и лидер сектоборческой организации РАЦИРС (русская линия FECRIS), является любимым учеником Йоханнеса Огорда — ближайшего соратника и друга Хаака. Дворкин использует ту же методологию, что и его предшественники.

В своих клеветнических кампаниях А. Дворкин выработал тактику защиты — классическая кюнетовская уловка: создать атмосферу нетерпимости и ненависти, но формально уйти от ответственности. Его фразы в духе «я лишь даю информацию, решать вам», при этом наполняя информационное поле терминами «мафия», «зараза», «тоталитарная секта».

В книге «Империя Муна» («Das Mun-Imperium») Хаак писал:

«...so sollen die hier vorgelegten Informationen und Überlegungen nichts anderes, als gegebenenfalls Material zur eigenen Meinungsbildung darstellen. Ob sie akzeptiert werden oder nicht, steht im Belieben des jeweiligen Benutzers.»

«...представленные материалы — лишь (возможный) материал/основание для собственной выработки мнения; принимать их или нет — дело читателя».

Это классическая уловка пропагандиста: создать атмосферу ненависти, но юридически снять с себя ответственность за погромы, угрозы, смерти, которые неминуемо последуют. И типичная позиция провокатора: он объявляет группу «чумой», а когда начинаются погромы, заявляет, что просто «информировал население».

На первый взгляд данная фраза кажется образцом демократичности и объективности. Однако за этой скромной формулировкой скрывается холодный расчет. Это классический образец «защитной риторики», которую Кюннет и его последователи-сектоборцы отточили до совершенства, чтобы безнаказанно заниматься травлей в правовом поле. В этой фразе зашифрованы две ключевые стратегии выживания антикультиста.

Во-первых, это юридический щит. Хаак прекрасно знал, что Церковь Объединения (муниты) всегда активно защищала свою репутацию в судах. Ему нужно было алиби. Написав «это лишь материал для размышления», он заранее снимал с себя ответственность за последствия. В случае иска за клевету или разжигание ненависти у него был готов циничный ответ: «Я не навязывал выводы и не призывал к насилию. Я просто дал людям информацию, а решение они принимали сами».

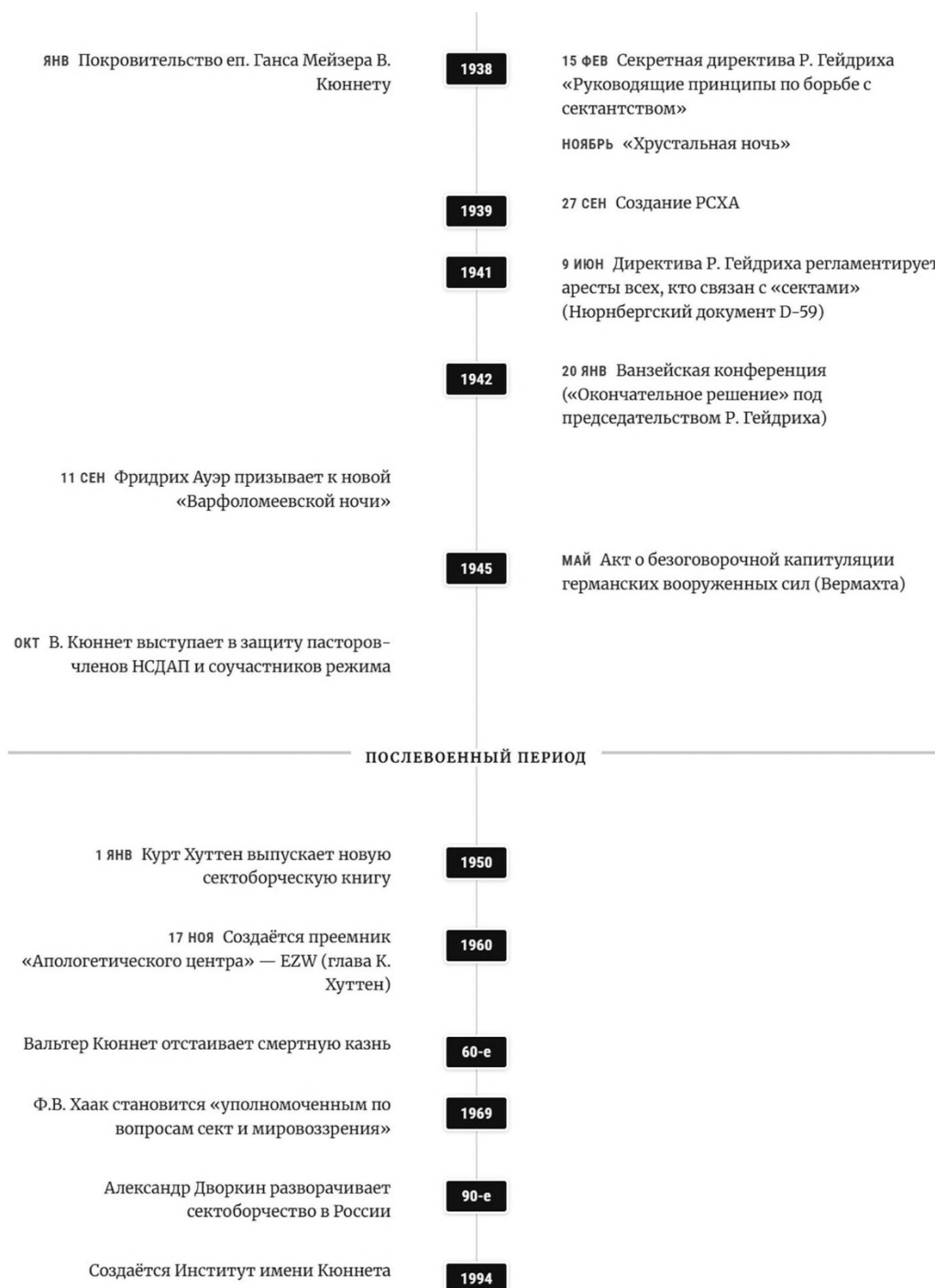
Во-вторых, это манипуляция через «иллюзию выбора». Обращаясь к читателю с предложением «сформировать собственное мнение», автор льстит ему: «Ты умен, ты независим, ты сам разберешься». Это усыпляет критическое мышление. Читатель чувствует себя судьей, которому принесли улики. Но это была ловушка, игра в одни ворота. Подборка материалов в книге была сделана настолько тенденциозно, что прийти к какому-либо другому выводу, кроме как «это опасная секта, которую нужно уничтожить», было невозможно.

Это и есть квинтэссенция лицемерия метода Хаака: он кокетливо заявляет «решайте сами», а затем на следующих двухстах страницах не оставляет камня на камне от репутации оппонента, используя лексику вражды и дегуманизации. Он давал публике не «материалы для размышления», а заряженный оружие, уверяя, что это всего лишь сувенир.

ХРОНОЛОГИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научный анализ: Третий Рейх

Слова как бомба: Механика стохастического терроризма

Хотя понятие «стохастический терроризм» (*stochastic terrorism*) возникло в начале XXI века, современные исследователи все чаще

используют его как оптику для анализа трагедий прошлого. [89,90] Этот термин описывает механизм, при котором публичные фигуры используют дегуманизирующую риторику для демонизации определенной группы людей. В результате насилие против этой группы становится «статистически вероятным», а также «индивидуально непредсказуемым».

Деятельность нацистских пропагандистов идеально укладывается в это определение. [91] Самый яркий пример — Юлиус Штрейхер и его газета *Der Stürmer*. Штрейхер не занимал военных постов и не подписывал приказов о депортациях и арестах. Однако годами он публиковал материалы, в которых евреи изображались как «вирусы», «паразиты» и угроза здоровью нации. [92, 93]

Этот термин описывает процесс, при котором публичные фигуры используют дегуманизирующую риторику для демонизации определенной группы. Это делает насилие против этой группы «статистически вероятным», но «индивидуально непредсказуемым», при этом сам подстрекатель сохраняет возможность отрицать прямую вину. Это так называемое «правдоподобное отрицание» (*plausible deniability*). Оратор не отдает приказ «убить», он лишь создает атмосферу ненависти, в которой насилие становится неизбежным. [94, 95, 96, 97]

Нюрнбергский трибунал создал важнейший правовой прецедент: Штрейхера признали виновным в преступлениях против человечности и приговорили к повешению исключительно за слова. Суд постановил, что его подстрекательство «инфицировало» немецкое сознание, создав атмосферу, в которой массовые убийства стали возможными и даже приемлемыми. [98]

Ту же тактику использовал Йозеф Геббельс. Его пропагандистская машина мастерски владела «языком вражды» для подготовки почвы. Вместо прямых призывов к погромам часто использовались метафоры «очистки», «санитарии» или «защиты нации». Эти сигналы вдохновляли сторонников на «спонтанные» акты насилия — такие как

Хрустальная ночь, — за которые верхушка Рейха могла формально снять с себя ответственность, списав всё на «народный гнев».

Механизм дегуманизации

Нацисты использовали СМИ для превращения живых людей в абстрактных «недочеловеков» (Untermensch) — метод, который позже стал основой стохастического терроризма. [99] Этот психологический трюк снижал порог морального сопротивления у обычных граждан. Сосед доносил на соседа или нападал на него не потому, что получил прямой приказ из Берлина, а потому, что проявлял инициативу, будучи уверенным: он уничтожает «паразита».

Здесь важно отметить нюанс. Сегодня о стохастическом терроризме чаще говорят в контексте демократических обществ, где безответственные лидеры мнений провоцируют неуравновешенных «одиночек». В нацистской Германии этот метод использовался двояко. На ранних этапах борьбы за власть нацисты применяли его, чтобы избежать юридических последствий, пока они еще зависели от законов демократической Веймарской республики. Главная черта стохастического террориста — возможность сказать: «Я не приказывал это делать, меня неправильно поняли». Но Штрейхеру на суде это не помогло.

Но впоследствии этот децентрализованный террор снизу слился с государственной машиной уничтожения. Таким образом, действия таких фигур, как Штрейхер и других публичных подстрекателей, полностью подпадают под современное определение: они не нажимали на курок, но они создали информационную среду, в которой выстрел стал неизбежным следствием их слов. [100]

Эпилог: Шлейф жертв

Эта история — не просто хроника совпадений и событий, а рассказ о затаившемся зле. Две линии, политическая и идеологическая, начавшиеся с малого, слились в одну, породив катастрофу. НСДАП и Апологетический центр, Гитлер и Кюннет, гестапо и архивы сектоборческого центра — все они стали частями единого целого, где власть и ненависть питали друг друга. Их союз начался с идей, перешел к спискам, а закончился кровью и смертями. И в этом слиянии — урок для всех нас: даже самые малые искры ненависти, если их не потушить, могут разгореться в пламя, которое уничтожит все живое на своем пути.

Эта хроника демонстрирует не случайное совпадение, а целенаправленный и взаимовыгодный симбиоз. Нацистской партии в начале своего пути был нужен моральный и теологический авторитет для легитимации своей бесчеловечной программы. Радикальные церковные круги, в свою очередь, получили в лице нацистского государства мощный инструмент для подавления своих религиозных и мировоззренческих конкурентов. Каждое событие в одной сфере создавало благоприятные условия для эскалации в другой, пока две линии не слились в единое русло государственного террора.

Идеологи ненависти не просто проложили маршрут к геноциду — они неустанно раскручивали маховик истребления, не позволяя ему остановиться. История союза тоталитарной политики и фанатизма — это свидетельство того, как мрачные параллели в конечном счете всегда сходятся на одной смертоносной дороге.

Нацизм, как он проявился в истории, представляет собой один из самых мрачных периодов человеческой цивилизации, олицетворяющий жестокость, ненависть и полное пренебрежение к человеческой жизни. Дискуссии не утихают: кто же сыграл ключевую роль в формировании нацизма в том виде, в котором он нам известен? Фюрер? Офицеры СС? Идеологи, приближенные к Гитлеру? Национальные страхи и предрассудки? Или, возможно, именно методы манипуляции и убеждения апологетического центра стали критическим катализатором нетерпимости, а их влияние на распространение радикальных идей

через структуры гестапо и, в дальнейшем, РСХА, привело к созданию безжалостной идеологии? Инструменты воздействия, разработанные в этом антикультовом центре, сделали возможным внедрение радикальных идей в общественное сознание, что в конечном итоге привело к укоренению жестокого режима, готового уничтожать любого, кто не соответствовал «традиционным» идеалам.

Историческая наука признает множество факторов, способствовавших возникновению и развитию нацизма, включая экономические трудности Веймарской республики, националистические настроения, антисемитизм, популизм и политическую нестабильность. Но нельзя отрицать тот факт, что если бы не усилия В. Кюннета в нужное время перед нужными чинами, то мы, скорее всего, так и не узнали бы всех ужасов нацизма. Сектоборец должен был осознавать, что его идейные основы обслуживают не просто политическое движение, но тоталитарную жажду власти и превосходства.

Кюннет разработал методики пропаганды, которые стали основой для формирования экстремистского мышления. Эти идеи попали в гестапо и далее — в РСХА, где они были адаптированы и усовершенствованы в рамках нацистской идеологии. Это смешение радикализма и фанатизма дало старт нацизму, который мы знаем сейчас: идеологии, прикрывающей свои бесчеловечные действия благими намерениями ради создания «лучшего будущего» для нации.

Взгляд на этот период подчеркивает, как абстрактные идеи, подкреплённые пропагандой и методами манипуляций, могут иметь катастрофические последствия для человечества. Присутствие широкого спектра социальных, политических и экономических сил в данном вопросе стимулирует дальнейшее историческое исследование, но роль отдельных личностей, таких как Вальтер Кюннет, пропаганда и манипуляции которого были значимы, не следует недооценивать. Ведь основная ошибка грядущих трагедий заключается в том, что антикультизм, как опасное явление, было многократно недооценено.

Нацизм — это не только результат индивидуальных амбиций, но и наглядный пример того, как коллективные страхи и ненависть могут быть использованы в качестве инструмента массового насилия.

Источники

1. National Archives and Records Administration. [Catalog record, NAID 535790]. National Archives Catalog.
<https://catalog.archives.gov/id/535790>; Wikimedia Commons contributors. (n.d.). File:Reichstagsbrand.jpg [Photograph]. Wikimedia Commons. (Указано, что изображение в фондах NARA под NAID 535790.) <https://en.wikipedia.org/wiki/File:Reichstagsbrand.jpg>
2. Кречетников, А. (2013, February 7). Поджог рейхстага: темная история с роковым итогом. BBC News Русская служба.
https://www.bbc.com/russian/russia/2013/02/130207_reichstag_arson
3. Уроки истории. (2013, February 25). Гитлер в 1933: Хроника захвата власти (архивная копия). Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20130721022115/http://www.urokiistorii.ru/history/event/51700>
4. 14. Хрестоматия (архивная копия). (2013, December 27). Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20131227112336/http://ufalaw.narod.ru/1/igpzs/xrestomatiya2/14.htm>
5. Gleichschaltung. In Wikipedia (Deutsch).
<https://de.wikipedia.org/wiki/Gleichschaltung>
6. Koonz, C. (2003). The Nazi conscience. Belknap Press of Harvard University Press. <https://archive.org/details/naziconscience0000koon>
7. Claudia Koonz: Biography & bibliography.
8. Luther, M. (1526). Sermon von dem Sakrament des leibs und bluts Christi: widder die Schwarmgeister. Lufft.
9. Luther, M. (1527). Dass diese Wort Christi "Das ist mein Leib" ... noch fest stehen wider die Schwarmgeister. Gruber Collection, Lutheran School of Theology at Chicago.

10. Luther, M. (1525). Wider die Hymelischen propheten, von den bildern und Sacrament.
11. Luther, M. (1883–). D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe (Weimarer Ausgabe) (WA). Hermann Böhlau.
12. Brecht, M. (1990). Martin Luther: Shaping and defining the Reformation, 1521–1532. Fortress Press.
13. Luther, M. (1525). Wider die himmlischen Propheten, von den Bildern und Sakrament (WA 18, pp. 62–125, 134–214). In D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe (Weimarer Ausgabe). Hermann Böhlau.
14. cm. 12
15. Schaff, P. (1910). History of the Christian Church (Vol. 7, Modern Christianity: The German Reformation). Charles Scribner's Sons.
16. Luther, M. (1528). Concerning Rebaptism (WA 26; LW 40).
17. Edwards, M. U., Jr. (1975). Luther and the false brethren. Stanford University Press.
18. Kolb, R., Dingel, I., & Batka, L. (Eds.). (2014). The Oxford handbook of Martin Luther's theology. Oxford University Press.
19. Theologe.de. Martin Luther und sein Gott der Unterwelt.
20. Brumlik, M. (2013). Martin Luther und die Juden – eine politologische Betrachtung. AG Jüdisch und Christlich.
21. Theologe.de. (Martin Luthers Buch „Von den Juden und ihren Lügen“ (section “Scharfe Barmherzigkeit”). Retrieved December 25, 2025, from https://theologe.de/martin_luther_juden.htm#Scharfe_Barmherzigkeit
22. Exposing Anti-Cultism. (2024, July 15). The Fourth Reich: Who continues Hitler's legacy? <https://actfiles.org/the-fourth-reich-who-continues-hitlers-legacy/>
23. Theologe.de. Die evangelische Kirche und der Holocaust. <https://theologe.de/theologe4.htm>

24. Martin Luther and Henry Melchior Muhlenberg. (2014, March 4). [PDF]. <https://www.drabruzzo.com/Martin%20Luther%20and%20Henry%20Melchior%20Muhlenberg.pdf> drabruzzo.com
25. Apologetische Centrale. In Wikipedia. https://de.wikipedia.org/wiki/Apologetische_Centrale
26. Historische Ausstellung des Deutschen Bundestages. Reichstagswahlergebnisse und Mandate in der Weimarer Republik: Reichstagswahlen 1919–1933 [PDF]. Deutscher Bundestag. <https://www.bundestag.de/resource/blob/190456/reichstagswahlergebnisse.pdf>
27. Evangelisch-Lutherische Kirche in Bayern. (1967). Nachrichten der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Bayern (Jahrgang 1967, p. 326). zdb-katalog.de
28. Völkischer Beobachter. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/V%C3%B6lkischer_Beobachter
29. Arndt, I. (1960). Die Judenfrage im Lichte der evangelischen Sonntagsblätter von 1918–1933 (Doctoral dissertation, University of Tübingen). presseforschung.uni-bremen.de+2library.oapen.org+2
30. Exposing Anti-Cultism. (2024, August 29). The IMPACT. Episode 4. The New Face of Nazism: Anti-Cultism (Video & Text Version). <https://actfiles.org/the-new-face-of-nazism-anti-cultism/>
31. Vollnhals, C. (1989). Evangelische Kirche und Entnazifizierung 1945–1949: Die Last der nationalsozialistischen Vergangenheit (Studien zur Zeitgeschichte, Band 36). R. Oldenbourg Verlag.
32. Kittel, M. (2000). Provinz zwischen Reich und Republik: Politische Mentalitäten in Deutschland und Frankreich 1918–1933/36 (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Band 47). R. Oldenbourg Verlag.
33. Schweitzer, K., & Künneth, W. (1932). Freidenkertum und Kirche: Ein Handb. Wichern-Verl.

34. Künneth, W. (1935). Antwort auf den Mythos: Die Entscheidung zwischen dem nordischen Mythos und dem biblischen Christus. Wichern-Verlag.
35. Gerlach, W. (1987). Als die Zeugen schwiegen: Bekennende Kirche und die Juden (Studien zu Kirche und Israel, Bd. 10). Institut Kirche und Judentum.
36. Schöpfungsordnung. In Wikipedia (Deutsch).
<https://de.wikipedia.org/wiki/Sch%C3%B6pfunfsordnung>
37. Küssner, D. (2021). Der christliche Staatsmann: Ein Beitrag zum Hitlerbild in der Deutschen Evangelischen Kirche und zur Kirchlichen Mitte [PDF]. BoD—Books on Demand.
38. Völkischer Beobachter. (1933, February 28). Völkischer Beobachter [Newspaper issue].
39. Gestapo. In Encyclopaedia Britannica.
<https://www.britannica.com/topic/Gestapo>
40. Walter Künneth. (2011, August 31). In Wikipedia (Deutsch) (archived version). Wayback Machine.
https://web.archive.org/web/20110831170447/http://de.wikipedia.org/wiki/Walter_K%C3%BCnneth#cite_note-2
41. Walter Künneth. In Wikipedia (Deutsch).
42. Heer, F. (1967). Gottes erste Liebe: 2000 Jahre Judentum und Christentum. Bechtle Verlag.
43. Arendt, H. (1963). Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil. The Viking Press.
44. Künneth, W. (1954). Politik zwischen Dämon und Gott: Eine christliche Ethik des Politischen. Lutherisches Verlagshaus.
45. Künneth, W. (1965). Die theologischen Argumente für und wider die Todesstrafe. In R. Maurach (Ed.), Die Frage der Todesstrafe: Zwölf Antworten (pp. 148–158). Fischer Bücherei.

46. Exposing Anti-Cultism. (2024, September 10). The Influence of Anti-Cult Groups on Law Enforcement Agencies: Lessons from the Waco Tragedy.
47. Schuster, D. (2011). Horst Junginger, Die Verwissenschaftlichung der «Judenfrage» im Nationalsozialismus. *Zeitschrift für Junge Religionswissenschaft*, 7.
48. Hudal, A. (1937). Die Grundlagen des Nationalsozialismus: Eine ideengeschichtliche Untersuchung (pp. 240–253). Johannes Günther Verlag.
49. Religion in Nazi Germany. In Wikipedia.
50. Pöhlmann, M. (2007). "Illegale Fortbildungsstätte!" – Vor 70 Jahren wurde die "Apologetische Centrale" geschlossen. *Materialdienst*, 12/2007. Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen. (Archived February 5, 2016).
51. Krondorfer, B. (2014). Gender and post-conflict self-representation: Autobiographical writings of German theologians after 1945. *Kirchliche Zeitgeschichte*, 27(1), 102–119.
52. Bloch, B. J. (2018). Faith for this world: Protestantism and the reconstruction of constitutional democracy in Germany, 1933–1968 (Doctoral dissertation, Harvard University). Harvard DASH.
53. Grosse, H. (2010). Niemand kann zwei Herren dienen: Zur Geschichte der evangelischen Kirche im Nationalsozialismus und in der Nachkriegszeit (2nd ed.). Blumhardt Verlag.
54. Künneth, W., & Beyerhaus, P. (Eds.). (1975). Reich Gottes oder Weltgemeinschaft?: Die Berliner Ökumene-Erklärung zur utopischen Vision des Weltkirchenrates. Verlag der Liebenzeller Mission.
55. Hanke, C. (1999). Die Deutschlandpolitik der Evangelischen Kirche in Deutschland von 1945 bis 1990: Eine politikwissenschaftliche Untersuchung unter besonderer Berücksichtigung des kirchlichen Demokratie-, Gesellschafts- und Staatsverständnisses. Duncker & Humblot.

56. Мавр сделал своё дело, мавр может уйти. В Викисловаре.
57. Hans Meiser (bishop). Alphapedia. (Источник недоступен для проверки на момент обращения.)
58. Landesbischof Hans Meiser, ein Antisemit (Der Theologe Nr. 11). Theologe.de. Retrieved December 25, 2025.
59. Noack, W., & Hartlapp, J. (2003). Spes Christiana (digital compilation PDF; includes "Die Gemeinde als System"). Center for Adventist Research, Andrews University.
60. File: Bundesarchiv Bild 152-50-10, Reinhard Heydrich.jpg. Wikimedia Commons.
61. LibraryThing. Kreuz und Hakenkreuz; der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche und der Kirchliche Widerstand [Work record].
<https://www.librarything.com/work/15911941/t/Kreuz-und-Hakenkreuz-der-Kampf-des-Nationalsozialismus-gegen-die-katholische-Kirche-und-der-Kirchliche-Widerstand>
62. Center for Excellence in Preaching. (n.d.). What was it like in the concentration camp at Dachau?: An attempt to come closer to truth [Web excerpt]. Retrieved December 26, 2025, from
<https://cepreaching.org/preaching-connections/reading/what-was-it-like-in-the-concentration-camp-at-dachau-an-attempt-to-come-closer-to-truth/>
63. Neuhäusler, J. (1946). Kreuz und Hakenkreuz: Der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche und der kirchliche Widerstand (2. Aufl.). Verlag Katholische Kirche Bayerns.
64. Brown-Fleming, S. (2016). Johann Baptist Neuhäusler and torture in Dachau (pp. 67–82). In L. Grob & J. K. Roth (Eds.), Losing trust in the world: Holocaust scholars confront torture. University of Washington Press.
65. Bundesarchiv. [File] (BArch, Bestand R 58/6197/1) [Archival file]. Bundesarchiv.

66. Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda. (1941, May 14). Protokoll der 11-Uhr-Konferenz des Reichspropagandaministers [Meeting minutes]. Bundesarchiv (BArch, Bestand R 55-20001g; parallel filing: R 43-II/1650).
67. Heydrich, R. (1941, June 4). Der Chef der Sicherheitspolizei und des SD an alle Leiter der Staatspolizei(leit)stellen, Kripo(leit)stellen, Führer der SD (Leitabschnitte) [Circular letter]. Bundesarchiv (BArch, Koblenz, Bestand R 58/1030).
68. Arnold-Liebster-Stiftung. (2022, July 4). Withdrawal of child custody of the Schmidt family: Transcript of the decision of the Briege District Court. <https://alst.org/en/documents/the-persecution-of-children-and-youths/withdrawal-of-child-custody-of-the-schmidt-family-transcript-of-the-decision-of-the-briege-district-court/>
69. United States Holocaust Memorial Museum. (n.d.). Симон Арнольд [ID card]. Holocaust Encyclopedia. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/id-card/simone-arnold>
70. Holocaust Memorial Day Trust. Simone Arnold-Liebster [Life story resource]. <https://hmd.org.uk/resource/simone-arnold-liebster/>
71. Strübind, A. (2017). Die NS-Religionspolitik gegenüber den Freikirchen. Kirchliche Zeitgeschichte, 30(1), 27–45. JSTOR. <https://www.jstor.org/stable/26393747>
72. Thamer, H.-U. (2005, April 6). Ausbau des Führerstaates. Bundeszentrale für politische Bildung. <https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/dossier-nationalsozialismus/39550/ausbau-des-fuehrerstaates/>
73. Volksgemeinschaft. In Wikipedia. <https://en.wikipedia.org/wiki/Volksgemeinschaft>
74. Aktion gegen Geheimlehren und sogenannte Geheimwissenschaften. In Wikipedia (Deutsch). https://de.wikipedia.org/wiki/Aktion_gegen_Geheimlehren_und_sogenannte_Geheimwissenschaften

75. Kurt Hutten. In Wikipedia (Deutsch).
https://de.wikipedia.org/wiki/Kurt_Hutten
76. Dietrich Bonhoeffer. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Dietrich_Bonhoeffer
77. Evans, R. J. (2016, May 5). The Devil's Diary review – the mind of Alfred Rosenberg, Hitler's 'chief ideologue' (archived July 20, 2024). Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20240720063843/https://www.theguardian.com/books/2016/may/05/devils-diary-alfred-rosenberg-nazi-germany-review>
78. Al-Duri, O. A. (n.d.). [PDF article]. International Journal of Research in Social Sciences and Humanities.
<https://ijrssh.com/admin/upload/10%20Dr%20Osama%20Abdulrahman.pdf>
79. Müller, A. B. (2006). Hans Meiser in der Nachkriegszeit [PDF]. (Reprint hosted at Landesbischof-Meiser.de). <https://bischof-meiser.de/media/Nachkriegszeit.pdf>
80. Meiser, H. C. (2008). Der gekreuzigte Bischof: Kirche, Drittes Reich und Gegenwart – Eine Spurensuche [PDF]. <https://bischof-meiser.de/media/der-gekreuzigte-bischof.pdf>
81. Walter Grundmann. Contemporary Church History Quarterly (tag archive). <https://contemporarychurchhistory.org/tag/walter-grundmann/>
82. Volume 16 Number 4 (December 2010). Contemporary Church History Quarterly (category archive). Retrieved December 26, 2025, from <https://contemporarychurchhistory.org/category/volume-16-number-4-december-2010/>
83. Evangelische Zentralstelle für Weltanschauungsfragen. In Wikipedia (Deutsch).
https://web.archive.org/web/20250417215519/https://de.wikipedia.org/wiki/Evangelische_Zentralstelle_f%C3%BCr_Weltanschauungsfragen

84. Apologetische Centrale. In Wikipedia (Deutsch).
https://web.archive.org/web/20250407174550/https://de.wikipedia.org/wiki/Apologetische_Centrale
85. Walter-Künneth-Institut (redlink edit page). In Wikipedia (Deutsch).
<https://web.archive.org/web/20250407174550/https://de.wikipedia.org/w/index.php?title=Walter-K%C3%BCnneth-Institut&action=edit&redlink=1>
86. Junginger, H. (2007). The study of religion under the impact of fascism. Brill. <https://brill.com/display/title/11905>
87. Junginger, H. Publikationen. Retrieved December 26, 2025, from <https://horst-junginger.de/publikationen>
88. Junginger, H. (1999). Von der philologischen zur völkischen Religionswissenschaft: Das Fach Religionswissenschaft an der Universität Tübingen von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des Dritten Reiches. Franz Steiner Verlag. <https://www.steiner-verlag.de/Von-der-philologischen-zur-voelkischen-Religionswissenschaft/9783515074322>
89. Stochastic terrorism. (2024, April 9). Encyclopaedia Britannica. <https://www.britannica.com/topic/stochastic-terrorism>
90. Terrorism. (2025, December 19). Encyclopaedia Britannica. <https://www.britannica.com/topic/terrorism>
91. United States Holocaust Memorial Museum. Julius Streicher. Holocaust Encyclopedia. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/julius-streicher>
92. Max Planck Institute for the Study of Crime, Security and Law. Philosophical and public security law implications of “stochastic terrorism” (Project page). <https://csl.mpg.de/en/projects/philosophical-and-public-security-law-implications-of-stochastic-terrorism>
93. Julius Streicher. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Julius_Streicher
94. Lone wolf terrorism. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Lone_wolf_terrorism

95. Nederveen, F., Zürcher, E., Slootweg, R., Hochstrasser, F., & Hoorens, S. (2024). From words to actions: An exploration and critical review of the concept of “stochastic terrorism” (English summary) [PDF]. RAND Europe. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR3200/RR3232-1/RAND_RRA3232-1.summary-English.pdf
96. Kurten, M. (2025, January 9). Why we fight for fractured truths – How misinformation fuels political violence in democracies. MediaWell (Social Science Research Council). <https://mediawell.ssrc.org/research-reviews/why-we-fight-for-fractured-truths-how-misinformation-fuels-political-violence-in-democracies/>
97. Vancouver Holocaust Education Centre. (2007). Nuremberg: A student mock trial of Julius Streicher [Teachers’ guide]. https://vhec.org/wp-content/uploads/nuremberg_guide_full.pdf
98. PowerMentor. (2025, September 25). The weaponization of words: How the Left’s rhetoric is fueling stochastic terrorism. <https://www.powermentor.org/blog/the-weaponization-of-words-how-the-lefts-rhetoric-is-fueling-stochastic-terrorism>
99. cm. 92
100. EBSCO. Julius Streicher (Research Starters). <https://www.ebsco.com/research-starters/biography/julius-streicher>